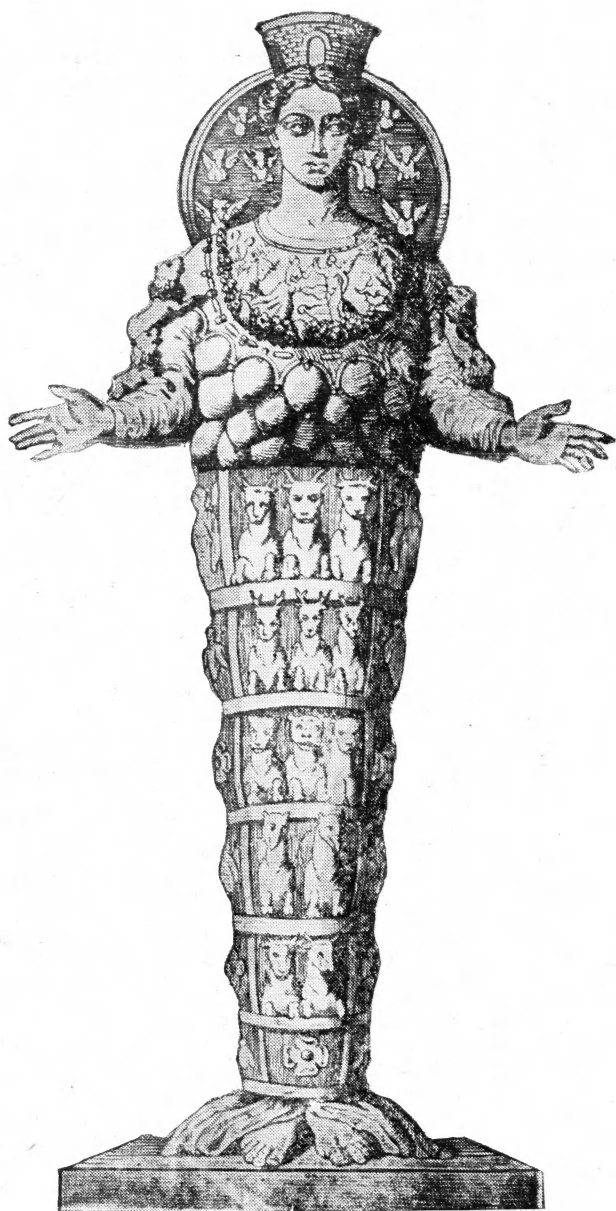

З. П. СОЛОВА
КУЛЬТ
ЖИВОТНЫХ
В РЕЛИГИЯХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Научно-атеистическая литература»

З. П. СОКОЛОВА

**КУЛЬТ
ЖИВОТНЫХ
В РЕЛИГИЯХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1972

Следы почитания животных можно обнаружить в религиях разных народов и эпох. Властитель Олимпа Зевс, якобы являвшийся людям в образе быка, лебедя или орла, древнеегипетские бог Гор с головой кобчика и богиня-мать Исида с коровьими рогами, бог Пан с козлиными ногами, Иисус Христос в образе агнца — вот лишь некоторые примеры, свидетельствующие о том, что культ животных оставил яркие следы во многих религиях.

Автор, кандидат исторических наук, участница многих этнографических экспедиций, на основе этнографических и исторических материалов рассказывает о мистическом почитании животных разными народами и о влиянии культа животных на развитие религиозных систем в классовых обществах.

В книге приводятся многочисленные примеры из этнографии народов Сибири, хантов и манси. Дано описание такого интересного явления в сибирской этнографии, как медвежий праздник.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

Ответственный редактор

В. Н. БАСИЛОВ

Введение

Еще на школьной скамье из учебников истории узнаем мы о странном почтительном отношении к животным, которое было свойственно религиям древнего мира. Бог Пта в образе быка, бог Осирис с головой ястреба и кладбище мумий священных кошек в Египте; бог Зевс, будто бы являвшийся людям в образах быка, лебедя или орла; бог Пан с козлиными ногами и рогами в верованиях древних греков; финикийская богиня Аштарт в облике коровы; бог индусов Гануман в образе обезьяны и т. п. В дальнейшем книги и статьи, а порой и кинофильмы знакомят нас с новыми примерами особой роли животных в религиях разных народов и разных эпох. Мексиканский бог Солнца Тецкатлипока с медвежьей головой, шумерский бог Эа, изображавшийся как человек-рыба, черты животных в облике этрусских демонов загробного мира и, наконец, христианский бог Христос в образе агнца — все подобные факты позволяют заключить, что почитание животных, оставившее свои следы и в поздних, развитых религиях, некогда было распространено чрезвычайно широко.

Роль животных в религиозных верованиях народов Земли была удивительно разнообразной. В облике животного некогда представлялось божество. Животное считалось спутником или помощником бога. Так, в религии древних греков богиня охоты Артемида изображалась с ланью; ужасный пес Кербер сторожил вход в ад. У народов, не знавших деления общества на классы, происхождение людей связывалось с животными, птицами, рыбами и даже насекомыми. Калифорнийские индейцы племени койотов (Прерийные волки) верили, что их предки были волками. Многие группы сибирских народов — обские ханты, уральские манси, нарымские селькупы вели свое

происхождение от медведя, зайца, гуся, кедровки, журавля, щуки или лягушки.

Животные выступали покровителями людей, помогали им в промысле. У эскимосов Канады и Баффиновой Земли благодетельницей считалась богиня Седна в образе моржихи, у эскимосов Лабрадора — мужское божество в образе белого медведя.

В мифах многих народов животные дают людям огонь, разные блага, учат обычаям и обрядам. По бурятским легендам, первым шаманом был орел. Он вступил в связь с женщиной и передал ей искусство шаманить. Божественный ворон у коряков и чукчей почитался как творец Вселенной, Земли, рек и гор, а также людей. Он будто бы научил их промыслам, дал им оленей.

Широко была распространена в разных уголках земного шара вера в оборотничество — превращение колдунов и колдуний в животных. Достаточно вспомнить «Майскую ночь» Н. В. Гоголя — падчерица сотника видит, как страшная черная кошка крадется к ней: «На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу — лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанной рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку».

В облике животного представлялась и душа человека. Когда умер знаменитый философ Плотин (III в. н. э.), то его коллега будто бы увидел под постелью покойника змею, тотчас же скрывшуюся в трещине стены: философ был уверен, что змея была душой умершего. У древних персов собаки окружались величайшим почетом, ибо считалось, что в них помещаются человеческие души после смерти. Поэтому труп человека отдавался на съедение собакам, бродившим повсюду в большом количестве.

У сибирских шаманов некоторые духи-помощники рисовались в виде разных животных.

Факты почитания священных животных, которых нельзя уничтожать и обижать, хорошо известны. Убийство священного животного в Древнем Египте каралось смертной казнью, а древнегреческий историк Геродот, живший в середине V в. до н. э., свидетельствовал, что смерть кошки у египтян оплакивалась горше, чем смерть сына.

У многих народов самой лучшей жертвой божеству считалось животное, причем в разных районах Земли предпочитали для жертвоприношения различных животных. Лопари закалывали оленя, туркмены и казахи — барана, в ряде районов Узбекистана на первом месте выступали курица или петух, кое-где на Кавказе — коза или козел.

Религия запрещала употреблять в пищу некоторые виды животных. Широко известен запрет на свинину в исламе и иудаизме. Некоторые группы австралийцев не убивают кенгуру и вообще не едят его мясо, хотя это самое крупное животное на континенте. В Индии сегодня сохраняется культ священных животных (многочисленные обезьяны в храмах и на улицах, коровы), которых никто не смеет убивать, а мясо их употреблять в пищу. Подобные ограничения еще более сильными были на ранних стадиях развития религиозных верований.

В верованиях разных народов животные выступают и в качестве враждебной силы, опасной не только для людей, но и для богов. Бог Адонис погиб, по древним мифам, убитый вепрем. В скандинавской мифологии страшный волк и чудовищная змея, опоясавшая Землю на дне Мирового океана, грозят богам; от них, по пророчеству, придет гибель многим богам...

Как видим, примеров разнообразных форм особого, почтительного отношения к животным чрезвычайно много. Они отмечены как в древнейшей истории человечества, так и в более поздние периоды, будучи свойственны и отставшим в своем развитии народам, и классовым обществам с высокой культурой, и даже современным народам. Возможно ли разобраться в этом наборе фактов и явлений, выявить какие-либо закономерности и последовательность в их развитии, систематизировать их, вскрыть корни их происхождения? Да. Это и предстоит нам проделывать на страницах данной книги.

Фактический материал, приведенный в книге, — лишь примеры, число которых можно при желании увеличить беспредельно. Но мы не ставим перед собой задачу суммировать все имеющиеся данные о культе животных. У нас иная цель — найти связь между этими различными фактами, объяснить их происхождение и бытование.

Разные формы религии (тотемизм, промысловый культ, шаманизм и др.) связаны между собой в своем

развитии, поэтому в работе, хотя материал и изложен по отдельным темам, неизбежны некоторые повторения и отсылки к изложенному ранее.

В работе используются мифы и сказки народов разных стран. Миф, как и обряд, свидетельствует о древних формах религии. «Миф живет дольше, чем обряд, и перерождается в сказку»¹. Миф — это рассказ о божествах, божественных существах, в действительность которых народ верит. Миф является одним из источников сказки. То, что в современной сказке переосмысленно, в мифе содержится в своем исконном виде. Поэтому сказка, как и миф, отразила некоторые черты и явления первобытной социальной и культурной жизни.

Работа делится на три главы: первая — Древнейшие формы почитания животных, вторая — Почитание животных в эпоху разложения первобытнообщинных отношений, третья — Зоолатрические культы и представления в религиях классовых обществ. Однако мы заранее должны оговорить условность такого деления книги, так как для классовых обществ характерны и пережитки древнейших форм почитания животных (тотемизма, промыслового культа и др.), в то же время некоторые характерные и развивающиеся в эпоху классовых государств формы особого отношения к животным зарождаются еще в доклассовый период (например, переплетение культов животных и земледельческих обрядов, отношение к животному как к жертве и т. п.). В данном случае мы попытались показать для каждого периода наиболее характерные и развитые виды почитания животных.

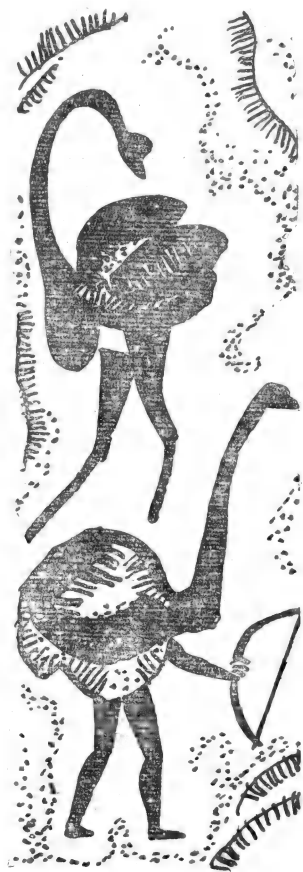
Древнейшие формы почитания животных

Тотемизм: животные — предки и родичи

Заглянем в глубь веков

...Большой зал в глубине пещеры освещен факелами. В центре его — две глиняные фигуры бизона. Вокруг них движется хоровод ритмично покачивающихся в ритуальном танце подростков и взрослых. Они что-то поют, обращаясь к бизонам, их тени с поднятыми вверх руками пляшут на стенах пещеры...

Примерно такую картину могут вызвать в воображении некоторые археологические находки, относящиеся к далекой палеолитической эпохе. В пещерах Франции (Тюк д'Одубер, Пеш-Мерль, Монтеспан) найдены отпечатки ступней человека, оставленные вокруг изображений животных — бизонов, медведей. Эти следы хорошо сохранились, так как пропитались натеком извести сталактитовых образований. Следы оказались в отдаленных помещениях пещер, вход в которые был закрыт в течение тысячелетий и обнаружен лишь в наши дни в результате специальных поисков. Большинство этих следов принадлежало подросткам

10—12 лет. Тяжелый приступ на пятку можно расценивать как свидетельство ритуального танца.

Чрезвычайно интересная композиция обнаружена на французской стоянке Лоссель. На пяти известняковых плитах, стоящих полукругом, изображены различные фигуры. На трех плитах — женские фигуры, в руках двух из них — бычьи рога, очевидно предназначенные для питья. На четвертой плите изображен охотник в позе копьеметателя, а на пятой — самка оленя, около которой мазки охры, вероятно, означавшие, что животное ранено или убито. Что это — охотничья сцена или обрядовая церемония?

Пещерная живопись и скульптура верхнего палеолита, созданная 40—18 тыс. лет назад, стала достоянием науки в конце XIX — начале XX в. Первые открытия были встречены недоверчиво: многие ученые не хотели верить, что в столь давние времена первобытный человек обладал замечательным мастерством, тонким знанием повадок и особенностей животных. И лишь когда число находок было умножено, стала ясна подлинность и самобытность верхнепалеолитического искусства. Принадлежность этих памятников искусства к той отдаленной эпохе определяется их местонахождением в геологических слоях, относящихся ко времени около 40 тыс. лет назад, а также обнаружением вместе с ними орудий труда палеолитического человека.

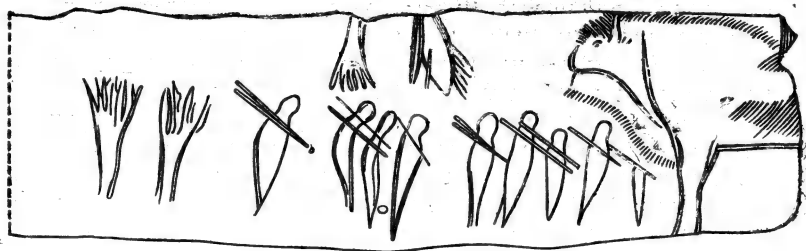
Памятники палеолитического искусства еще ничего не говорят о каком-либо необычном отношении первобытного человека к животным. В рисунках и скульптурах наиболее часты сюжеты с мамонтом, бизоном, пещерным медведем, львом, северным оленем, лошадью, козлом, т. е. с теми животными, охота на которых служила источником существования первобытного человека. Животные изображены мирно пасущимися, спасающимися от преследования, ранеными дротиками и стрелами охотников, в агонии. Например, сценка с бизоном из французской пещеры Нио выполнена черной (бизон) и красной (пронзающие его стрелы) красками. Бизон передан в реалистической манере, очень тонко схвачены его осанка, мощь, атакующая поза. Памятники палеолитического искусства свидетельствуют, что среди первобытных охотников были талантливые художники и скульпторы, воспроизводившие образы животных, на которых они охотились. Однако

есть основания думать, что с некоторыми скульптурными изображениями и рисунками животных были связаны какие-то обрядовые действия, цель которых — магически воздействовать на результаты будущей охоты.

Перед нами обломок кости из палеолитической стоянки Абри-дю-Шато во Франции. На нем процарапаны фигуры громадного бизона и группы людей перед ним. Ученые называют это сценой «обрядового чествования бизона». А вот костяная пластинка из палеолитической пещеры Раймонден (Франция). На ней мы видим скелет съеденной туши зубра с целой головой и передними ногами. Вокруг нее расположены человеческие фигуры. В этом рисунке археологи также видят символическую сцену обрядовой трапезы. Однако находится немало скептиков, отрицающих ритуальное значение подобных находок.

Исследуя в районе Северных Пиренеев пещеру Монтеспан, Норберт Кастере в 1923 г. проплыл с электрическим фонариком 2 км по подземной реке и обнаружил в одном из залов пещеры глиняную фигурку медведя со следами ударов дротиков, окруженную фигурками других животных, тоже вылепленных из глины. Скульптура медведя не имела головы, но рядом с ней был найден череп медведя, возможно заменявший голову зверя. Некоторые исследователи склонны видеть в этой находке следы обряда промысловой магии. Однако есть и другие мнения. Утверждают даже, что такая скульптура, как и рисунки на стенах пещер, служила своеобразным «наглядным пособием» для чисто светского охотничьего обучения первобытных детей.

Не прекратились споры и вокруг находок костей и черепов медведя, в частности, в пещерах Петерсхэле (ФРГ) и Драхенлох (Швейцария). В этих пещерах в эпоху мустье (около 100—40 тыс. лет до н. э.) жил человек. В Петерсхэле вместе с остатками очагов, сложенных из плит, и очень примитивными каменными орудиями были найдены останки животных. Среди них больше всего костей пещерного медведя. Некоторые кости были, видимо, специально подобраны в определенном порядке и уложены в особых углублениях-нишах, а сверху прикрыты плитами и камнями. Рядом в углублениях в скале лежали черепа медведей. В одной из ниш обнаружены вместе пять черепов и три кости конечностей. В пещере Драхен-

Изображение людей перед бизоном (кость). Стоянка Абри-дю-Шато.
Франция

лох привлекли внимание стенки из плиток известняка 80 см высотой. В отгороженном от стен пещеры пространстве в определенном порядке, по 3—4 черепа вместе, лежали медвежьи черепа и кости конечностей. Кроме того, шесть ящиков, тоже из плит известняка, были заполнены черепами и костями конечностей медведя. Сверху ящики накрывались каменными плитами¹.

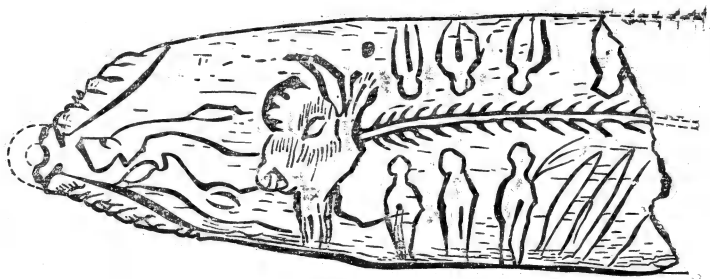
Что это? Склады пищи или ритуальные захоронения останков животных? Может быть, это следы обычая, сходного с бытовавшим в недавнее время у нивхов (гиляков) Нижнего Амура и Сахалина, которые хранили головы медведя, почитаемого ими как родоначальника, в специальном амбаре родового стойбища? Рядом с амбаром на шнурках нивхи вешали медвежьи лапы, а остальные кости хоронили недалеко от амбара. Может быть. Но... Можно ли проводить столь отдаленные аналогии и реконструировать обычаи людей каменного века? Можно ли с известной долей уверенности истолковывать эти памятники как ритуальные, обрядовые? Можно ли видеть в них следы особого, почтительного отношения к животным?

Интерпретация археологических находок, тем более таких древних, как палеолитические, всегда связана с известным риском преувеличить их значение и исказить смысл. Сами по себе археологические материалы, поскольку они представлены лишь памятниками материальной культуры, ничего определенного о религиозных верованиях первобытного человека не говорят. На этот счет можно лишь строить предположения. Конечно, заманчиво сопоставить рисунок скелета бизона с целыми головой и лапами из пещеры Раймонден с обычаем хантов и манси (обских угров) Западной Сибири во время медвежьего

праздника укладывать медвежью шкуру с головой и лапами на почетное место в доме! Но, возможно, это просто рисунок, отражающий обыкновенную трапезу первобытных людей. Не исключено, что правы те ученые, которые видят в палеолитических пещерных рисунках и скульптурах лишь памятники искусства, а в скоплениях костей и черепов животных — запасы пищи. У нас нет веских доказательств ни для тех, ни для иных толкований.

То обстоятельство, что при интерпретации хранящих таинственное молчание памятников первобытности ученые обращаются к этнографическим данным, не спасает положения. Метод сопоставления этнографических и археологических источников не всегда оправдан: ведь порой археологические и этнографические известия разделены целыми эпохами в миллионы лет и происходят из разных частей света. Сопоставление таких данных в какой-то степени правомерно лишь для определенных узких территорий и сравнительно мало удаленных во времени явлений. Примером такого исследования является расшифровка неолитических наскальных изображений (писаниц) Урала В. Н. Чернецовым — советским ученым, изучавшим этнографию хантов и манси и археологию Урала и Западной Сибири². Он сопоставил эти писаницы с обскоугорскими рисунками животных на деревьях, бересте, с татуировками, тамгами, орнаментом и охотничьими затесами, поскольку далекие предки хантов и манси когда-то жили на той же территории и, вероятно, оставили эти писаницы.

Из исследования В. Н. Чернецова следует, что подавляющее большинство наскальных рисунков посвящено

Сцена поедания бизона (кость). Пещера Раймонден, Франция

охотничьим сценам — загону лосей, косуль, оленей и охоте на птиц. Они выполнены в реалистической манере и сочетаются со сложными зигзагообразными (меандровыми) фигурами и ломаными линиями. Этнографические аналогии позволяют видеть в этих фигурах и линиях загорода, загоны и другие ловушки, чрезвычайно широко применявшиеся у охотников хантов и манси Урала и Западной Сибири. Вместе с тем среди наскальных рисунков Урала выделяются и другие сюжеты — условные, схематизированные антропо- и зооморфные фигуры, стилизованные изображения медведя и медвежьих лап. Сравнение их с обскоугорскими культовыми фигурами, тамгами и орнаментами показывает, что в эпоху неолита здесь уже зарождались элементы культа зверей (медведя), птиц и земноводных (лягушки), а также, возможно, и культа предков с животными или птичьими чертами. Как известно, культ медведя у хантов и манси был ярко выражен и долго бытовал: на медвежьем празднике сосвинских манси автору удалось присутствовать в 1966 г. Легенды о предках в образах лягушки, чайки или зайца старики могут рассказать и сейчас во многих селениях.

Это исключительно редкий случай, когда на протяжении тысячелетий почти не менялись основное население и его традиции, и то у нас нет одинаковой уверенности в достоверности всех реконструкций. История изучения петроглифов Карелии, которое предпринимается с широким привлечением данных по этнографии карелов, только укрепляет скептицизм: целый ряд выбитых на скалах рисунков и знаков толкуется неодинаково исследователями, стоящими на близких позициях.

Так как же заглянуть в глубь веков? Неужели далекое прошлое человечества навсегда закрыто от нас непроницаемой завесой? Это трудная задача — реконструировать ушедшие времена. И если мы не хотим подменять достоверные сведения воображением, надо прежде всего четко определить круг источников, которые помогут нам проникнуть в тайны первобытного мышления. Археологические памятники придется исключить из того материала, на который мы будем опираться. Они сами требуют толкования и не проливают свет на загадки первобытных верований; толкования их лишь отражают точку зрения того или иного исследователя. Следы ранних религиозных воззрений хранит язык, однако и в лингвистиче-

ском анализе еще очень много спорного. Остается пока только один источник, который служил и будет служить основой для воссоздания картины духовного мира наших первобытных предков, — это богатейший этнографический материал, накопленный наукой главным образом в течение последних двух-трех столетий, сведения о верованиях народов и племен, еще недавно сохранявших очень примитивный образ жизни, некоторыми чертами напоминающий образ жизни людей эпохи первобытности.

Наиболее отставшими в своем общественном развитии обычно считаются тасманийские и австралийские племена. Хотя за последнее время обнаружены и описаны и другие очень примитивные группы, пока еще остается общепринятым сопоставлять орудия труда эпохи палеолита именно с австралийскими и тасманийскими. В XIX в. ученые застали бродячие охотничьи племена австралийцев еще на стадии общинно-родового строя. У большинства племен господствовал материнский род, некоторые перешли к отцовскому счету родства. Общественный уклад их характеризовался поло-возрастным разделением труда (мужчины охотились, женщины и подростки собирали растительную пищу), следов экономического неравенства еще не было.

Правда, говоря об австралийцах, мы должны указать и на недостатки метода использования этнографического материала. Нельзя забывать о том, что и австралийцы, и другие примитивные племена, даже оказавшись в сравнении с другими народами отсталыми, значительно удалились от образа жизни первобытных людей. Некоторые исследователи считают, что австралийцы, например, будучи изолированной группой, деградировали в своем развитии, а в прошлом, до переселения в Австралию, могли находиться на более высокой ступени развития. «Культуры современных народов, даже самых отсталых, далеки от подлинной первобытности, и это надо сказать и об их верованиях: какими бы архаичными они ни были, они уже прошли большой исторический путь развития»³. Поэтому все то, что наука узнала о верованиях еще недавно примитивных племен, нельзя безоговорочно переносить на минувшие эпохи.

И все же этнографический материал, несмотря на все возражения относительно условности сопоставления с первобытностью и т. п., служит надежным источником

для понимания воззрений древних людей. Если народ деградирует в своем развитии, вместе со всеми элементами культуры деградируют и верования. Религиозные представления неизменно отражают тот уровень культуры, который свойствен народу, вне зависимости от того, каким путем этот уровень был достигнут. Сопоставление верований и культов народов, стоящих на разных ступенях социального развития, позволяет понять и общий путь становления и эволюции религиозного мышления.

Итак, заглянуть в прошлое поможет нам этнография, накопившая драгоценные сведения о «живой старине» различных народов земного шара.

Австралия — классическая страна тотемизма

...С ветвями в руках обнаженные мужчины идут по древней тропе. Знойное солнце нещадно палит их спины. Но вот начинается спасительная прохлада в тени скал. Черное отверстие пещеры поглощает одного за другим участников древней церемонии. Посреди длинного зала покоится большая глыба кварцита, по форме напоминающая жука. Все рассаживаются вокруг нее. В пещере полутемно и тихо. Где-то журчит вода. Глава группы ударяет по камню деревянным корытом, в обычное время служащим для сбора личинок длиннорогого жука, и поет заклинание, в котором просит самку жука класть яйца. Все участники церемонии вслед за ним ударяют ветками по кварцитовый глыбе и поют священные гимны-заклинания с той же просьбой. Тут же лежат камни поменьше, они изображают яйца самки жука. Над ними совершается такой же обряд. После этого вождь группы берет один из этих мелких камней и, ударяя им в живот каждого присутствующего на церемонии, говорит: «Ты ел много пищи».

Все покидают сумрачную пещеру, спускаются к руслу высохшей реки и останавливаются около утеса. По преданию, здесь предок группы в мифические времена жарил и ел личинки длиннорогого жука. У подножия утеса в землю в те же времена была зарыта самка длиннорогого жука. Здесь же находится чурингохранилище *. Миф гласит, что мифический герой бросил свои чурин-

* Чуринги — раскрашенные деревянные пластинки с закругленными концами или плоские, овальной формы камни, являющиеся тотемическими эмблемами. Схематические рисунки на них, несмотря на всякое отсутствие сходства, символизировали тотем. Существовала вера в то, что чуринги имеют таинственную связь с тотемическим предком, в них якобы воплощена духовная часть умершего человека или животного, они были священны и хранились в священном месте. Другие исследователи несколько иначе расшифровывали значение чуринг: это как бы второе тело человека и одновременно тело тотема-предка.

ги об утес. Снова вожак производит магические действия: тем же корытом ударяет по утесу, просит, чтобы личинки длиннорогого жука ползли отовсюду, обеспечивая его людей пищей. И опять мужчины ударяют ветками по утесу, а в священных гимнах повторяют слова старейшины. Из чурингохранилища приносят чуринги, вожак группы бросает их одну за другой об утес. Церемония продолжается около углубления, в котором лежат два прикрытых слоем почвы небольших камня. Один, покрупнее, изображает куколку жука, другой — яйцо. И снова глава группы ударяет каждого по животу камнем, изображающим чурингу куколки, и приговаривает: «Ты ел много пищи».

С пением, церемонным шагом все направляются в поселок. Там уже готов длинный шалаш, напоминающий оболочку куколки жука. Все проходят через него, изображая вылупливание насекомого из куколки. Священные гимны рассказывают о разных стадиях превращения личинки в насекомое. В конце обряда участники церемонии садятся за общую ритуальную трапезу и едят личинки длиннорогого жука, запретного для них в остальное время года...⁴

Жизнь австралийцев теснейшим образом была связана с тотемическими верованиями. Здесь мы имеем дело с наиболее типичным тотемическим обрядом — церемонией умножения животного-предка, личинки которого являлись основной пищей австралийцев.

Исследования религиозных верований всегда затруднительны, так как они обычно хранятся в тайне. Разглашение тайн тотемического культа каралось смертью. Яркое описание такого случая есть в рассказе Бэта Дина и Виктора Кэрелла «Пернатые туфли смерти»⁵. Австралиец, пытавшегося продать чурингу для коллекции иностранцу, настигла смерть. Классические формы австралийского тотемизма стали известны науке благодаря исследователям Б. Спенсеру и Ф. Гиллену. Б. Спенсер — профессор Мельбурнского университета, Ф. Гиллен долго был протектором австралийских племен в округе Алис-Спринг штата Южная Австралия. Их ставшие классическими труды, посвященные описанию культуры и быта племен Австралии, вышли в Лондоне в 1899 и 1904 гг.⁶ В течение более 30 лет ученые изучали культуру и быт австралийских племен и, завоевав доверие австралийцев, были приняты в состав одного из племен. Значение тотемизма для науки открыл шотландец Мак-Леннан в работе «Почитание животных и растений», вышедшей в 1869—1870 гг. С тех пор проблема тотемизма, его сущности, значения и происхождения занимает умы многих ученых.

Как и всякая религия, тотемизм имеет две стороны — религиозную и социальную, но, в отличие от других форм религии, социальная сторона в тотемизме видна особенно отчетливо, что нередко ставило буржуазных ученых, не понимающих социального значения религий, в тупик.

Исследователь тотемизма этнолог Дж. Фрезер так определил сущность тотемизма: «Тотемизм — это система полусоциальная-полусуеверная, которая весьма распространена среди дикарей прошлого и настоящего времени и согласно которой племя или коммуна разделена на несколько групп или кланов, члены которых считают себя соединенными и родством и общим почитанием какого-нибудь вида среди явлений природы, каковым обычно является животный или растительный вид. Этот вид, животный, или растительный, или охватывающий предметы неорганической природы, называется тотемом клана, и каждый член клана проявляет свое почтение к тотему путем воздержания от нанесения ему вреда. Это почитание тотема часто объясняется верованием, согласно которому члены клана являются родственниками и даже потомками тотема, и представляет собой суеверный аспект тотемизма. Что касается социального аспекта системы, то он проявляется в ограничении, препятствующем членам одного и того же клана вступать в брак между собою, так что они оказываются вынужденными искать себе жен или мужей в другом клане»⁷.

Однако есть сторонники и более широкого толкования значения тотемизма. Тотемизм в целом, по их мнению, это не только религия первобытнообщинного строя, это и мировоззрение первобытного человека, выражение социальной структуры древнего общества. Так, исследователь австралийцев А. Элькин определял тотемизм как «представление о природе и жизни, о Вселенной и человеке, которое придает особую окраску общественным группировкам австралийцев, влияет на их мифологию, вдохновляет их обряды и связывает людей с прошлым»⁸. На раннем этапе развития общества тотемизм действительно выражал все мировоззрение первобытного человека, в нем сливались и были выражены и мифология, и представления о природе, и социальные отношения людей, и религиозные взгляды. На более поздних этапах развития общества, там, где тотемизм присутствует уже в форме пережитков, где начали выделяться представления о Вселен-

ной, правовые нормы, искусство, фольклор и т. п., уже сравнительно легче выделить религиозную сущность тотемических представлений. Но при этом надо помнить, что они в это время уже значительно развились и слились с другими формами религии.

На языках различных племен и народов форма религии, именуемая тотемизмом, называется по-разному, например у западных австралийцев термину «тотем» соответствует термин «кобонг», у южных — «нгантье». Но в науке закрепился термин «тотемизм». Термин «тотем» происходит от слов «от-отем» или «от-отам» («его род») североамериканских индейцев группы оджибве или чипева, расселенных к северо-западу от Великих озер. Впервые он появился в книге английского купца Дж. Лонга «Путешествие и странствование индейского купца и переводчика» в конце XVIII в. Лонг был усыновлен индейцами, хорошо знал их быт и описал их веру в родство с животными.

Хотя тотемизм впервые стал известен по материалам североамериканских индейцев, более яркие формы он имел у австралийцев. У других, более развитых народов он чаще известен в форме пережитков. Поэтому Австралию называют классической страной тотемизма.

Все австралийцы делились на племена. Каждое из австралийских племен занимало определенную территорию, охраняемую от чужеплеменников. В состав племени входили группы (роды или кланы), они имели свои участки общеплеменной территории. На этом участке группа кочевала в поисках пищи.

Что такое тотемизм

Отличительная особенность тотемизма состоит в том, что группа людей ведет свое происхождение от тотема, т. е. определенного вида животного, насекомого, растения. Австралиец называет свое тотемное животное отцом, братом, другом («это наш отец», «это наш друг»). Некоторые группы отождествляли себя с тотемом, другие называли его «наше мясо». Чаще всего тотемы — это животные или крупные птицы: кенгуру, опоссум (крупная сумчатая крыса), дикая собака, вомбат (сумчатый сурок), летучая мышь, страус эму, ворон, а также пресмыкающиеся — змея, ящерица. В центральных и полупустынных райо-

нах, где животный мир крайне беден, тотемами были насекомые, растения, явления из мира неодушевленных предметов: гром, дождь, солнце, вода, звезды и т. п. Преобладающее значение животных в числе тотемических предков связано скорее всего с охотничьим хозяйством первобытного человека.

Тотемизм отличается от других форм почитания животных тем, что он не является формой поклонения животным в прямом смысле слова. Тотем — не божество, главное в тотемизме — вера в родство с ним. На вопрос: «Кто ты?» — член тотемической группы отвечает: «Я — волк», «Я — кенгуру» и т. п. Особенностью тотемизма является также то, что в родстве со всем видом того или иного животного состоит вся группа людей. Она ведет от него свое происхождение и выполняет целый ряд обрядов и церемоний с целью сохранить и умножить этот вид животного, а вместе с ним и свою группу. Из этого вытекает еще одна черта тотемизма: тотемическая группа называется по имени тотема-животного (Люди кенгуру), птицы (Люди эму), насекомого (Люди длиннорогого жука), растения (Люди травяного семечка).

Для тотемизма характерна и другая черта: вера в то, что тотем воплощается в человеке *. Эти представления более конкретно объясняют веру в происхождение группы от тотема. Но в человеке воплощается не сам тотем; вера в перевоплощение души человека после смерти в животное возникает позднее, с развитием представлений о душе, о чем мы будем говорить в дальнейшем. Нельзя также отождествлять инкарнацию с воплощением тотема в человеке. Согласно тотемическим мифам, тотемические предки оставили в определенных местах (камнях, деревьях и скалах) сверхъестественные существа — детские зародыши (ратапа), которые могут войти в тело проходящей мимо женщины, после чего она забеременеет и родит ребенка, происходящего от этого тотема.

Представления австралийцев о происхождении своей группы закреплены в тотемических мифах. Это мифы о подвигах тотемических предков, выступающих в образах фантастических существ или людей с именами и чертами животных, иногда просто в виде животных. В мифах они

* Тотемическое воплощение в специальной литературе называется также инкарнацией.

ведут такую же жизнь, как и сами австралийцы: кочуют, охотятся и т. п., но, помимо этого, они могут передвигаться по воздуху и под землей. Миф заканчивается обычно тем, что мифический предок, Алчеринга, уходит под землю или превращается в дерево, скалу, глыбу камня. Действие происходит в древние мифические времена, которые называются у разных племен по-разному: Алчера — у аранда, Вингара — у арабана, Унгуд — у унгариньи и т. п. Так, по преданию племени арабана, в первобытные времена Уларака их предки не имели человеческого облика, действуя, как люди, обладая сверхъестественными качествами: могли летать, делаться невидимыми, уходить в землю, вселяться в скалы и деревья. Тотемические мифы являются как бы историей происхождения данной группы, в то же время они объясняют происхождение тех или иных скал, ущелий и других примечательных мест данной местности с точки зрения австралийца. Вот пример одного из таких мифов:

«Во времена Вингара появились зеленая и коричневая змеи. Сначала они водворились в одной скважине, называвшейся Якиди, и занимались витием веревок из шкур. Выйдя на свет из скважины, они отправились странствовать и пришли в Мурамура, где они вили веревки, ели травяные зерна и оставили после себя май-аурли*, которые вышли из их тел. Оглянувшись назад, они увидели дым в направлении реки Макумба, где местность была вся обьята огнем.

В пути коричневая змея шла впереди, зеленая следовала за ней. Это были те две змеи, которые во время своих странствований образовали все родники, которые сейчас характерны для этой местности. Среди прочих они создали родники Кальтикальтинга, так называемый Тридцатимильный родник и родник Фонтан. Здесь они снова вили веревки из шкур и ели травяные зерна... Там, где они бросали травяные былинки, выросли кусты, чтобы по ним замечать данный участок. Во время своего странствования они создали родник Маргариты и на месте, носящем ныне название бугра Маргариты, они соорудили два каменных убежища, в которых и расположились каждая отдельно. Продолжая свой путь, они проложили рус-

* Духи, которые превращались в мужчин и женщин.

ло заливчика Умбинга и создали родники Белые Бринкли, Долон и Стратуейс. После создания еще нескольких родников они повернули обратно, и зеленая змея сказала коричневой: «Я — Кирарава, а ты — Маттури» *. Они оставили после себя май-аурли на всех лагерных стоянках. Наконец, в месте Каррикатнирина зеленая змея увидела желтую и погналась за ней. Последняя зарылась в землю. Зеленая последовала ее примеру и зарылась недалеко от нее. Коричневая змея сделала то же на другом участке. Возникли три родника в качестве приметы того места, где змеи окончательно исчезли»⁹.

С тотемическими верованиями и мифами были связаны определенные обряды, мифы играли роль сценариев в этих обрядах, например в обрядах умножения зверя и посвящения юношей (инициациях).

Именно в тотемических обществах возникает вера в воскресение после смерти — еще одна характерная особенность тотемизма. Зачатки ее прослеживаются как в обрядах умножения тотема, так и в обрядах инициаций, где действует особый патрон инициаций, дух-чудовище в образе животного, птицы; он убивает и съедает, а затем вновь оживляет посвящаемых юношей.

...В густом лесу скрыты хижинны из ветвей и листьев. Ярко светит солнце, весело поют птицы. Но не так уж безмятежно все вокруг. В центре площади горит костер. Над ним в неестественной позе висит юноша, ноги его почти касаются огня. Ему мучительно больно, но он не издает ни звука. В стороне под деревом лежит другой. Около него сидит мужчина в причудливом одеянии и выщипывает волосы на его теле. Вдали, сидя у входа в хижину, двое юношей объясняются жестами. У одного из них выбит передний зуб, у другого — следы ран на теле. Что это — застенок, где мучительно пытаются невинных? Нет, это проходят обряд инициации юноши, достигшие зрелости. Здесь они уединенно живут несколько лет. Жизнь охотника сурова и полна лишений. Поэтому мужчина должен быть готов к любым испытаниям.

К вечеру группа подростков усаживается вокруг костра. Трещат поленья, искры летят к небу. Звучат трещотки, возвещающие о приходе духов-предков. Тревога и напряжение на лицах юношей. Появляются маски, они изображают героев мифов, в танцах рассказывают об их жизни. Вереницей проходят различные персонажи перед участниками церемонии, но тревожное ожидание

* Названия двух экзогамных половин племени, внутри которых браки запрещены (экзогамия — запрет браков внутри какой-либо группы).

не покидает их. Страшный шум трещоток усиливается, все падают ниц. Вот оно, наконец-то: приплясывая идет дух-страшилище; он тоже в маске, его тело черно, одеяние украшено пухом, на ногах башмаки из перьев эму, склеенных кровью, он вооружен копьем, щитом, в руках у него чуринги. Чудовище схватывает юношей и уносит в чашу...

Непосвященным (женщинам и детям) похищение юношей объясняют как смерть, проглатывание их чудовищем. У одного из австралийских племен люди, играющие роль духов, во время сна посвящаемого «вскрывали» «труп», «меняли» все органы и «вводили» в него змею, воплощающую магические свойства. После магического оживления посвященный юноша становился полноправным членом тотемической группы.

Во время инициаций юношам рассказывали предания, тотемические мифы, знакомили с обычаями, правилами морали, показывали тотемические обряды и пляски. Во время этих церемоний им являлись предки-животные. Только посвященные могли знать некоторые тайны тотемического культа, но были и такие тайны, о которых знали лишь старейшие члены тотемической группы.

Представления о родстве между человеком и тотемом привели к запрету наносить вред тотему, в том числе убивать и употреблять в пищу тотемное животное. Это еще одна особенность тотемизма. Но раз в году, во время обряда умножения тотема, с которым мы уже познакомились, необходимо было съесть немного мяса тотема. В остальное время года австралийцы давали разрешение есть его другим группам или родам, у которых были иные тотемы, в свою очередь получая разрешение от них на употребление в пищу их тотемов. Считалось, что человек теряет связь с тотемом в том случае, если ест много его мяса, и в том случае, если совсем не ест его. Такова следующая особенность тотемизма — обычай ежегодного тотемоядения.

Один из видов жучка — тотем одной из австралийских групп — появляется лишь на несколько дней. В это время его собирают не только члены данной группы, но и те, у которых другой тотем. Пока жучка собирают, никто не смеет его есть. Запасы жучка варят в корытах до тех пор, пока они не превратятся в сухую массу. Затем все собираются в стойбище, и старейшина вместе с дру-

Подражание тотему эму
у австралийцев

гими членами данной группы перемалывает содержимое одного из корыт в порошок. Все члены тотема жучка пробуют порошок. Только после этого вождь группы раздает все запасы жучка присутствующим здесь членам другой группы: теперь они могут есть и собранную ими пищу.

Взаимосвязь человека и тотема выражается также в том, что тотем может спасти человека, предупредив его каким-нибудь знаком; причинением вреда тотему наносится вред и связанному с ним человеку и т. д.

Отличительная черта тотемизма — проведение обрядов умножения зверя. Сущность церемонии умножения тотемного животного заключалась в том, что члены тотемической группы в определенные периоды времени в священном месте совершали магические обряды, проливая свою кровь, распевая магические песни-заклинания, чтобы заставить зародыши тотемов выйти из потайных мест и размножиться. На языке центральноавстралийского племени аранда эта церемония размножения тотема и умножения пищи называется мбамбиума. Эти церемонии несколько отличаются друг от друга у разных племен, но им присуща одна общая черта. «Единственная цель этих обрядов, — пишут Б. Спенсер и Ф. Гиллен, — заключается в умножении того животного или

растения, по имени которого зовется самый тотем... общей целью всех этих обрядов является увеличение общего запаса пищи»¹⁰. Так как обряды умножения связаны с представлениями австралийцев о размножении животных и растений, служащих тотемами, эти обряды приурочивались к сезону дождей, после которого оживала природа Австралии. Периоду дождей предшествовал период сухого времени года, когда растительная и животная жизнь замирала. В это время члены тотемической группы бродили в поисках пищи небольшими группами (несколько брачных пар) и вели полуголодный образ жизни. Во время сезона дождей они собирались вместе, сообща охотились и занимались собирательством. В это время и проводились обряды умножения тотема. Наиболее типичным является обряд умножения длиннорогого жука, тотема одной из групп племени аранда, с которым мы уже познакомились.

Члены рода Эму во время обряда умножения своего тотема вскрывали вены на руках и давали стечь крови на землю. Когда кровь высыхала и затвердевала, на ней различными красками (белой, желтой, черной и красной) рисовали в виде символов разные части эму: внутренности, яйца, перья и т. п. Другие члены этого рода приклеивали к телу перья эму, на голове укрепляли украшенные перьями эму чуринги (длинные, как шея эму), подражали движениям эму, изображая тотем.

Мужчины рода Кенгуру уходили к подножию холма, который имел два каменистых выступа. Один из них изображал самца кенгуру, другой — самку. Вождь рода и брат его матери (ближайший родственник в материнском роде) взбирались на холм и разрисовывали эти выступы. Скалистый выступ холма у его подножия, где, по преданию, собирались духи кенгуру, раскрашивали вертикальными полосами. Красной краской намечали мех, белой — кости. Затем юноши обливали этот рисунок тотема кровью из вскрытых вен. Другие члены рода, сидя внизу, пели ритуальные песни, стараясь выгнать души кенгуру из скалы, чтобы обеспечить их размножение. Церемония проходила непосредственно перед сезоном дождей. С наступлением его, появлением растений и животных юноши отправлялись на охоту. Принесенную добычу они отдавали старикам, которые ели мясо небольшими кусочками, намазывали жиром тела участников церемонии умножения, наде-

ляли их кусками мяса. На церемонии присутствовали члены тех родов, которые имели иной тотем и хотели получить разрешение на употребление в пищу мяса кенгуру. Только по окончании всей церемонии, когда все члены рода Кенгуру вкусили мясо тотема, они получали это разрешение.

Аналогичны австралийские обряды змей, муравья и других тотемов. В обрядах умножения животного-тотема часты одни и те же ритуальные магические действия, которые имели целью усилить связь человека с тотемом. Это — поглаживание камнем, магические песни-заклинания, ритуальное поедание мяса тотема, положившее начало обрядам причащения, а также пролитие крови, натирание тела кровью тотема, которое со временем перешло в разрисовку тела особыми тотемическими рисунками при помощи красок.

У каждой тотемической группы была своя тотемическая пляска, имитировавшая танцы зверей. В ней обычно изображалось тотемное животное. Нередко пляска представляла собой мимический пересказ тотемического мифа о жизни и подвигах тотема. Ее знали только члены данной тотемической группы. Значение тотемических плясок состояло в том, чтобы помочь возрождению тотема. Например, во время церемоний умножения зверя австралийцы исполняли танцы эму, кенгуру, опоссума, орла-сокола и др. Для этого один из участников обряда наряжался животным, передавая его внешний вид условно: например, «ухо» эму вешали на шею, «хребет» кенгуру, сделанный из травы и оплетенный шнуром, прикрепляли не сзади, а спереди и т. п. Вместе с тем поведение исполнителя довольно точно имитировало повадки животного. Так, церемония орла-сокола совершалась следующим образом: участники церемонии, сидя на щитах, означавших гнезда, поднимали и опускали руки, имитируя взмахи крыльев. Потом они соскакивали со щитов и кружились друг возле друга, схватывались и бились головами, взмахивая руками, как крыльями, наскakiвая друг на друга, вырывая изо рта «куски мяса» (сделанные из травы, пуха и волосяного шнура), очень талантливо передавая движения и повадки птиц.

Таким образом, тотемизм означает «деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии, причем каждая из таких групп верит в свое таин-

ственное родство с тем или иным классом материальных предметов — «тотемом» группы, чаще всего видом животных или растений; связь с тотемом обычно проявляется в запрете убивать его и употреблять в пищу, в вере в происхождение группы от своего тотема, в магических обрядах воздействия на него и пр.»¹¹.

Австралийцы совершали обрядовые действия, чтобы обеспечить себе средства к существованию и воспроизводству. Однако надо учитывать, что в церемониях умножения тотема и тотемических плясках проглядывают также целесообразные, подготовительные к охоте действия.

Возникновение тотемизма, наиболее древней формы почитания животных, ученые относят к самым ранним ступеням развития человеческого общества. Тотемизмом принято называть веру в родство определенной группы людей с тем или иным видом животных, растений, насекомых и т. п., а также связанные с ней обряды и церемонии.

Формы тотемизма

У разных народов тотемизм был развит в различных формах. Наиболее распространенная форма австралийского тотемизма — родовой (клановый) тотемизм. В этой форме он встречается и у большинства других народов. Тотемические группы австралийцев, или кланы (по терминологии зарубежных ученых), представляли собой родовые объединения, роды в их ранней форме*. Члены рода вели свое происхождение от одного тотема.

В прошлом у австралийцев существовал тотемизм фратрий**, которые в XIX в. у них почти не сохранились, известны лишь их пережитки, например названия фратриальных объединений — Белый какаду и Черный какаду, Клинохвостый орел и Ворон, Кенгуру и Эму. Следы фратриального тотемизма у австралийцев в XIX в. сохранялись также в мифах. У других народов фратриальный тотемизм был представлен в форме почитания

* Род объединял лиц, связанных кровнородственными отношениями по женской или мужской линии, и был экзогамен.

** Фратрии — это первичные роды, на которые сначала распадалось племя; архаические объединения кровных родственников, связанные взаимными браками.

тотемов фратрий. Примером является культ медведя у обских угров. В прошлом медведь считался у них предком фратрии Пор; предком другой фратрии, Мощ, была зайчиха. В честь фратриальных предков устраивались празднества с танцами зверей. Позднее культ медведя превратился в общеплеменной. Индейское племя тлинкитов (северо-западное побережье Северной Америки) делилось на две фратрии — Волка и Ворона. В состав фратрии Ворона входили роды Ворона, Лягушки, Гуся, Филина, Семги, Морского льва; фратрию Волка составляли роды Волка, Медведя, Орла, Акулы, Пингвина и Кита. На родовых и фратриальных празднествах исполнялись пляски в честь родоначальников родов и фратрий.

У отдельных племен был развит индивидуальный тотемизм, возникновение которого исследователи относят к недавнему времени. Личные, или индивидуальные, тотемы давались не всем, а лишь мужчинам (иногда — только знахарям и вождям), и нередко в дополнение к родовому тотему. Личный тотем человек получал либо во время сновидения, либо путем гадания. Австралийцы приобретали личный тотем во время сновидения. Каждый австралиец верил в то, что душа человека во время сна может покинуть тело и принять другой облик. Большинство австралийцев наследовали родовой тотем своей матери. Но некоторые из них (это явление было известно не во всех тотемических группах) имели еще и личный тотем, который они приобретали, увидев себя во сне превращенными в какое-либо животное. У некоторых племен Полинезии, например на островах Самоа, тотем назначался новорожденному во время гадания. Для этого окружающие роженицу люди чертили на полу изображения животных, птиц или предметов, считавшихся священными. Животное, при изображении или упоминании которого появлялся ребенок, считалось его личным тотемом и покровительствовало ему.

У австралийского племени аранда тотем не наследовался, а определялся по месту его предполагаемого зачатия вблизи «тотемического центра». У одних племен личные, или индивидуальные, тотемы дополняли родовые, у других заменяли их. Ученые считают это свидетельством разложения тотемизма, так как для него характерны коллективные отношения с тотемом, а не индивидуальные.

Лишь у отдельных племен австралийцев был известен тотемизм брачных классов*.

Только у очень немногих австралийских племен существовал половой тотемизм. Сущность его состояла в том, что у мужчин и женщин определенной группы были свои особые тотемы (чаще всего птицы или летучие мыши), в родство с которыми они верили. Например, у мужчин племени курнаи тотемом была птица крапивник, у женщин — птица синешейка. Происхождение полового тотемизма не совсем ясно. С половым тотемизмом был связан любопытный обычай: мужчины и женщины поддразнивали друг друга, убивая чужой тотем, из-за этого происходили ссоры и драки. Например, у племен лоритья и аранда мужчины поддразнивали женщин, показывая им убитого голубя (тотем женщин). У некоторых племен этот обычай был связан с заключением браков.

К поздним формам развития тотемизма ученые относят и племенной тотемизм, считая его «конечным продуктом развития тотемических верований»¹². Примеры племенного тотемизма, когда целое племя ведет свое происхождение от какого-либо вида животных, известны у народов с развитым племенным строем — в Африке, на островах Фиджи. У африканских народов встречались племена с тотемическими названиями — Буйвол, Попугай, Дикая кошка, Собака, Пантера, Муравей и др. У бечуанов название племени батлапи переводится как Народ рыбы, бакхатла — Люди-обезьяны, батау — Народ льва, батсесе — Народ мухи це-це.

И наконец, бытует еще более поздняя форма тотемизма — локальный тотемизм, когда от животного-предка ведет свое происхождение группа людей, связанная не по родству, а лишь территориально. Это уже по существу пережиточная форма тотемизма. Такие группы отмечены в Африке в связи с превращением родовой общины в территориальную (например, у народов Южной Нигерии, Дагомеи, Южной Африки). Локальными тотемами были, очевидно, и животные, которых почитало население египетских номов — территориально-административных единиц.

* Брачные классы австралийцев — это группы, члены которых состояли в определенных брачных отношениях друг с другом.

Возникновение тотемизма ученые представляют себе по-разному. Существует более 50 различных теорий происхождения тотемизма, но до сих пор нельзя сказать, что эта проблема окончательно решена. Тотемизм — это сложное явление.

Некоторые ученые считают, что происхождение тотемизма следует связывать с боязнью животных, особенно хищных. Однако пример Австралии, где животные, являющиеся тотемами, совершенно неопасны для людей, показывает неправильность этой точки зрения. Еще больше в этом убеждает наличие тотемов из области растительного мира и неодушевленных предметов.

Не совсем ясным сказывается вопрос о том, как возникла вера в родство группы людей с тем или иным видом животных, растений. В научной литературе высказывались предположения о том, что каждая охотничья группа имела тотемом тот вид животного, на который преимущественно охотилась и который был основным источником питания группы. В этом случае обряд мбамбиума оказывается церемонией размножения тотема и тем самым умножения пищи данной группы. Основанием для таких выводов послужили, с одной стороны, находки костных остатков в древнепалеолитических стоянках (в них отмечено преобладание костей одного вида животных) и, с другой, мифы австралийских племен, в которых мифические предки свободно охотятся на тотемное животное.

Эта концепция представляется довольно стройной и объясняющей многие стороны тотемизма. Запрет убивать и есть тотемное животное мог возникнуть позднее, с появлением веры в мифических зооморфных предков¹³. Однако и эта, казалось бы убедительная, гипотеза ставит целый ряд вопросов и вызывает некоторые возражения. Первое возражение состоит в том, что утверждение о специализации охотничьего промысла маловероятно. Охотник, особенно первобытный, всегда зависит от ежегодного «урожая» зверя, его миграций; вряд ли он мог позволить себе роскошь охотиться только на один вид животного; его в этом случае ждала бы голодная смерть. К тому же совсем не доказано, что животное, на которого преимущественно охотился палеолитический человек, и было его то-

темом. Могло быть как раз наоборот. Второе возражение заключается в том, что к анализу мифов следует подходить очень осторожно, так как известно немало случаев, когда миф не отражал существовавшего в прошлом положения, а объяснял позднейшие изменения в обычаях. Так и австралийские мифы могли рассказывать не о древнейших временах Алчера, когда тотем можно было убивать и употреблять в пищу, а о позднейших нарушениях запрета тотемоядения. И наконец, третье возражение: если принять эту концепцию, то исторический ход развития тотемических воззрений на тотемоядение оказывается не совсем логичным — сначала тотем можно было убивать и употреблять в пищу, потом нельзя, затем опять можно. Гораздо более логичной представляется первичность запрета есть тотем и более позднее появление его частичной отмены при условии выполнения особых обрядов. Кроме того, остается неясным, когда возникли обряды убиения и поедания тотема.

Существует и другая гипотеза происхождения тотемизма, сторонников которой тоже немало. А именно: тотемизм возник тогда, когда человек еще не выделял себя из природы; для него было естественно связывать свое происхождение с животным миром, тем более что сам он произошел от человекообразных обезьян. С этого периода и чрезвычайно долго (вплоть до наших времен) возникает и продолжает бытовать взгляд на животных как на своих родственников — предков или братьев.

Религиозно-мистическое осмысление мира предполагает существование особого, неземного, сверхъестественного мира, наличие неземных сил, которые будто бы господствуют над человеком. С ними человек должен вступать в определенные отношения и, чтобы избежать бед и заслужить их благоволение, совершать определенные церемонии. Поклонения божеству и умилоствления его, характерных для всякой религии, в тотемизме нет. «Для примитивного человека нет никакой пропасти между ним и животным миром, и он рассматривает животных прежде всего как существа, равные ему не только в физическом, но и в духовном и социальном отношении. Окружающий мир населен для него родами, племенами этих живых тварей, с таким же социальным устройством и т. д. Стало быть, к ним и отношение — как к окружающим соседним народам, то мирное, то враждебное, смотря по тому,

как проявляется отношение данной породы животных к нему самому. Если животное убивает его сородича, он мстит; если он сам убивает животное, он перед ним извиняется; он беседует с ним, как с человеком, предполагая, что оно умеет говорить и понимает его, и т. д. С другой стороны, в силу своей крайней физической слабости, в силу своей культурной слабости и в силу того, что примитивный человек, совершенно естественно, принимает исключительные инстинкты животных за проявление высшего разума, он некоторых животных не только считает равными себе, но, более того, считает их даже превосходящими себя, существами особого рода, существами, одаренными сверхъестественной силой, и отсюда религиозное отношение к животным»¹⁴.

В этом случае возникновение представлений о родстве с тем или иным животным (в отношении растений, стихий и неодушевленных предметов эти представления могли возникнуть в другое время) можно связывать с возникновением уже на первом этапе развития тотемизма представлений о тотемических предках-животных, которых нельзя убивать и употреблять в пищу. Обряд мбамбиума в этом случае мог иметь значение церемонии размножения рода, так как размножение предка-животного означало и размножение почитающего его рода. В периоды голодовок, в связи с миграциями животных, плохими погодными условиями запреты убивать и употреблять в пищу тотемное животное снимались при условии соблюдения некоторых обрядов, уже, возможно, умиловительного характера. Впоследствии были созданы также и мифы, в которых рассказывалось о случаях тотемоядения.

При исследовании тотемизма бросается в глаза его основная черта: идея родства не одного человека, а целой группы людей с каким-либо видом животных, растений и пр. О том, как могла возникнуть такая идея, говорит австралийский материал. В родовой общине австралийцев отношения регулировались родством. При этом понятие индивидуального родства у них отсутствовало и было заменено понятием группового родства, связанного с развитием группового брака. Поэтому австралиец постоянно осознавал свое родство не с определенным человеком, а с группой людей (общих «отцов», «матерей», «жен» и т. д.). Любого человека он воспринимал также сквозь призму кровнородственных отношений. Не выделяя себя из при-

роды, австралиец переносил эти кровнородственные отношения людей и на животный мир. Например, австралийское племя камиларои разделялось на тотемические союзы и брачные классы. Эту структуру деления общества они переносили и на окружающий их мир, который, по их представлениям, тоже был разбит на классы: ветер принадлежал к одному тотемическому классу, дождь — к другому и т. д. Весь мир, по представлениям австралийцев, — это одно племя, к одному из подразделений которого принадлежит он сам. Так могла возникнуть идея родства определенной группы людей с тем или иным видом животных.

Отождествление связи людей с внешним миром (с животным и растительным миром, из которого человек себя не выделяет) и кровнородственных связей людей возможно лишь в среде охотников и собирателей, всецело зависящих от даров природы. Поэтому в тотемизме так ярко выступает связь рода, тотемической группы с территорией ее расселения.

Тотем, с одной стороны, объединял группу людей, а с другой — противопоставлял ее иной группе.

Пережитки тотемизма у разных народов

Следы или пережитки тотемизма отмечены у очень многих народов Америки, Азии, Африки, Океании и даже Европы. У разных народов сохранились пережитки различных сторон тотемизма. У одних это представления о происхождении людей от животного, у других — названия групп (родов, фратрий, племен и т. п.) по именам животных или птиц; у третьих — пищевые запреты или запрет убивать то или иное животное, снимать или использовать его шкуру, у четвертых — тотемические пляски, у пятых — почтительное отношение к животному и т. д.

К наиболее распространенному типу пережитков тотемизма относятся вера в животных-предков или родоначальников, названия групп людей по именам животных и птиц, а также запреты убивать это избранное животное, употреблять его мясо в пищу и использовать его шкуру.

Большинство племен североамериканских индейцев вело свое происхождение от животных. У чипева ро-

дона начальником считалась собака, у делаваров (восточное побережье Северной Америки) — орел, у алеутов острова Кадьяк — птица и собака. У ирокезов гуронов (к юго-востоку от Великих озер) были роды Волка, Оленя, Черепахи, Ястреба, Бобра, Медведя. Согласно одному из сказаний мексиканского племени зуны (цуни), ребенка, родившегося у дочери великого жреца от солнечного света, воспитывает олень. Здесь животное выступает воспитателем, а не родоначальником. Это уже позднейшая трансформация мифа.

У южноамериканских индейцев известны племена Ана-наса, Москитов, Зеленого дятла. Писатель XVI в. Гарсиласо де ла Вега писал, что индеец Перу «не считался уважаемым лицом, если он не происходил от какого-нибудь источника, реки, озера и даже моря или если он не вел своего происхождения от какого-нибудь дикого животного: медведя, льва, тигра, орла, кондора или другой хищной птицы»¹⁵. Перуанцы морского побережья почитали акулу, морскую собаку, крабов. Бразильские индейцы бороро отождествляли себя со своим тотемом — красным поноугом арапа.

У одних народов нельзя было убивать тотем и есть его, у других запрещалось есть определенные части тотема, у третьих существовал запрет на особей одного пола тотема, четвертые могли убивать его, но не могли есть и отдавали другим и т. д. Например, у североамериканских индейцев северо-западного побережья тотемное животное можно было убивать и есть: считалось, что охотиться на тотемное животное легче. А у североамериканского племени степей омаха род Оленя мог есть только мясо самки оленя; у других родов, тотемом которых являлся буйвол, можно было употреблять в пищу лишь его язык и бока. У некоторых племен разрешалось есть разные части тотема, но нельзя было употреблять его шкуру на мокасины и другие утилитарные цели, существовал запрет на употребление жира и т. п.

Пережитки тотемизма у народов Африки сохранились в названиях родов по именам животных, в легендах о родстве с ними, запрете убивать их, есть их мясо, прикасаться к ним. Роды суданских нуэров и динка имели тотемами льва, слона, крокодила и др. Считалось, что легендарный основатель рода был близнецом тотемного животного.

У одной из групп южноафриканских банту, мапона, каждый род имел свой тотем-животное. Род назывался по его имени и считал себя находящимся в родстве с данным животным. Например, люди рода Антилопы считали, что они находятся в кровном родстве со своей покровительницей. Ее нельзя было убивать, употреблять в пищу, иначе могли выпасть зубы или случиться еще что-либо неприятное. Однако существовала возможность обойти этот запрет без плохих последствий; для этого надо было в котел с мясом антилопы положить особый камень и кору определенного дерева. Каждый род пигмейского племени бамбути в Центральной Африке имел свой тотем-животное, называя его «отцом», «дедушкой» и считая себя происходящим от него. Существовал запрет убивать тотем, есть его мясо, прикасаться к нему. Баквены (Люди крокодила) называли крокодила своим отцом. В случае опасности они убивали свое тотемное животное, но извинялись перед ним и устраивали обряд очищения. У мандинго Западного Судана тотемами были крокодил, черепаха, питон; у йоруба Нигерии — слон, обезьяна, баран. Их мясо нельзя было есть. У негров банту Басутоленда существовали пищевые запреты на молоко, яйца, куриное и говяжье мясо.

Существование в прошлом веры в родство с животным, взгляды на животное как на человека прослеживаются и у народов Азии. У горных народов Южного Вьетнама буйвол в легендах выступает как человек, у него даже есть имя. Пищевые запреты на тотемных в прошлом животных бытовали у веддов Цейлона.

Особенно много пережитков тотемизма отмечено у народов Сибири. Орел особенным почитанием пользовался у якутов. Род, считавший своим тотемом-покровителем орла, назывался Происшедший от орла. Когда бесплодная женщина обращалась к орлу с просьбой дать ей детей и после этого у нее рождался ребенок, он считался рожденным от орла. В этом случае орел являлся тотемом материнского рода. Орла нельзя было убивать, убивший орла нечаянно должен был съесть его всего, кроме головы, поджарив на углях. Для орла, севшего рядом с жилищем якута, закалывали телянка. Почитанием у якутов пользовался также конь. В якутском предании о происхождении человека сказано, что сначала божеством был сотворен конь, из него получилось существо «полуконь-получело-

век», а из этого существа — человек. Якуты не употребляли также в пищу мяса лебедя, ворона, гуся.

У бурят сохранилось поверье, что их роды Шарят и Харят произошли от брака шамана с девушкой-лебедью. Они считали лебедя своим предком и не убивали его.

Нарымские и тазовские селькупы подразделялись на группы, которые вели свое происхождение от различных птиц, рыб: лимбыль-гум (Орлиные люди), казель-гум (Окуньи люди). Другие, соседние, народы называли их Гусиными или Тетеревиными людьми. Эти подразделения, очевидно фратрии, в свою очередь состояли из более мелких групп, ведущих свое происхождение от медведя, журавля, ворона, кедровки и др. Исследователь селькупов Г. Н. Прокофьев спросил однажды одного из них, почему он не истребляет кедровку, которая, поедая орехи, наносит вред промыслу белки. Тот ответил: «Как его будешь убивать, ведь это мой брат»¹⁶.

Отдельные группы хантов и манси считали своими предками разных животных, птиц, рыб: щуку, лебедя, налима, чайку, гагару, ястреба. Их нельзя было убивать, употреблять в пищу, выделывать их шкуру, некоторые группы не могли разделывать отдельные виды рыбы. Нечаянно убив такое животное, охотник извинялся перед ним и приносил жертву. Такие обычаи известны в отношении медведя, лося, горностая, росомахи и др. Ханты и манси не только не выделывали и не использовали шкуру медведя, но и не продавали ее, а хранили в священном месте.

Орочи, некоторые группы нанайцев считали своим предком тигра. Встретив его на охоте, охотники бросали ружье и на коленях читали особые молитвы. Если же случайно нанайец убивал тигра, ему следовало принести жертву в присутствии рода, ведущего свое происхождение от тигра. Изучавший в XIX в. эвенков К. М. Рычков отмечал: «Животное, не нужное тунгусу, он никогда не убивает напрасно, считая это тяжким преступлением под страхом возможности убить какого-либо сородича в образе животного»¹⁷.

Следы былого почитания животных (верблюда, барана, горного козла, лошади, тигра), птиц (голубя), змей есть у народов Средней Азии. Одна из групп киргизов в прошлом считала себя происходящей от филина. Пойманную другими птицу они выкупали и выпускали на волю.

Тотемическая волчья пляска у индейцев квакинютль

Если же они видели, что птицу мучают, то вступались за нее: «Зачем мучаешь моего отца?» Согласно поверьям туркмен, падо хотя бы раз в год съесть кусок мяса горного барана или горного козла (у горных таджиков), так как оно обладает целебными свойствами и снимает все грехи. Возможно, этот обычай восходит к древним тотемическим обрядам ритуального причащения мясом тотема.

У некоторых народов Кавказа (части грузин, армян) в прошлом бытовало почтительное отношение к рыбе. У них известны представления о матери-рыбе, говорящей человеческим языком. Считалось, что мясо форели целебно, его применяли как лекарство.

У ряда народов прежние представления о родстве с животными и птицами трансформировались в легенды о животных и птицах, когда-то игравших важную роль в жизни человека. Особенно это характерно для европейских народов. Например, предание о переселении итальянских племен после вторжения этрусков рассказывает, что одно из племен шло под предводительством волка, другое — сороки, третье — быка. Волчица у римлян выступает уже не прародительницей, а воспитательницей основателей Рима — Ромула и Рема. Отголоски тотемизма видны в том, что дятел в Риме был посвящен Марсу, его не ели и поклонялись ему. Следы тотемизма прослеживают-

ся также в названиях групп. Так, некоторые племена древних германцев назывались по именам животных: Молодые олени, Вепрь. Вероятно, древнее происхождение имеет традиция, существовавшая еще в начале XX в., когда француженки Бретани носили головные уборы из белой хлопчатобумажной ткани. В каждом селении форма головного убора была своя и имела название какого-либо животного. Возможно, этот обычай связан с прежними тотемическими представлениями, когда животные были тотемами определенных групп, проживавших в разных селениях.

Тотемический характер имеют также звериные пляски, известные повсеместно. О принадлежности подобных плясок к тотемическим церемониям говорит любопытный факт, отмеченный еще знаменитым английским путешественником Д. Ливингстоном у африканских бечуанов: «Чтобы определить их обычай принимать (родовое) имя животных, они употребляют слово «бина», т. е. плясать. Поэтому, чтобы узнать, к какому роду принадлежит житель Южной Африки, необходимо спросить: «Какую пляску ты пляшешь?»»¹⁸

Участники плясок, чтобы быть похожими на тотемное животное, надевали на себя его шкуру либо специальную одежду, напоминающую шкуру животного, либо украшали свое тело татуировкой, которая напоминала раскраску тотемного животного. Желая походить на тотем, некоторые племена носили специальные прически, головные уборы, подтачивали или выбивали зубы.

Североамериканские индейцы из рода Бизона носили на голове два локона — в подражание бизоньим рогам. Индейцы рода Волка, отправляясь на охоту, надевали шкуру волка, из рода Медведя — шкуру медведя. Перуанские индейцы племени чанка на празднествах наряжались в шкуры своего тотема — кугуара, другие украшали себя крыльями другого тотема — орла. Североамериканские индейцы знали пляски медведя, ворона, выдры, собаки, волка, кита, касатки, норки, орла, лисицы, утки, совы, моржа, бобра, нерпы. С культом собаки были связаны «собачьи пляски» прерийных индейцев. У ирокезов роды Волка, Медведя, Черепахи, Бобра, Оленя, Бекаса, Цапши и Ястреба исполняли пляски своих тотемов.

Характерно, что, согласно легендам этих народов, сами животные обучили их этим пляскам. В легендах и ми-

фах животные выступают как покровители почитающих их людей. Например, в легенде одного из индейских племен ирокезов пляшущие животные обнаружили героя, тайком наблюдавшего пляску бизонов, но приняли его радушно и обучили песням и пляске, с тем чтобы он обучил им других ирокезов. В другом североамериканском мифе волки обучают героя своей пляске, напутствуя: «Когда ты вернешься домой, научи людей нашей пляске».

На другом конце Земли, в Африке, у народа джукун (Нигерия) существует сходная охотничья легенда: «Когда-то в старое время Уиджи, дикий буйвол, мог говорить с людьми. И вот однажды превратился он в человека и зашел в дом одного джукун попросить напиться. Этот джукун был охотник, и он охотно дал просящему глоток пива... Однажды пошел охотник на охоту. У кустарника на поляне он встретил быка, которому когда-то дал напиться. Буйвол поздоровался с ним и сказал ему: «Пойдем со мной, мы вместе пойдем к моему логову». Они пришли туда, где все буйволы лежали на траве. Буйвол сказал: «Вот здесь мои друзья, которых ты не должен никогда убивать. Другие буйволы — наши враги. Если ты их захочешь убить — это будет правильно». Охотник некоторое время оставался у буйволов. Потом захотел он уходить. Бык показал ему другую поляну, где также находились буйволы, и сказал: «На этих можешь охотиться». В заключение дал он охотнику рог и показал, как надо исполнять пляску аку-коа. Так джукун выучился пляске»¹⁹. Здесь мы видим, как миф более позднего происхождения объясняет древнее, ставшее непонятным явление.

У африканцев известны пляски леопарда, разных видов обезьян, слона, антилопы, павлина, лягушки, пчелы, коровы, диких коз и свиней и т. п. Чтобы быть похожими на свои тотемы, восточные африканцы, почитающие буйвола, заплетали волосы жгутом, имитируя хвост буйвола. Племена Замбези затачивали зубы, чтобы быть похожими на кошек и крокодилов.

Считалось, что тотем охраняет своих почитателей, поэтому кости, зубы, шкура, рога, части тела тотема служили амулетами-оберегами. Более поздней трансформацией этих обычаев явилось изображение почитаемого животного на домах, одежде, предметах быта, орудиях труда и оружии. Термин «конек» происходит от изображения лошади на коньковой слеге крыши дома; на северорусских

домах изображались также гуси. По-видимому, раньше на крышах домов укрепляли черепа лошади, птиц. Украшательское значение коньков деревянных домов, вышивок на одежде (петухи, кукушки, гуси, павлины и т. п.) появилось позже, первоначален их охранительный смысл. Тем более что, согласно представлениям первобытного человека, изображение животного равно самому животному, так как в него вселяется душа этого животного.

Охранительным свойством обладали рога, а в более раннее время, вероятно, и черепа животных. Почитание рогов, возможно, восходит к глубокой древности: так, например, по краю ямы вокруг погребения неандертальца (среднеазиатская стоянка Тешик-Таш) лежали рога горного козла. Раскопки палеолитических землянок в Костенках на Дону, Авдееве под Курском дают возможность предполагать, что на кровле жилищ были укреплены целые черепа мускусного овцебыка. Еще в прошлом веке на домусульманских святилищах ингушей в горах красовались рога быков и оленей. У народов Средней Азии (туркмен, киргизов, узбеков, таджиков) рога горного барана или козла считались священными, ими обкладывались могилы.

Пережитки тотемизма у индейцев Северо-Западной Америки в конце XVIII в. внешне уже выражались в почитании не самого животного, а частей его тела (шкуры, ушей, перьев, пуха и т. п.) и его изображения. Изображения животных-тотемов наносились в виде резьбы на домовые столбы, поддерживавшие балки, на специальные стоящие перед домом тотемные столбы, на деревянные головные уборы, панцири, оружие, орудия труда и утварь; в виде рисунков они встречаются на одежде, фасадах домов, в татуировке. Большую роль в парадном костюме индейцев играли перья, особенно орла. Американские эскимосы нашивали с внутренней стороны кухлянок ожерелья из собачьих зубов. Лишь позднее, с утратой первоначального охранительного их значения, такие ожерелья стали применяться как украшения. Эскимосы Берингова пролива, отправляясь на охоту, брали с собой изображения или какие-нибудь части тела тотемных животных или птиц (например, лапки ворона).

Из быта сибирских народов хорошо известно широко принятое украшение жилищ рогами оленя, лося. Еще и в настоящее время ханты и манси украшают свою одежду

орнаментами, среди которых основное место занимает изображение животных, птиц. Это канонизированные типы орнаментов, у каждого из них есть свое название: «заячьи уши», «след соболя», «зуб лошади», «щучья челюсть», «оленьи рога», «беличьи следы», «гусиные крылья», «копыта взрослого коня», «копыта маленького жеребенка», «лапа маленькой лисицы», «выводок утят», «след медведя» и т. д. Манси-охотники для удачи в промысле носят с собой засушенную часть мордочки соболя, горностаю или лисицы, многие охотники Сибири прикрепляют к поясу клыки медведя.

В русской сказке тоже остались воспоминания об этих обычаях: часто волшебными предметами, помогающими герою в сказке, бывают когти, волосы, зубы животных, птиц (перо Жар-птицы, волоски из хвоста коня, щучья косточка и пр.).

Из веры в родство и покровительство животных возникают обычаи тотемических ордалий (испытаний). Члены тотемического рода Скорпиона в Сенегамбии, считая, что для них укус скорпиона не опасен, подвергали этому испытанию людей, в принадлежности которых к своему роду они сомневались. Ту же процедуру проделывало описанное Варроном племя Малой Азии офиогенов (Рожденные от змей) со змеями. С подобной процедурой связаны суды у многих народов. В одном из африканских племен обвиняемый, чтобы доказать свою невиновность, должен был переплыть через водный бассейн, в котором водились крокодилы.

Такого же происхождения обычаи давать клятвы на шкурах, головах, лапах животных. Жители Бенгалии, почитавшие в качестве тотема тигра, клялись на его шкуре. Африканские бечуаны из рода Крокодила клялись крокодилом. Народы Западной Сибири, ханты и манси, клялись на шкуре, голове, лапе или зубе медведя. Ханты, разрезая нос медведя ножом, говорили: «Пусть сожрет меня медведь, если я клянусь ложно». Некоторые группы хантов клялись, целуя морду щуки. За ложную клятву грозило наказание от самого тотема.

У кетов Енисея в прошлом для разрешения споров и выявления виновного также прибегали к помощи медведя. Еще Г. Миллер отметил в XVIII в.: «Остяки на Кети издавна едят кусочки медвежьей кожи в доказательство

невинности и говорят, что если кто дал ложную клятву, то не останется в живых и года, за это время медведь сожрет его внутри...»²⁰ Об этом же сообщает М. Ф. Кривошапкин: «Когда между остяками случится преступление, дают виновному либо медвежье ухо, либо медвежий зуб, чтобы он целовал, и грыз, и рубил его. Если остяк все это выполнит, не сознаваясь в вине, то иногда это... освобождает от подозрения»²¹. У кетов существовало даже выражение «койубат» («кой» — медведь, «бат» — правда), означающее «честное слово» или «истинная правда».

Сжигая медвежью лапу на огне, ею клялись эвенки. У бурят существовал обычай клятвы на сухожилии волка: подозреваемого в воровстве заставляли жечь сухожилие; предполагалось, что у виновного начнутся судороги рук.

Особенностью тотемизма является также почитание мертвого тотема-животного. Если тотемическое животное обнаруживали мертвым, нужно было выразить по этому поводу печаль и устроить почетные похороны. Над тотемическим животным совершался такой же погребальный обряд, как и над членом данной тотемической группы. Одно из племен Южной Аравии, почитавшее газель, хоронило найденную умершую газель и в течение недели посило траур. Смерть гиены вызывала общую печаль всего племени ваника, жившего на восточном побережье Африки и считавшего гиену своей родоначальницей. Смерть слона в Индии, кошки в Египте, совы на островах Самоа оплакивалась, а сами животные и птицы торжественно погребались. Якут, найдя мертвого орла, должен был положить его в специально устроенный на дереве лабаз, хотя обычно так хоронили только человека. Жители одного из островов Эгейского моря, Серифоса, считали священным морского рака. Если он попадал в сети, его выпускали обратно в море, если находили его мертвым, хоронили и оплакивали, «как одного из своих». У афинян существовал обычай, по которому каждый убивший волка должен был похоронить его.

Как мы убедились, пережитки, следы или отголоски тотемизма, отмеченные у многих народов, известны в разных формах. Конечно, представления о происхождении рода, племени от животного, названия групп людей по именам животных, запреты убивать животных, есть их мясо, использовать в утилитарных целях шкуры, тоте-

мические пляски, т. е. все те особенности тотемизма, аналогии которым мы находим у австралийцев, — более древние, чем, например, изображение тотемного животного на домах, одежде или похороны мертвого тотема, обычаи тотемических ордалий и клятв. Корни этих явлений тотемические, но возникли они на более поздней, чем у австралийцев, стадии развития. Чем более развит народ, тем в более опосредованной и видоизмененной форме бытуют эти пережитки. Пример такой трансформации древнего обычая прослеживается в запрете у туркмен убивать более тысячи горных баранов. Почему тысячи? Потому что запрет этот уже имеет только символическое значение, так как убить тысячу баранов вряд ли возможно.

Здесь приведены лишь немногие примеры из накопленного наукой материала о пережитках тотемизма. Эти примеры касаются только почитания животного мира, а тотемами, как уже говорилось, могли выступать и растения, и даже явления природы. Недаром Фрезер определил, что такое тотем, весьма туманной формулировкой: под тотемом он понимал «класс материальных объектов, к которым дикарь относится с суеверным уважением, веруя, что между ним и каждым членом почитаемого класса объектов существует интимная и совершенно особенная связь»²².

Тотемизм, как видно из приведенных данных, — универсальное явление, стадия развития религиозных представлений и обрядов, которую прошли когда-то все народы, населяющие нашу Землю. На более поздних ступенях развития общества он переплетается с другими формами религии: промысловым культом, шаманизмом, культом личных духов-покровителей, институтом тайных союзов, культами племенных богов. Стертые следы его прослеживаются даже в высокоразвитых обществах, в том числе в религиях классовых обществ.

Промысловый культ

Духи-хозяева

Разделявая медведя, нивх говорил этнографу Л. Я. Штернбергу: «Разве он не такой же белый, как человек? Разве на конечностях его не такие же пять пальцев, как у тебя?»²³

Промысловый культ, как и тотемизм, является формой почитания животных. Сущность его составляют представления и магические обряды, направленные на достижение удачи на промысле. Какие же это представления и вытекающие из них обряды?

Основу промыслового культа составляет вера в то, что животное подобно человеку, что оно не только обладает сверхчутким обонянием (в этом оно даже превосходит человека), но и понимает человеческую речь. Это сближает промысловый культ с тотемизмом. Другой особенностью промыслового культа является вера в то, что у каждого животного есть свой хозяин, распоряжающийся им, и лишь по его милости охотник может добыть зверя. Это ставит промысловый культ в ряд особых форм религии. Промысловый культ был развит у многих народов мира, но особенно характерные его черты известны из этнографии народов Сибири с ярко выраженным охотничьим бытом.

Нивхи считали тигров особой породой людей, называли их «люди-тигры», «лесные люди». По их представлениям, медведи — это тоже «медведи-люди», лишь перед людьми они имеют звериный облик. В любое время тигр или медведь могут превратиться в человека. Проводник В. К. Арсеньева нанаяц Дерсу Узала называл зверей людьми и разговаривал с ними, как с людьми, считая, что они «совсем как люди», «только рубашка другая». Медведи, по представлениям чукчей, — это люди, одетые в медвежьи шкуры. Эвенки, по свидетельству К. М. Рычкова, «не видят почти никакого различия между собой и животным миром и даже признают во многих отношениях превосходство последних над собой. Кроме того, полезные животные имеют такие же души, как и человек, даже более сильные и разумные»²⁴. Один из рассказов эвенков о происхождении человека начинается так: «Вначале жил медведь-человек, собака тоже была человеком». По поверьям бурят, волк слышит и понимает человеческую речь.

А раз животное всеведуще, надо опасаться вызвать его гнев. Этими представлениями объясняются некоторые обряды промысловой магии и магические запреты, меры предосторожности на охоте, в частности подставные имена животных. Народы, занимавшиеся охотой, называли многих животных, чаще всего ценных или хищных, опас-

ных, подставными именами. Рысь у охотников-финнов фигурировала под названием «лесная кошка». Мари называли лося «долгие ноги», алтайцы — «длинноногий с белыми коленями», хорька — «купец»; заяц назывался по-разному: «серый», «скакун»; тигр или лев — «кошка». Орочи, ороки, ульчи говорили про лося, марала, нерпу, соболя просто «зверь» (бою). Когда камчадалы упоминали о волке или медведе, то произносили одно слово: «си-панг» (беда). Юкагиры зайца называли «у опушки тальников бегающий», белку — «по дереву бегающий». У эстонцев заяц — «длинноухий», «прыгун», «хозяин осинової рощи», волк — «пастух», «длинный хвост», «дядя», «одноногий» и т. д.

Опасаться также нужно гнева хозяев животных, кровителей охотничьего, рыболовного, морского промыслов. Чтобы иметь удачу в промысле, надо умиловить этих духов-хозяев. Л. Я. Штернберг очень верно определил психологию отношения охотничьих народов к животным: «Примитивный человек смотрит на животных совсем другими глазами, чем мы, величающие себя царями природы. Охотник по профессии, он весь свой ум, всю свою изобретательность, весь гений человеческий вкладывает в это искусство. Смотрите, как гениальны его ловушки и западни. И тем не менее как часто и зло смеется этот ничтожный зверек, лисица, соболь, над всеми его каверзами. Они разгадали хитрость человека и ушли. Как чутко сохатый к запаху человека на целые версты. Никогда, никогда ни один зверь не попал бы орочу, если бы не было богов, хозяев этих зверей, заботящихся о благополучии его. И если бог не хочет, то десятки орочских самострелов останутся без добычи. Поэтому примитивный человек видит в животных существа вовсе не низшие, чем он сам, хотя бог и дает ему их иногда на потребление. Но животные нисколько не терпят от этого: не успел еще ороч снять шкуру с соболя, как тот уже снова, живой и проворный, бежит к своему хозяину»²⁵.

Третья особенность промыслового культа — вера в воскресение зверей после смерти. С этими представлениями также связаны особые магические обряды, способствующие оживлению зверей.

Образы духов-хозяев имеют черты и человека, и животного. Эти духи тайги, моря, реки, леса являлись хозяевами различных пород животных, а иногда и отдельных

особей. Сначала это хозяин какого-либо вида животного, распоряжающийся всеми особями данного вида. Обычно он выделяется среди себе подобных величиной. Например, огромный медведь — хозяин медведей у айнов: бобр, сильный и огромный, как хижина, — хозяин бобров, «старший брат» у североамериканских индейцев. Ханты, почитая медведей священными, выделяли среди них одного, обитающего на Урале, огромного роста и очень сильного. Именно он будто бы жил раньше на небе и за неповиновение был спущен божеством на землю. В североамериканском мифе западных индейцев арапахо хозяином зверей является старый волк. Он сзывает волков и койотов и приказывает помогать героям мифа, дает одной из героинь дар исполнения желаний. По желанию девушки шалаш окружают стада оленей, буйволов и других зверей, которые умирают от одного ее взгляда. Девушка дает брату помощников — медведя и пантеру. В другом мифе волки дарят герою волшебную стрелу, только одно нацеливание которой убивает дичь. Это власть над животными, которой может обладать только хозяин или хозяйка зверей или леса.

С развитием представлений о душе ею стали наделяться и животные. Так, чипева верили, что все животные и даже предметы обладают душой. Подобные представления способствовали развитию верований о духах природы. Карены Индии, например, думали, что у каждого предмета есть свой дух, управляющий им. В дальнейшем развивается представление о духе, обитающем в образе этого животного, а затем оно принимает вид веры в духа, олицетворяющего весь данный вид животных. Позднее дух-хозяин представляется в виде человекоподобного существа, а иногда даже и человека, способного принять облик животного. Это, например, Торнгарсоак — мужское божество в образе белого медведя у эскимосов Лабрадора. От духа-хозяина зависело, посылать или не посылать удачу охотнику. Поэтому необходимо было попросить его об этом и задобрить жертвоприношением. Жертвоприношения устраивались до и после промысла. Например, у эскимосов в состав обрядов промыслового культа входили и магические, и умиловительные обряды. Главным среди духов-хозяев у них считался хозяин моря. У канадских эскимосов, эскимосов Баффиновой Земли это была морская богиня Седна. Она жила на дне моря. Миф расска-

зывал, что, когда она была девушкой, ее за какую-то провинность отец сбросил в море. Седна хотела ухватиться за лодку, чтобы спастись, но отец отрубил ей пальцы. Из этих обрубленных пальцев произошли киты, тюлени, моржи и другие морские животные. Седна превратилась в божество, от которого зависела добыча морского зверя. Для того чтобы Седна была милостива и послала добычу, ей следовало принести жертву.

Хозяин бизонов у степного индейского племени дакота мог являться людям в образе человека и в образе зверя. Индейцы-рыболовы Северо-Западной Америки выходили встречать первые косяки рыбы, идущие из моря в реку, кланялись им, приветствовали их, затем устраивали торжественный пир в их честь, где благодарили хозяина за то, что он послал их им.

Покровительница оленеводства у саамов (лопарей), Луот-хозик (Оленья хозяйка), «ходит на ногах, как человек, и лицо человеческое, только вся в шерсти, словно олень». Чтобы она охраняла стада оленей, ей приносили жертвы и молились: «Луот-хозик, береги наших оленей». Покровителем рыбного промысла у них был человек-рыба Аккрува. У него были человеческие голова и верхняя часть тела, а нижняя часть туловища была рыбьей — этакая русалка в мужском варианте. «Он поднимается от устья рек вверх по их течению и приводит рыб из моря в реки; всякий раз, когда Аккрува это делает, ловля идет успешно»²⁶.

В промысловом культе социальные отношения людей перенесены на мир животных: среди духов-хозяев уже различаются главные и второстепенные. Например, у юкагиров были хозяева определенных пород животных (мойе, мору), хозяева рек, леса, озер, гор (погильпе). Главными среди них были Хозяин земли, Хозяин пресной воды, Хозяин моря. Если охотник соблюдал по отношению к ним почтение, табу и правила охоты, не убивал лишних животных, они были к нему добры.

У хантов и манси существовала вера в лесных духов — унху, духов воды — куль. Некоторые рыбаки еще помнят, как перед промыслом совершали специальные моления духу воды, принося в жертву теленка; мясо его съедали, а шкуру и кости бросали в воду. У эвенков были различные обряды, в которых охотники просили духа-хозяина послать зверя.

...Бескрайни сибирские болота. Вот уже второй час мы идем по жаре, меряя километры. Спина моей спутницы Нины черна от комаров, их тут тучи. Наша проводница эвенкийка Нюра легко и быстро шагает в своих высоких сапогах из продыmlенной оленьей кожи, лишь время от времени отмахиваясь от надоевших насекомых. Душно, хочется пить, но поблизости нет ни реки, ни ручейка. «Ничего, скоро придем», — утешает Нюра, но, увидев наши измученные физиономии, смягчается и делает привал около низкорослых березок, где едва заметно небольшое углубление с водой. «Вот и попьем сейчас», — весело объявляет неугомимая эвенкийская охотница. Конечно, где-нибудь в городе мы и представить себе не смогли бы, что сможем пить болотную воду. Но тут привередничать не приходится...

Через 30—40 минут местность стала более высокой, холмистой. В сухом сосновом лесу дышалось легче. Почудился лай собак. А вот и дымком потянуло. «Ну вот мы и дома», — радостно возвещает наша проводница. И правда, вдали показались два чума. Они желтеют берестой среди сосен, вьется дымок от костров и дымокурров. Вокруг дымокурров стоят олени — сегодня жаркий день и много гнуса. Громко залаяли собаки и бросились нам навстречу. Из крайнего чума выбежала девочка лет десяти и кинулась к Нюре — это ее дочка. Соскучилась... Теперь можно и отдохнуть. Здесь, на стойбище эвенков, мы проведем несколько дней.

Хорошо посидеть вечером у костра. Старик, отец Нюры, знает много интересных историй; он старый охотник и много повидал. Сыновей у него не было, он научил Нюру охотиться, а теперь и внучка Лида знает, что такое ружье. Вот он берет нож и вырезает из дерева фигурку человечка без рук. Этот дух будет помогать ему добывать зверя. Зверь хитрый, и одному охотнику с ним не справиться. На одежду духу годится только ухо медведя или лося, это самые почитаемые звери. Шапкой послужит околосердечная сумка лося с жиром, она давно приготовлена старым охотником; на пояс ему старик вешает носы и челюсти добытых животных. Фигурку он будет хранить на жерди в чуме. Завтра старик собирается идти на охоту. Охотник берет фигурку, снимает с шапки каплю жира и бросает в костер-очаг. Фигурку надо еще окурить дымом чаги — березового нароста. Только после этого можно просить духа об удаче в промысле, и то надо пообещать ему что-нибудь. Жир — лакомое блюдо, его любит и дух. Самое же приятное — сделать ему новую шапку.

...На этот раз охота была удачной. Большого лося добыл охотник. После свежевания зверя самое время «покормить» духа: для этого надо положить его под самые вкусные части зверя — голову и потроха. Очень вкусна также свежая кровь — нужно намазать рот духа кровью и напомнить ему при этом о помощи в будущей охоте...

У других групп эвенков были другие обычаи просить об удаче в промысле: в огонь бросали кусок мяса или жира, на дерево вешали кусок ткани или шкурку зверя, особенно ценилась для этой цели шкурка альбиноса. Иные, убив пушного зверька и поднеся его носом к дымящемуся

на углях жиру, говорили: «С косогоров, сцепившись, с опушек, схватившись, придите! Уруй! Уруй!» Некоторые эвенки вешали на березу лоскутки ткани и стреляли из лука в вершину ее с просьбой к матери зверей послать зверя. Существовал также обряд моления хозяину тайги (магину): охотник перед деревом приносил жертву (сжигал кусок мяса) и просил послать зверя.

Нанайцы считали, что без разрешения духов — хозяев рек, животных, рыб, деревьев (одзени) нельзя заниматься промыслом, сначала надо принести им жертву. Хозяином, отцом тигра, помогающим в промысле, является старик в богатой одежде. Встретив тигра на охоте, нанайец просил: «Эй, старик. Дай нам счастья на охоте. Дай кушать, пошли зверя на выстрел».

Нивхи представляли себе стихии и силы природы божественными, но верили, что каждая стихия, каждая порода животных имеет своего хозяина или покровителя (ызь — хозяин, или нивух), который является божеством. Ызь подобен человеку, его можно видеть: «Один человек однажды встретил хозяина неба (кур). Он ехал на нарте, везомой волками, но при встрече с гиляком волки повернули вверх и исчезли вместе со своим седоком под небесами». Хозяева представлялись в виде человекоподобных существ, иногда принимающих звериный облик. Хозяева жили семьями, они, как и люди, были смертны. Среди них были такие, которые покровительствовали почитающим их людям, и такие, которые были им враждебны. Например, нивх представлял себе Хозяина моря стариком с большой седой бородой. Он имеет дом под водой, в нем живет его семья. Жена его, одетая и украшенная, как все нивхские женщины, курит большую трубку. Рядом с нарами хозяина расположены полки, на которых лежит рыба икра от разных рыб. Время от времени Хозяин моря берет с полки пригоршню икры и бросает ее в море. После этого в море появляется рыба. От него, таким образом, зависит количество рыбы в море и улов нивхского рыбака. Отправляясь на охоту за нерпой, охотник-нивх привязывал к поясу заячьи уши. Это делалось для того, чтобы в случае если Хозяин моря спросит охотника, что он делает, ответить ему: «А вот ушкана ловлю» — и показать ему заячьи уши. Перед началом промысла нивхи убивали собаку, мясо ее съедали, а голову выставляли на

берегу моря для Хозяина моря. Весной «кормили» Хозяина моря, бросая ему угощение из чашек, имеющих форму нерпы. У леса был свой хозяин — Горный человек, он посылал зверей охотнику. За это нивх должен был ему что-нибудь дать (хлеб, картошку, саранку и пр.).

У племен Конго существовала вера в духов природы — лесов, рек. Им перед охотой или рыбной ловлей приносили жертвы. Дух воды представлялся в образе огромной белой змеи, затягивающей людей в водную пучину.

Черты этих мифологических существ сохранились в образах божеств, покровительствующих охоте, у народов Кавказа: у осетин — Афсати, покровитель зверей — туров, оленей, коз, кабанов; у сванов — богиня Дал, вступающая в половую связь с охотниками и дающая им добычу. У адыгейцев бог охоты Мезытх считался хозяином зверей, ему приносили жертвы. Покровителем рыболовства был Кодеш. Мезытх представлялся в образе кабана, Кодеш — рыбы. У абхазов — покровители охоты, духи-хозяева дичи, стерегущие зверей, — Ажвеипшаа и Айрть. Они имели стада, которыми кормились, а из костей, оставшихся от трапезы, создавали животных, оживляя их и отдавая в добычу охотникам. Им в жертву приносили козла или барана, отделяли им часть добычи.

Аналогичного характера происхождение образов богов и духов у других народов: грузинской богини охоты Али, духа ледников и покровителя охоты гималайских охотников Чумунга, греческой Артемиды-охотницы, римской Дианы, святого Николая-чудотворца как покровителя морских промыслов у северорусских поморов и т. п. Таков же характер бабы Яги из русских волшебных сказок. Это очень сложный образ, но в нем прослеживаются черты хозяйки леса и животных. Яга — мать и хозяйка лесных зверей, она имеет над ними неограниченную власть: «Где вы есть, серые волки, все бежите и катитесь во одно место и во единый круг, выбирайте промежду собой, который больше, который едренше за Иваном-царевичем бежать». Древнейший облик Яги — животный. В некоторых архаичных сказках роль Яги в избушке играют козел, медведь, утка или сорока. Ее костяная нога, как и куриные ножки ее избушки, — остаток ее бывшего животного облика. Леший — это поздний вариант Яги, возникший в период перехода от матриархата к патриархату.

...Безбрежное море тихо и спокойно. Чайки парят над водой и вдруг камнем падают в воду, чтобы затем подняться и улететь с рыбиной в клюве. Пахнет водорослями и рыбой, сыростью и свежестью...

На берегу суетятся люди, их много — целая толпа.

Охотники убили кита! Празднично наряженные женщины плясками встречают «гостей». В рот ему кладут ветки и пучки травы, произнося заклинания. Затем на голову надевают нечто вроде колпака из травы — чтобы он не видел, как его будут разделывать. Предстоит большой праздник. К вечеру уже закончены приготовления для пира. Все собрались в яранге хозяина сети, поймавшей кита. Восемь каменных жирников освещают восемь собравшихся на праздник семей. На почетном месте выставлены семейные святыни, среди них самая священная — деревянная фигурка кита. Перед ней уже стоит жертва духу кита — жертвенная чашка и куски вареного китового мяса. Все ждут «гостей», разговаривают шепотом. Но вот тишина нарушается радостными криками женщин: «Вот пришли дорогие гости!», «Приходи к нам почаще!», «Когда уйдешь назад в море, зови к нам своих друзей, мы приготовим им такую же вкусную пищу, как и тебе!», «У нас всегда много ягод!» Хозяин праздника бросает в огонь куски жира — это жертва духу хозяину. Потом он мажет жиром рты священных изображений. Начинается пиршество. Вкусны китовое мясо и пирожки из китового и тюленьего жира, ягод и кореньев. Шумно и весело в яранге. Но вот наступает тишина: гадают по оленьей лопатке о предполагаемом возвращении кита в море. Радостные крики возвещают: гадание благоприятно. Целых три дня длится празднество: жители стойбища ходят друг к другу в гости, угощают друг друга. Вечером третьего дня снова собираются в доме хозяина праздника. Глухо звучат бубны, в пляске женщины приветствуют «гостей» — кита и тюленей, доставшихся им в добычу. Утром кита снаряжают в обратный путь. Начинаются особое гадание и заклинания, женщины закрывают лица травяными масками — взглянуть в глаза духу кита не отваживается никто. Наконец все облегченно вздыхают — голода и несчастий в этом году не будет: кит благополучно отправился домой...

Это ежегодный праздник кита у коряков. Такие же праздники в честь китов, моржей, тюленей, морских львов, касаток, нерц, диких оленей, лосей, волков, песцов, росомах, лисиц, тигров, енотов, орлов, ястребов, филинов устраивали и другие народы Сибири — чукчи, камчадалы, эскимосы, ороки, нанайцы, айны и др.

Охотники в течение всего сезона собирают головы или черепа убитых животных и хранят их для праздника. От каждого убитого животного оставляют обрывки меха, ухо, кончик хвоста, носа, уса: от тюленя — обрезок лапы, от кита — частицы внутренних органов, кусочек сердца или печени, глазное яблоко; от рыб и птиц — несколько косто-

чек и перьев. На празднике присутствуют, таким образом, не только убитые в данный момент звери (в виде замороженных туш), но и те, что были убиты ранее, в течение всего года. «Гостей» (череп и туши) украшают длинными пучками мягкой травы, меховыми кисточками, полосками кожи, женскими ожерельями. Всем «гостям» обязательно подносят угощение — мясо, рыбу, сахар, табак, водку. Мороженые туши оттаивают тут же: «Пусть обогреются гости, когда им станет тепло, они снимут прочь свои меховые шубы». После оттаивания с них снимают шкуры, а взамен надевают пояса и шейные повязки из осоки — это подарок гостю, новая одежда. В полураскрытые пасти животных, в надрезы на тушах («карманы») хозяйка дома кладет рыбью икру. Зубы черепов смазывают жиром или кровью: «Скажите своим братьям, что в этом доме хорошо принимают гостей. Пускай ваши старшие братья тоже придут. Мы их угостим не хуже, чем вас». На празднике исполняются танцы зверей: женщины в меховой одежде с капюшонами на головах пляшут под аккомпанемент бубна, подражая движениям и крикам животных. Мужчины топают ногами и кричат: «Не мы вас убили, не мы!» «Нет, нет, нет!» — вторят женщины. «Камни скатились с высоты и задавили вас! Молния убила вас!» «Да, да, да!» — подтверждают женщины.

Коряки, убив волка или медведя, снимали с них шкуру, надевали ее на охотника и плясали вокруг него, приговаривая, что это не они убили зверя, а кто-то другой. На чукотском празднике волка танец волка исполнял хозяин праздника, убивший зверя. Он танцевал в маске из губ и носа волка или в шкуре волка, надев ее так, что голова волка накрывала его голову. У камчадалов на празднике кита одна из камчадалок, привязав к себе за спину фигурку кита, специально изготовленную для этой цели из рыбы и сладкой травы, входила через верхнее отверстие в дом и ползла вокруг очага. За нею ползли два камчадала и тюленьими кишками ударяли по «киту», крича по-вороньи. Затем находившиеся тут же дети бросались на женщину и раздирали «кита» на куски. После этого все ели куски «кита». У некоторых народов для праздника выращивали животное — медведя (у народов Амура), енотовидную собаку (у айнов). Вырастив животное в клетке, его затем убивали, голову клали на циновку, ставя перед ней угощение и украшая ее стружками.

По окончании пляски хозяева вместе с домочадцами собирали все остатки животных и выносили их наружу. Совершался отпуск зверей: кости и обрезки, относящиеся к сухопутным животным, относили в поле, подальше от жилища, и оставляли на земле, птичьи косточки подбрасывали вверх, китовые, моржовые, тюленьи и рыбы кости и частицы бросали в море («Олени ушли в поле. Тюлени ушли в море. Кит ушел в море»).

Главное значение праздника заключалось в примирении охотников с духами убитых животных, целью его было воскресение животных, их возвращение «в гости» к охотникам. Обряд был обращен не только к тотемному в прошлом животному, но и ко всем животным. Это уже следствие развития древнейшей формы обряда тотемического умножения животных в позднейшую мистерию воскресения животных, праздник умирающего и воскресающего зверя, связанный с промысловым культом.

Первобытный человек верил, что животное после смерти воскресает и продолжает жить. Эта вера в воскресение умерших животных, свойственная тотемизму, в еще большей степени характерна для представлений промыслового культа. В представлениях и обрядах промыслового культа мы находим дальнейшее развитие взглядов первобытного человека на воскресение животных, их конкретизацию. В отличие от тотемизма, здесь присутствует дух-хозяин животного, благодаря которому и происходит «оживление» зверя. Чтобы помочь ему в этом, надо сохранить «творческий элемент» будущих зверей, птиц, рыб — их кости, перья, шкуру, части тела. Поэтому их нельзя уничтожать, ломать, рубить, надо разъединять их по сухожилиям. Если кости остаются целыми, а еще лучше — подобранными в анатомическом порядке, происходит реинкарнация (воплощение в других особях) душ убитых зверей, птиц и рыб. Обычай особого отношения к костям убитых животных у разных народов развиты в различных формах, но сущность и происхождение их одинаковы.

Нивхи хоронили тигра в особом месте, череп медведя хранили особо, кости морских зверей собирали и бросали в море. Хозяину моря они отдавали обратно кости рыб, нос, язык и глаза перпы. По этой же причине они закапывали в прибрежном песке глаза и недозрелый плод, найденный в чреве перпы. Касатка, по представле-

ниям нивхов, — ызьму («лодка хозяина»). Хозяин моря складывает в нее убитых зверей. Если она не захочет отдать их хозяину, он выбрасывает ее на берег, и тогда она достается людям. Кости ее не выбрасывали, а складывали в специальный сруб. Енисейские эвенки в укромном месте собирали кости животных, птиц, рыб, чтобы их не топтали. Приморские чукчи для возрождения зверя во время праздника в честь морского духа Кереткуна выбрасывали в море остатки жертвенной пищи.

Обычай сохранять в течение всего года кости убитых куниц, соболей и бобров существовали также и у населения Аляски. Охотники верили, что духи, смотрящие за этими животными, в случае если плохо обращаться с их костями, могут не разрешить в дальнейшем убивать и ловить их. Канадские индейцы не отдавали костей убитых лосей, оленей, бобров своим собакам, а бросали их в воду. Один из миссионеров, наблюдавший этот обычай, сказал им, что бобры не могут узнать после смерти о судьбе своих останков. На это индейцы ответили: «Прежде чем бобр окончательно умрет, его дух отправляется к тому, кто его убил, и внимательно рассматривает, что сделано с его костями. Если они отданы собакам, он рассказывает другим... если кости брошены в огонь или в реку, дух его вполне удовлетворяется, а это особенно полезно для той сети, которой он был пойман»²⁷.

В одной из русских сказок рассказывается, как девушка закапывает кости коровы в саду и поливает их водой. Так сказка сохранила воспоминание о существовавшем некогда обряде.

Основными моментами обряда-мистерии умирающего и воскресающего зверя были следующие: вера в воскресение зверя и забота о его останках, представления о духах-хозяевах и умиловивление их, извинения перед зверем, связанные с представлениями о его всеведении, причастная трапеза, ритуал воскрешения зверя. Этот обряд — основной в промысловом культе. В свою очередь представления промыслового культа отражены в мифе об умирающем и воскресающем звере.

В. Г. Богораз показал, что миф об умирающем и воскресающем звере является древнейшим охотничьим мифом, возникшим до земледелия и металлов и потому более ранним, чем выделенный Дж. Фрезером земледельческий миф об умирающем и воскресающем боге²⁸. В той

или иной форме здесь присутствует идея превращения животного в человека или человека в животное, идея возрождения после смерти в сказочном образе. Хотя древние мифы охотничьих народов, рассказывающие о жизни медведя, кита и других священных животных, и обросли со временем разными дополнительными сюжетами и эпизодами, в них можно выделить несколько первоначальных, древнейших эпизодов, повторяющихся в разных вариантах в мифах разных народов. Героиня мифа — мать китового сына, девушка или женщина, прогнанная или бежавшая от родственников или мужа, заблудившаяся в лесу. Кит, медведь или орел дают ей приют или похищают ее. Через год у них рождается ребенок: полтела — человек, полтела — зверь или птица. Мать убегает к людям с ребенком или еще до его рождения, ей помогают в этом братья. Они прячутся в доме зверя, он слышит их запах, но женщина успокаивает его. Однако зверь все-таки обнаруживает людей, завязывается схватка, в которой он погибает. Для того чтобы загладить вину перед животным, люди устраивают умиловительный обряд и торжественную трапезу. Возрождается зверь в образе сына женщины и животного. В чукотско-эскимосской легенде женщина, зачавшая младенца от кита-оборотня, убегает от мужа к своим братьям. Кит гонится за ней, но люди его убивают. Женщина рождает китенка и помещает его в маленькой луже в лесу, кормит червями. Потом переносит его в небольшое озеро и кормит рыбой. Младенец вырастает с чудесной быстротой, и скоро ему становится тесно на озере. Мать прорывает канал и выпускает сына в океан.

Происхождение промыслового культа

Представления и обряды промыслового культа, связанные с верой в духов-хозяев природы и животных, развиваются уже на более высокой ступени развития общества, чем тотемизм. Они характерны для периода разложения первобытнообщинного строя. Однако истоки верований и церемоний промыслового культа, по всей видимости, ведут в более ранний исторический пласт. Мы уже отмечали сходство между представлениями промыслового культа и тотемизма — обеим формам религии свойственна вера в родство человека и животного, в их близость, вера в воскресение животного после смерти в других особях. Это

сходство наводит на мысль (хотя этот вопрос еще слабо разработан в науке) о том, что зарождение промыслового культа связано с тотемизмом. Очевидно, не случайно следы особого отношения к животным в древности (палеолит) разными исследователями объясняются по-разному: одни считают памятники палеолитического искусства свидетельством возникающего тотемизма, другие видят в них промыслово-магические функции.

Думается, что некоторые взгляды и обряды промыслового культа, например промысловая магия, извинительные обряды над убитым зверем, могли возникнуть на почве тотемических воззрений. В промысловом культе, в частности, мы встречаемся с извинительными и умиловательными церемониями, направленными на само убитое животное. Вероятно, они возникли в связи с частичной (вначале), а потом и полной отменой запрета убивать тотемное в прошлом животное. Извинения перед убитым зверем, отведение вины от себя за причинение ему вреда, особое почтительное отношение к нему связаны также с боязнью этого зверя. Особенно это касается хищных животных — волков, тигров, медведей, львов, леопардов, а также змей. Поэтому с промысловым культом так тесно связаны культы непромысловых животных, хищных и опасных.

Первобытный охотник верил, что животные не только слышат и понимают человеческую речь, но могут и отомстить человеку, если он не был почтителен с ними. Поэтому и сборы на охоту, и само поведение охотника на промысле подчинялись определенным предписаниям, запретам и магическим действиям. Приволжские татары верили, что бобр может говорить по-человечески и во время охоты просит охотника не убивать его. На охоте за белкой удмуртский охотник как бы извинялся перед ней: прицеливаясь, он расхваливал ее, пел ей хвалебные песни. Белчьи шкурки хранили в святилище. Смоленские крестьяне при встрече с волками говорили им: «Здравствуйте, молодцы!»

Чукчи-оленоводы почитали волка, видя в нем сверхъестественное существо. Они боялись убивать волков, так как считали, что другие волки могут отомстить — истребить всех оленей; волчьи черепа хранили вместе с другими священными предметами. Домашняя святыня чукчей, состоявшая из связки черепов, косточек и обрезков

меха, называлась «хранители от неудач». Камчадалы, собирая съедобные коренья в мышиных норах, говорили между собой на особом языке, чтобы мыши их не поняли, а в норах вместо взятого оставляли тряпки, ломаные иголки — якобы в обмен. У бурят на охоте нельзя было хвастаться, громко говорить, петь, ругаться, ходить неряшливым. Нивхи, почитающие нерпу, прежде чем убить ее, будили животное. Амурские народы, встретив следы тигра, бросали ему самое ценное — огниво, стараясь обойти самого тигра стороной.

То же самое делали филиппинцы, кидая в воду аллигатору различные предметы и умоляя его не трогать их. Индейцы Британской Колумбии перед началом рыбной ловли встречали рыбу и говорили ей: «Вы, рыбы, вы наши начальники». А у африканского племени мандинго существовал обычай фиктивного суда над человеком, убившим льва. Африканские банту (коса), убив слона, уверяли его, что они это сделали не нарочно, и хоронили его хобот, который представлялся им рукой, способной покарать их.

Примером охотничьей или промысловой магии, направленной на само животное, являются также охотничьи пляски. Охотничья пляска производилась обычно перед охотой и изображала зверя, сцены выслеживания и охоты на него. Цель ее — магически воздействовать на зверя, обеспечить удачу в предстоящей охоте, привлечь зверя в район охоты.

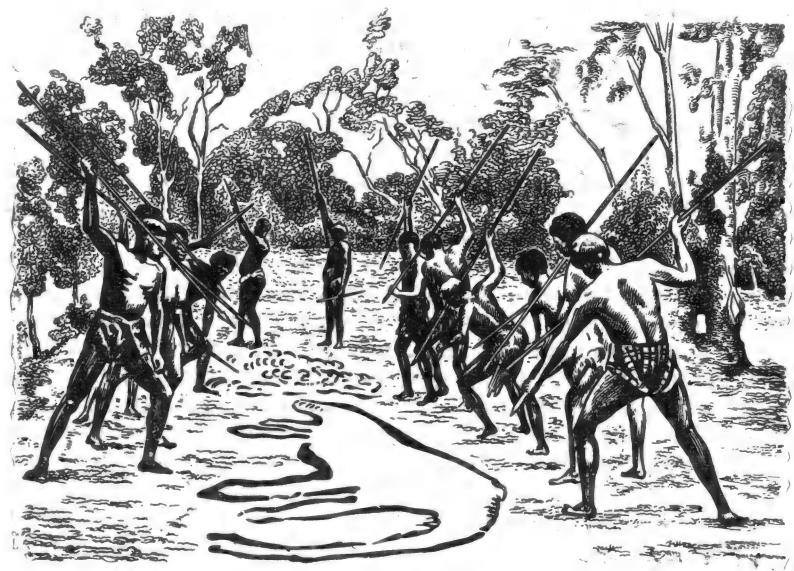
У индейцев Северной Америки было более двух десятков различных охотничьих плясок — волка, лисицы, бизона, медведя, койота, лося, лошади, норки, змеи, совы, рыбы. Североамериканские степные индейцы племени манданов в ожидании прихода стада бизонов плясали бизонью пляску. Каждый индеец имел маску и шкуру бизона с хвостом. Часть индейцев плясала в этих костюмах, а другая часть изображала охотников, подкрадывающихся к бизонам. Зрители стояли в ожидании с луками и стрелами в таких же костюмах. Уставший танцор наклонялся, в него «стрелял» охотник, зрители вытаскивали «убитого» из круга, и на его место становился новый танцор. Эта пляска могла продолжаться несколько дней и ночей, а иногда и недель, пока не приходили бизоны. Во время пляски воспроизводилась вся сцена охоты на бизонов. Индейцы племени сиу перед охотой на медведя в течение нескольких дней исполняли медвежий танец. Один из на-

ибо более уважаемых участников его надевал на себя медвежьей шкуру с головой, остальные надевали маски из медвежьих голов, все подражали движениям медведя, громко рычали.

Отправляясь на охоту, охотники Африки плясали, изображая разных животных. Для того чтобы передать сходство с изображаемыми животными, танцоры надевали специальные деревянные маски, имитирующие морду животного. Кроме того, танцор подражал движениям и повадкам животных. Позднее маски стали более стилизованными. Африканские зулусы перед охотой на оленя разыгрывали пантомимы, участники которых изображали оленей и охотников. Негры Экваториальной Африки перед охотой на гориллу разыгрывали сцену «Охота на горилл». Охотник, игравший роль гориллы, делал вид, что его убили.

Помимо охотничьих плясок известны и другие магические обряды привлечения зверя. Например, обряд привлечения охотничьей добычи у чукчей и эскимосов состоял в том, что специально изготавливались и выставлялись наружу из жилищ магические доски с изображениями на них различных пород животных: оленей, песцов, тюленей, моржей, китов, рыб, плывущих в сети или попадающих под выстрел из лука. К тюленьей сети чукчи привязывали фигурки тюленей, чтобы облегчить себе промысел. Ханты ставили изображения рыб на берегу реки головой в том направлении, в котором должна была идти рыба.

Очень интересен обряд добывания удачи у эвенков. Сущность его состояла в магическом убийстве животного. В случае неудачной охоты охотник делал изображение животного (лося, оленя), а также маленький лук и стрелу, уходил с ними в тайгу, ставил изображение животного и стрелял в него из лука. Иногда на изображение перед выстрелом набрасывали аркан. Если изображение падало, то охота должна была быть удачной. Охотник имитировал разделку туши, прятание ее, «брал» часть ее с собой домой. После этого он отправлялся на настоящую охоту. Если изображение животного не падало, делали изображение собаки, били его, бросали и снова стреляли. У эвенков р. Сым известен также древний обряд икэнипкэ — древняя охотничья мистерия, основу сюжета которой составляет погоня за божественным оленем, убийство его и приобщение к его мясу.

Магическое приготовление к охоте у австралийцев

Как видим, некоторые обряды тотемического и промыслового культов близки: тотемические и охотничьи пляски, запрет убивать тотем и извинительные обряды. Возможно, что в промысловом культе следует различать два этапа: промысловую магию, направленную на само животное, и собственно промысловый культ с почитанием и умилением духов-хозяев. На первом этапе промысловый культ еще не оформился в систему, здесь он тесно связан с тотемизмом. Примером такого неоформившегося промыслового культа, а точнее — промысловой магии, вероятно, являются некоторые представления и обряды австралийцев, для которых более характерен, как мы видели, тотемизм. Так, австралийцы считали, что собака динго понимает человеческую речь. В некоторых районах Австралии животное не убивали в спящем виде, его будили, чтобы дать шанс на спасение. Для обеспечения удачной охоты охотники рисовали изображение кенгуру на земле и бросали в него копьа; охотники с копьями и в костюмах, стилизованно напоминающих животное, исполняли пляски кенгуру. Австралийские женщины во время рыбной ловли

сидели в лодке и пели песни, в которых просили рыбу идти на крючок.

Но мы должны оговорить условность такого деления промыслового культа на два этапа. Вопрос этот еще недостаточно изучен. Дело в том, что представления о духах-хозяевах и обряды по отношению к самому животному известны у народов с одинаковым уровнем развития. Более того, они встречаются в одну и ту же эпоху. Однако психология первобытного охотника изучена еще очень слабо, и у нас нет уверенности в том, что мы просто не имеем более точных данных и не знаем, кому предназначались эти обряды — животному или его хозяину.

В происхождении промыслового культа, кроме связи с тотемизмом и страха перед хищными животными, известную роль сыграли также рациональные приемы, обеспечивающие удачный промысел. Одним из таких приемов была охотничья маскировка. Она развивала представления человека о родстве с животными: надевая шкуру, он становился похожим на животное, снимая ее — значительно отличался от него. Имитирование повадок зверя и ряжение в шкуру послужили основой для возникновения охотничьих танцев. От ловкости, мастерства охотника зависел результат охоты, а иногда и его жизнь. Поэтому охотничьи племена очень тщательно изучали повадки зверя и мастерски, талантливо подражали им. Охотничья маскировка имела широкое распространение среди многих народов Азии, Америки, Африки, Австралии.

В XVII в. эвенки во время охоты на оленей надевали на голову кусок оленьей шкуры с рогами и подкрадывались к ним ползком. Чукчи еще в начале нашего столетия охотились на тюленей, отличающихся чрезвычайной чуткостью и осторожностью, тщательно маскируясь: надев на себя тюленью шкуру, охотник с помощью скребка имитировал звуки ползающих по льду тюленей и подползал к ним с подветренной стороны, подражая их движениям.

Путешественник Г. Кэтли в 1830-х годах наблюдал охоту у североамериканских индейцев: «Человек охотится на бедных бизонов во все времена года и различными способами... он подкрадывается к ним, когда они спокойно пасутся, под маской волка и подстреливает их, прежде чем они почувствуют приближение опасности... они натягивают на голову целиком волчью шкуру и таким образом замаскированные часто проползают на четвереньках с по-

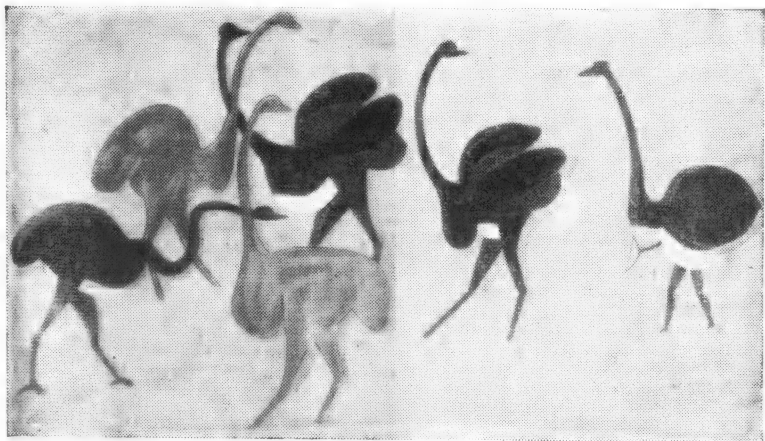

Калифорнийский
индеец-охотник

ловину английской мили, прежде чем они приблизятся на небольшое расстояние к беспечному стаду и с легкостью подстрелят жирных бизонов»²⁹.

Охотясь на газелей, охотники-бушмены надевали на голову шапку из шкуры газели, снятой вместе с рогами и ушами, скрываясь в траве, подползали к животным на расстояние выстрела и убивали их отравленными стрелами из лука. Антилопы, зебры, страусы — более осторожные животные, поэтому при охоте на них необходимо было соблюдать осторожность. Для охоты на страуса и зебру требовалось перевоплощение охотника. На спину он надевал специально сделанное из соломы и перьев приспособление, изображающее тело страуса, и, продвигаясь вперед, ближе к объекту охоты, искусно действовал специальной палкой, воткнутой в набитую сеном шею и голову страуса, подражая движениям птицы, изображая ее щиплющей траву, встряхивающейся, осторожно осматривающейся.

Имитирование движений животного имело значение не только для подражания животному в магических целях, но и для приобретения, передачи и накопления охотничье-

Охота на страуса у бушменов

го опыта. Возможно, именно для этой учебно-тренировочной цели и возникли охотничьи пляски, магический характер которых проявился позднее.

Рациональный характер имели первоначально, по-видимому, все магические обряды над промысловым инвентарем, существовавшие у многих рыболовецких и охотничьих народов. В их основе лежит многовековой опыт охотников, приспособившихся к тонкому чутью зверя. В саамском мифе олень, рожденный девой, хочет жениться на дочери человека. Мать говорит ему: «Сынок, ты не сможешь жить с человеческой девушкой. Она другого запаха. Она не сможет быть чистой, как ты. Ты мяндаш — дикий олень. От ее запаха ты всегда будешь прядать ушами. Тебе не будет терпения жить в своем доме»³⁰. С боязнью жилого запаха связаны как многочисленные табу, так и обрядовые окуривания орудий охоты, сетей и т. п.

Например, якутские охотники осенью перед охотой окуривали орудия охоты над огнем. Манси натирали лук-самострел пихтовыми ветками. Восточносибирские русские охотники вымачивали капканы в настое травы. У бурят нельзя было на охоте бросать в костер шерсть, тряпки, войлок, т. е. предметы, при горении которых выделяется острый запах, способный отпугнуть зверя. Нельзя было опа-

ливать на костре птиц, зверей, сушить перед огнем портянки. Охотники не держали в жилом помещении капканов, сетей, оберегая их от жилого запаха, который зверь может учуять. Точно так же обстояло дело с запретами по отношению к женщинам. Накануне выхода на промысел охотники у многих народов не должны были вступать в половые сношения. У некоторых существовал запрет мыться в бане после женщин. «Охота — чистое дело, дичь любит только чистого человека» — характерное выражение охотника-коми. Эти запреты и меры предосторожности, рациональные в своей основе, впоследствии приобрели магический, колдовской характер. Например, женщинам многих народов нельзя смотреть на убитое животное, прикасаться к нему, есть некоторые части его тела (голову, сердце и др.).

Таким образом, если происхождение промысловой магии связывается с тотемизмом и рациональными приемами охотничьей практики и относится к древнейшим периодам человеческой истории, то развитие промыслового культа с его сложными системой взглядов на духов-хозяев и обрядностью характерно для более развитых народов, переживающих эпоху разложения первобытнообщинных отношений.

Култ медведя

Традиции тотемизма и промыслового культа в почитании медведя

...Поздняя осень. Холодно и сыро. Земля усыпана желтыми листьями. Унылый день давно начался, но сумрачно, как перед дождем. Даже стойбище кажется печальным и вымершим: сегодня эвенки сидят в чумах у костров. Только струйки дыма выдают присутствие человека. И вдруг странная фигура появляется перед стойбищем на опушке леса. Это как будто человек, но он как-то странно прыгает, размахивает руками, как крыльями, вытягивает шею вперед и кричит по-вороньи. И сразу ожило стойбище: из чумов бегут мужчины, женщины, дети. Все прыгают вокруг чумов, изображают воронов, каркают по-вороньи: это охотник нашел берлогу с медведем и сообщает об этом. Предстоят охота и большой праздник.

В одном из чумов происходит охотничий совет: в иносказательной форме охотник повествует о своей находке, здесь же намечается план охоты. Рано утром отправляются в лес. Выходят охотники из чумов осторожно: они не должны наступать на порог, оглядываться. В стойбище остаются женщины, им нельзя выгля-

дывать из чумов, пока не ушли охотники, нельзя расчесывать волосы, мыть руки, брать острые предметы во избежание неудачи на охоте.

А вот и берлога. Перед ней крест-накрест устанавливают колья. Старший из охотников трогает медведя в берлоге шестом. Вот показалась голова зверя — шерсть его взъерошена, он рычит, злые глаза смотрят на охотников. Когда он, казалось, уже сообразил, что произошло, раздается выстрел; медведь выскакивает, его колют пальмой*. Старший из охотников накидывает на медведя аркан, обращаясь к нему с просьбой о промысловой удаче. Охотники тащат медведя, приговаривая: «Дедушка, потише, дедушка, полегче». Вытащив медведя из берлоги, они внезапно устраивают нечто вроде пляски вокруг него. Это появились «вороны», они летают, клюют медведя, дерутся, кричат. Таким танцем, рассчитанным на единственного зрителя — душу медведя, вина за убийство медведя переносится на зверей.

Старший из охотников раскрывает пасть зверя и вставляет туда палочку длиной 8—10 см, говоря при этом: «Дедушка, зевай». Это душа медведя должна выйти из тела. Затем он делает охотникам знак снимать шкуру: «Дедушка, шкуру снимать будем, муравьев много»...

У эвенков медведь считается младшим братом матери. В медвежьем мифе рассказывается о браке эвенкийской девушки и похитившего ее медведя. Медведь встретил ее брата и, погибая от его стрелы, признался эвенку, что он его зять, наказав впредь только зятю снимать с него шкуру и хоронить.

Снимая шкуру, охотник «беседует» с медведем. Зверь как будто жалуется, что его убили пуля и ружье, а охотник убеждает его, что тот сам себя убил играя с ружьем. Тут же, в лесу, во время свежевания туши достают сердце и печень, не отделяя их от горла и головы. Старший из охотников разрезает сердце на куски и первым съедает один из кусков, за ним в порядке старшинства сердце едят остальные охотники, и снова все каркают по-вороньи. При свежевании туши кости расчленяют по суставам. Уходя из леса, исполняют обряд, напоминающий прощание с покойником: стреляют из маленького лука в брюшину медведя.

...Показалось вдали стойбище, снова охотники превратились в воронов. Из чумов выбегают женщины, дети, они тоже изображают воронов. Посреди стойбища разводят костер, варят мясо, начинается всеобщее веселье — танцы, игры, песни. Запеваает старший, танцоры подражают оленям. Тем временем зять варит медвежье

* Острый длинный нож, укрепленный на древке.

мясо, криком ворона он дает знать, что оно готово. Намазав лица сажей, изображая стаю воронов, все приближаются к костру, рассаживаются, и начинается пир. После еды снова пляски, состязания в прыжках с шестом в высоту, через аркан, в стрельбе из лука. Веселье длится до поздней ночи.

Утром происходит церемония вынимания глаз: их вынимает старший из охотников, завертывает в бересту и хоронит на кедре. И опять танцы, игры, угощение у костра. На третий день устраиваются похороны головы медведя. Сначала голову варят, едят с нее мясо, затем собирают кости черепа, оплетают их прутьями и хоронят на высоком кедровом пне...

У отдельных групп эвенков особый обряд составляло приготовление внутренностей и сердца медведя с топленным салом и поедание этого блюда. Оно готовилось в особом котле. По верованиям многих народов, сердце и внутренности являлись средоточием жизни, поэтому с ними обходились так бережно. Иногда для похорон кости медведя собирали на помосте в анатомическом порядке.

Очень интересный комплекс обрядов медвежьего культа зафиксирован у кетов. Кетский медвежий миф рассказывает: «Когда-то жил в лесу кайгусь — лесовой человек, сын медведя и женщины. Шесть лет ему было, до семи не дошел, задумал жениться, девку у людей взять. Отец не велел: «Мал еще, подрасти надо». Сын на своем стоит. Отец тогда семь шагов (следов) отсчитал, до восьмого допрыгнуть велел: «Допрыгнешь — к людям иди, не сможешь — нельзя идти, убьют тебя люди». Рослому допрыгнуть легко, сын маленький был, не смог, но все-таки к людям пошел, взяв в подарок платок и платье. Идет, идет по тайге, навстречу ему бурундуки. «Куда идешь?» — спрашивают. «Я к людям жениться иду». — «Не ходи, назад не вернешься, убьют тебя люди». Не послушал кайгусь, рассердился, убил бурундуков стрелой из лука, дальше пошел. Навстречу ему белки: «Куда идешь?» — «Я к людям жениться иду». — «Не ходи...» (и т. д. Кайгусь встречает также колонков, горностаев, соболей, росомах и волков; со всеми у него происходит одинаковый разговор, всех он, рассердившись, убивает). Пришел медвежий сын... к реке, где чум старика стоит. Дочь старика за водой пошла. Кайгусь схватил ее и ушел с ней в тайгу. Поздно уже хватились люди — нет дочери старика, медвежий след узнали. Утром небо посветлело, старик людей собрал, пальмы наточили, медведя гонять стали. Гоняли, гоняли; дочь старика, жена медведя, погоню слышит: «Это отец нас гоняет

с людьми». Кайгусь решил подарок, выкуп... отцу жены оставить — кошку (кучку) бурундуков ему оставил. Люди медведя гоняют, видят — бурундуков много лежит. Старика говорят: «Это муж твоей дочери выкуп тебе оставляет, не зверь он, зачем гоняешь». Старик не слушает, дальше гоняет. Кайгусь погоню слышит, кошку белок — старику подарок — оставляет (затем кайгусь так же оставлял кучки колонков, горностаев, соболей, росомех и волков). Старик дальше гоняет, уговоров людей не слушает. Сын медведя уже уставать стал: «Я все им оставил, все равно убьют», — говорит. Остались только платок и платье, оставил и их медведь. Старика люди уговаривают: «Ведь человек идет, сколько подарков оставил, не гоняй его». Не слушает их старик, дальше гоняет. Тогда кайгусь говорит жене: «Все равно убьют они меня, пугаю я их. Если не убьют, то мы не как лесные звери, а по-человечьи ходить будем. Если меня убьют, пусть правую руку отрезают, пусть бросают, сколько дней сидеть буду, чем кормить меня, пусть узнают. На бересте пусть рисуют, норку (кожу с носа и губ) пусть оставляют. Мои кости пусть гложут, ребра пусть связывают, голову, кости в сторону пусть относят». Сказал все это и ушел людям навстречу. Старик его убил, дальше пошел, видит — дочь стоит, плачет: «Зачем мужа моего убили!» Старик дочь взял, народ домой ушел. Мясо домой таскали. Лапу бросали, на бересте тень медведя, душу, рисовали. На руках, ногах, шее медь красную протыкали — так он сказал. Дочь мясо есть не стала. Три дня гостил медведь: юколу, утичий жир ему ставили. Кости собирали, ребра корой черемухи связывали. Потом все в лес унесли, на пеньке оставили. Когда тень на землю упала *, медведь-сын пошел к отцу. По пути весь народ его встречал — бурундуки, белки, колонки, горностаи, соболи, росомехи, волки, стыдили, что не послушался. К отцу в чум (берлогу) пришел, вниз упал, только кости гремели»³¹.

Своеобразен обычай кетов выращивать медвежат, взятых от убитой медведицы. Содержала медвежонка бездетная семья, заботясь о нем, как о ребенке, называя дочкой или сыном. Его держали в чуме, водили в гости, угощали

* По поверьям кетов, медведь «возрождался» и начинал новую жизнь с того времени, когда завернутые в бересту (на ней рисовали его душу-тень) кости медведя высыхали и падали на землю с пня или дерева.

лакомствами, надевали на него ожерелье-ошейник, серьги и браслеты из красной меди. Когда он подрастал, его брали на охоту, чтобы он предупреждал о приближении дикого медведя. После трех лет медвежонка, не снимая с него украшений, отпускали в тайгу. Всех предупреждали, что отпускают «сына» или «дочь»; выращенного медведя никогда не убивали.

Особое отношение к медведю было свойственно всем народам Северного полушария, жившим в тайге и тундре, где водится медведь, белый или бурый, — народам европейского, азиатского и американского Севера. Культ медведя широко был распространен у народов Сибири и Дальнего Востока: хантов, манси, ненцев, кетов, эвенков, коряков, чукчей, камчадалов, айнов, орочей, ороков, нивхов, нанайцев, удэгейцев, ульчей.

Убиение медведя, свеживание туши, поедание его мяса и забота о его останках были обставлены у этих народов целым рядом церемоний, получивших название медвежьего праздника или медвежьей пляски. Праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. Образу медведя как священного зверя посвящены особые мифы. В культе медведя наиболее полное и яркое выражение нашел миф умирающего и воскресающего зверя: «Обряды, выполняемые по случаю умерщвления священного зверя у... охотничьих народов, почти всегда связаны с верой в то, что убитый медведь оживает, возродится хотя бы в лице других особей того же вида. Это широко распространенный «миф об умирающем и воскресающем звере» (В. Г. Богораз), аналогичный мифу об умирающем и воскресающем божестве растительности у земледельческих народов. Люди, не желая лишаться покровительства со стороны убитого зверя, просят не сердиться на них, выдумывают всякие оправдания: не мы-де тебя убили, а русские и т. п. Так оправдываются охотники перед медведем, убитым даже на охоте...»³²

В почитании медведя переплетаются черты тотемического и промыслового культов. Это видно на примере подставных имен медведя. Нигде его не называли по имени, обычно называя «зверь», «хозяин», «старик», «дедушка». Ханты и манси называли его «лесная или горная женщина», «мудрый священный зверь», «старик, одетый в шубу», «когтистый старик», «добрый мужичок», «добрый могучий богатырь», «умный старичок»; кеты — «шерст-

ной человек», «лесовой человек»; у якутов это «господин», «хозяин леса и гор», «владыка чащи», «князь зверей»; у айнов — «сын горного бога», «горный бог», «дорогое божественное существо»; у бурят — «царь-человек» и т. д. Здесь на отношение к медведю перенесены отношения людей. Русское название «медведь» — тоже описательное, подставное имя («мед ведающий», или «медоед»), названия этого зверя на германских, англосаксонских и литовском языках означают «бурый» (beran — герм., bera — англосакс., bėgas — лит.; отсюда, вероятно, наше «берлога»).

Но у медведя есть подставные имена иного характера. Они свидетельствуют о тотемическом характере медвежьего культа: везде, от Скандинавии до Северной Америки, к нему обращались с уважением, как к человеку пожилого возраста, называя «отец», «дед», «дедушка», «старик» и т. п. Эвенки называли медведя «амака», «эхэ» (дед, старик), медведицу — «эбэкэ», «эбэчи» (бабушка, старуха) или «атырканна» (большая старуха); кеты — «кыпъ» (дедушка), «бат» (старик), у них же известен в отношении медведя и другой термин — «кой», что означает «отчим», «мачеха», «дядя с материнской стороны». У эвенов медведь почитался как дедушка, брат их прародительницы Дантры. Окружив берлогу, они брались за руки и пели: «Дедушка медведь, наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра велела, говорила тебе: «Не пугай нас, умри». Телеуты и шорцы называли медведя «тай» (дядя по матери). Выходя на след медведя, охотник-тлинкит говорил: «Шурин моего отца, пожалей меня. Дай мне удачу» (шурин отца или брат матери при матрилинейном счете родства был ближайшим родственником).

Однако некоторые черты обрядов, связанных с медведем, свойственны только промысловому культу. Например, сборы на медвежью охоту окружены таинственностью и сопровождаются некоторыми табу и мерами предосторожности. О предстоящей охоте обычно говорили мало, односложно («Надо зверя выслеживать»). У эвенов, как мы видели, запреты распространялись не только на охотников, но и на остающихся на стойбище женщин и детей.

Во время охоты также существенное значение имело соблюдение ряда обычаев. «Медведь умен, как человек, даже умнее: он все может, все знает и понимает, и если

не говорит, то только потому, что он не хочет», — так говорят якуты. Поэтому надо опасаться его гнева и вести себя следует скромно, осмотрительно. Саамы считали, что медведь слышит все, что про него говорят, поэтому во время охоты его не называли по имени, не говорили о нем ничего плохого. У камчадалов нельзя было наступать на след медведя. Кеты говорили, что хвастаться удачной охотой на медведя, говорить о нем плохо — крайне опасно: «Скажешь несколько раз плохо, пойдешь на охоту, найдешь хорошее место, но тут из-за валежника поднимется медведь и сгребет тебя».

Извинительные обряды на охоте — также деталь промыслового культа. У многих народов Сибири и Северной Америки существовал обычай обращения к убитому медведю. Так, орочи, убив медведя, обнимали его и говорили: «Пришел, здравствуй, спасибо». Это приветствие, как и ряд других обрядов, совершаемых над только что убитым медведем, имело целью умиловить его, отвести от себя вину за его убийство. Кеты, подняв медведя из берлоги, говорили ему: «Ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!» — и убивали его. Долганы будили медведя в берлоге криками и говорили: «Удержи свой гнев». Убив медведя, они водили вокруг него хоровод и говорили: «Не мы тебя убили, сам умер. Плохо не думай и впоследствии наших детей не трогай». При подходе к берлоге эвенки говорили: «Дедушка, тебя убивает ворон». Эвенки киндигирской группы обращались к медведю в берлоге: «Не тунгус пришел к тебе, а якут заблудящий! Помаленьку вылезай, отец». Норвежский охотник, убив медведя, говорил ему: «Не я тебя убил, а ружье тебя убило». У других народов смерть медведя приписывалась разным животным либо считалась наградой за его «праведную» жизнь.

Такое же значение имели другие обычаи на охоте. Кеты, например, убив медведя, тушу оттаскивали к костру, чтобы «глаза медведя не видели своей берлоги». Рассказывали, что однажды охотник убил медведя и, не оттащив туши, пошел за людьми. В дороге он вспомнил, что забыл огниво, вернулся, а медведь ожил и растерзал его. Охотник дополз до людей и, умирая, сказал: «Жить дальше будете, убив медведя, оттаскивайте его от берлоги дальше, чтобы ее не увидел, а то оживать сердитый будет». Якуты не нападали на медведя врасплох, а сначала будили его, толкая в бок шестом.

Тут же в лесу охотники, соблюдая определенные обычаи, свежевали медведя. Медведь, по представлениям многих народов, являлся одновременно и зверем, и существом высшего порядка, и в то же время подобным человеку. У кетов медведь — «как человек, шкура только — одежда, как у нас». В связи с этим обряд снятия шкуры медведя у многих народов одинаков. Шкура считается шубой медведя, и снимается она так, как снималась бы одежда с человека.

...Нам повезло: киномеханик отправился в верховья маленькой речушки показывать рыбакам-хантам новые фильмы. Мы упросили его взять нас с собой. Стоял август. Лишь небольшая клубная мотоходка могла пройти по теперешнему мелководью. Только взойшло солнце, мы отправились в путь. Нам предстояло пройти не меньше 300 км. Таежные речки очень живописны. Их заросшие кустарником и деревьями берега плыли мимо нас сплошной зеленой стеной. На много десятков километров — ни одного дома, ни души — одна тайга...

И вот мы у места. Здесь река делает большой изгиб, и мы оставляем лодку у основания этой петли, а сами пешком направляемся по прямой: на той стороне должна быть стоянка рыбаков. Уже вечерело, последние лучи солнца золотят листву обступивших нас кустов. По узкой, еле заметной тропинке пробираемся вперед, и вдруг из-за поворота открывается совершенно первозданный пейзаж: спокойно струится серебристая река, безмолвная тишина вокруг — и три чума сверкают желтизной бересты в лучах заходящего солнца. Пожалуй, никогда так остро я не чувствовала себя во власти одного ощущения: вот так жили наши предки и пять, и десять тысяч лет назад... Очарование первого мгновения длилось недолго: послышалась знакомая мелодия «Катюши». Оказывается, один из обитателей чума завел патефон...

Рыбаки вместе с семьями жили здесь уже целый месяц и перерогаживали речку запором, чтобы осенью и зимой ловить рыбу в ловушки. Мы не зря стремились в эту глушь и приехали как нельзя более кстати: только что один из хантов, любитель поохотиться, пытаясь добыть что-либо на ужин, убил медведя. Для меня это была большая удача: впервые за много лет работы среди хантов мне предстояло побывать на медвежьем празднике. Здесь, как сказал мне киномеханик, по отношению к медведю сохранилось немало традиционных обрядов. Мне давно хотелось посмотреть, как снимают шкуру с медведя. Но пришлось довольно долго уговаривать стариков, чтобы мне разрешили присутствовать на этой церемонии. Пожалуй, еще лет десять назад мне, как женщине, ни за что не позволили бы это. Но теперь уж и старики одно за другим утрачивают свои суеверия. «Ладно уж, — говорит старик Ефим, — раз ты в брюках, тогда и за мужика сойдешь».

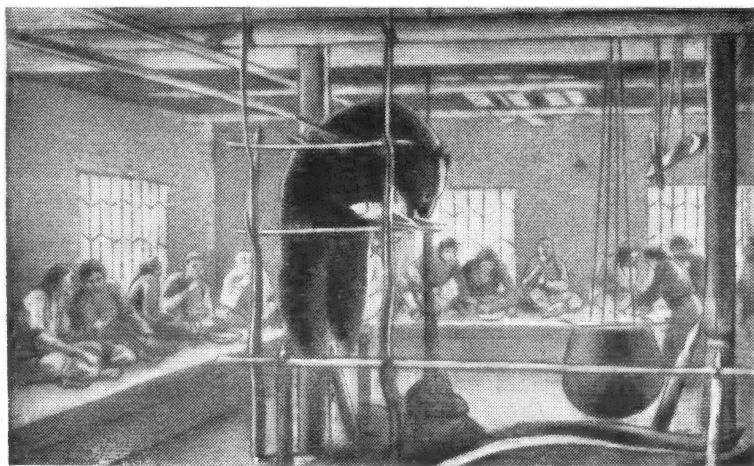
Туша матерого медведя лежит на лапнике. Ефим сосредоточенно выстругивает тонкие палочки. Боясь обидеть его неуместным вопросом, я все же спрашиваю: «Это зачем палочки?..» «Как не понимаешь, — сердится Ефим, — Это даже малый ребенок знает.

Ведь то застежки от шубы. Ведь «старик» (это он о медведе) сейчас шубу снимать будем. А для этого надо застежки развязать, как на женском сае. Пять застежек у него. Если б «старуха» была, то четыре застежки у нее». Он кладет палочки поперек груди и живота медведя и ножом как бы разрезает их. «Разрезал их ножом — значит и шубу развязал, зверя уважил. Дух его следит, наблюдает, что с ним, убитым, делать будут. Без палочек нельзя»...

После разрезания палочек шкуру сдирали с туловища, оставляя ее на лапах и голове; у некоторых народов голову и лапы отрезали от шкуры сразу, у других — в конце праздника.

Мясо медведя привозили в селение и варили во время или после праздника, а шкуру с головой укладывали в почетном месте и «угощали» медведя-«гостя». Саамы клали убитому белому медведю кусок соленой рыбы и говорили: «На, не говори дома, что ты был в гостях и тебя не накормили. Пусть придут и другие, мы их тоже накормим». Североамериканские индейцы, убив медведя, подносили дары его отрезанной голове.

Само празднество было направлено на то, чтобы хорошо встретить «гостя», угостить его и отвести от себя вину за причинение вреда. Поэтому содержанием праздника были пляски зверей, на которых отводилась вина, песни и пляски, рассказывающие о жизни и смерти медведя, угощение медведя, извинительные обряды и наконец ритуальное вкушение медвежьего мяса. Например, индеец кроу (степи Северной Америки) на медвежьем празднике исполнял медвежью пляску и угощал гостей мясом. К столбу привязывалась шкура медведя, а вокруг нее кружились все участники празднества. На медвежьей пляске у камчадалов хозяин обносил всех присутствующих куском мяса, срезая его острым ножом у самого рта гостя. Медвежий череп обвивали сладкой травой, приносили ему подарки, просили прощение за убийство, просили медведя не сердиться и сообщить родичам, что его хорошо принимали. У коряков шкуру медведя с головой встречали женщины с факелами. Одна из женщин наряжалась в медвежью шкуру и танцевала, уговаривая медведя не сердиться, быть милостивым. На особую дощечку клали мясо и угощали медведя: «Ешь, приятель». Индейцы тлинкиты на медвежьем празднике перед обрядом сожжения внутренностей медведя обращались к его туше: «Я твой сородич. Я беден, поэтому я охотился на тебя».

Трапеза во время медвежьего праздника у нивхов

Особая забота проявлялась о черепе и костях медведя. Их не рубили, а разделяли по суставам, собирали после ритуальной трапезы и хоронили в специальных местах: на помостах, пнях, деревьях, в амбарах, в глухих местах леса, позднее стали зарывать в землю или бросать в озеро. У некоторых народов был известен обычай собирать кости медведя в анатомическом порядке, связывать и составленный таким образом скелет хоронить на помосте (у эвенков, юкагиров, амуро-сахалинских народов, финнов, североамериканских индейцев). Череп, лапы, шкура были предметом особого почитания, их хранили вместе с семейными или родовыми святынями. Такие части тела, как уши, язык, кожа с носа, половые органы медведя, отрезались и особенным образом сохранялись (чаще всего их вешали на дерево в специальном месте). У некоторых народов глаза медведя проглатывал охотник, убивший его. Кетский охотник надевал маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ медведя, изображая его на празднике. Сохранение этих частей должно было способствовать «возрождению» зверя.

В медвежьем празднике есть обряды очень древнего происхождения — это так называемые фаллические обряды, признанные обеспечить сохранение и размножение животного. Они выражаются в особом ритуальном отно-

шении к половым органам медведя, в употреблении во время танцев специально сделанных деревянных фаллосов, в исполнении сценок эротического характера, а также песен и танцев нескромного содержания и, наконец, в свободе отношений между полами во время праздника (например, у хантов и манси).

Так, у эвенков Хантайского озера после поедания мяса медведя кости и череп его в анатомическом порядке привязывались к шесту. Затем все мужчины по очереди изображали борьбу с этим подобием медведя и, повалив его на землю, имитировали половой акт. Долганы во время праздника тоже инсценировали половой акт с тушей убитого зверя. Ритуальные церемонии над половым органом медведя проводили во время медвежьего праздника и эвенки. Обычно инсценировка или имитирование полового акта, намеки на него, обряды фаллического характера означали в прошлом магические действия, способствующие размножению животных. Подобные обряды известны и в отношении других животных, они находятся в той же связи с праздником умирающего и воскресающего зверя. Например, на празднике в честь белухи у коряков женщины во время пляски делали движения, как будто отдаваясь животному, приговаривая: «Дорогой гость пришел».

Помимо этих общих черт, в той или иной форме присущих культу медведя у всех народов, особым своеобразием отличались медвежьи празднества у обских угров и амурсахалинских народов.

Медвежий праздник у обских угров

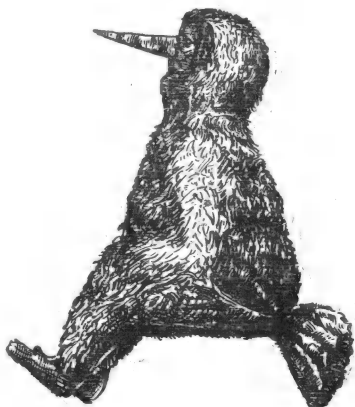
У хантов и манси помимо медвежьих праздников по случаю удачной охоты на медведя устраивались еще и периодические праздники, проводившиеся в честь медведя — предка одной из фратрий (Пор). Периодические празднества проводились в течение семи лет ежегодно зимой, затем наступал семилетний перерыв. Они справлялись в специальном общественном доме («танцевальной избе») в поселке, считавшемся центром фратрии Пор (поселок Вежакоры на Оби). В ряде мифов говорится о превращении медведя в человека и человека в медведя. Сам медведь оказывается сыном женщины Мощ, превратившимся из человека в медведя. В традиционных песнях вина за смерть медведя отводилась на людей фратрии Мощ, для

которых не существовало запрета убивать медведя и есть его мясо. Здесь особенно четко проглядывают тотемические черты культа медведя. Лишь позднее, с утратой некоторых древних черт праздника (его фратриального характера), вина стала переноситься на русских, принесших огнестрельное оружие в Сибирь («Не я тебя убил — русское ружье тебя убило»). Первоначально на медвежий праздник или пляску допускались лишь члены фратрии Пор, позднее стали допускать всех, даже русских.

Спорадические праздники по случаю удачной охоты на медведя развились позднее, с отмиранием фратриальных обрядовых функций, а возможно, и с постепенным отмиранием тотемического запрета убивать медведя-предка. Бóльшая древность периодических праздников или «игр» по сравнению с празднеством по случаю удачной охоты на медведя доказывается тем, что раньше не все группы манси справляли этот праздник, а только члены фратрии Пор. У всех групп обских угров медвежий пляски распространились с развитием медвежьего культа в общеплеменной. Так, известно, что уже в XIX в. все манси считали медведя сыном или дочерью главного бога Нуми-Торема, причем сам верхний дух Нуми-Торем представлялся им в виде человекообразного медведя («зубастый», «с когтями на руках»). Ханты верили, что медведь прежде был сверхъестественным существом и был спущен на Землю с небес для того, чтобы уничтожать грешных людей. Поэтому задранный медведем человек считался грешником, а если был убит медведь, предполагалось, что он прогневил божество и за это наказан. В этих представлениях мы обнаруживаем уже влияние христианской религии («главное божество», «грешник») на первоначальные древние черты мировоззрения.

...Зимний вечер. Поселок хантов на берегу Оби. В конце декабря здесь всегда стоят сильные морозы. Но сегодня в селении оживление: ночью начинаются «игры»! В поселке много гостей, везде стоят олени упряжки. На пляску приехали гости из ближних и дальних селений. Толпы парней слоняются по улицам, громко разговаривая, оглядывая всех с любопытством и вниманием, как будто впервые. Особенно внимательны они к девушкам, нарядным и веселым, хихикающим или звонко смеющимся. Кое-кто за эти дни и невесту себе приглядит. Степенные старики сидят у домов, их трудовые руки непривычно бездеятельны. Им есть о чем вспомнить и потолковать друг с другом. Пахнет дымом и вкусными кушаньями: хлопчут хозяйки — варят уху, мясо, пекут пироги,

«Петух» на медвежьем
празднике у манси

а янтарная строганина * и душистая варка ** уже заготовлены с лета и осени.

К ночи все собираются в «Большом доме». Весело горят поленья в чувале ***, в доме тепло. Снуют люди — еще не все нашли себе удобное место. Народ оживленно беседует. Но вот все стихло. Открывается дверь, входят трое переодетых в берестяных масках. Они начинают песню: «Брат с сестрой живут. Брат сказал, что дальше так жить худо. Он ушел в другое место, там поселился и из кедрового дерева себе жену сделал. Сестра пошла искать брата. Нашла. В его отсутствие кедровую женщину топором изрубила и закопала в куче щепы. Сама надела ее одежду и заняла ее место. Скоро у них родился мальчик. Однажды мальчик услышал слова: «Твоя мать меня убила и в щепе закопала». Мальчик рассказал об этом отцу. Мужчина, узнав обо всем, убил свою сестру и мальчика. Пришла весна, и из крови его сестры — маленькой женщины Моц — выросло растение «пори»... Проходила медведица и съела это растение. Пришла пора, и у медведицы родились два медвежонка и одна девочка — первая женщина Пор. Однажды медведица сказала дочери: «Завтра придут люди. Меня, твоего брата и сестру они убьют, а тебя возьмут с собою. Когда люди будут варить мое мясо, ты, смотри, не ешь, а к ночи приходи к заднему углу дома». Так все и случилось. Ночью девушка встретила за домом свою мать-медведицу, которая в течение трех ночей поучала ее, как ей надлежит себя вести и как она должна поступить с мясом и костями медведя. В последнюю ночь медведица распрощалась с дочерью, пошла по дороге, уходя все дальше, и постепенно поднялась на небо ****. От ее дочери и пошли все люди Пор».

* Мороженная рыба.

** Рыбья икра, варенная в рыбьем жире.

*** Род камина.

**** Созвездие Малой Медведицы.

Певцы уходят. Вбегают новые персонажи, в их руках деревянные палицы — «мечи». Танцоры кружатся в стремительной пляске. Их сменяют звери и птицы: лисица с рыжим хвостом, петух с ярким гребешком, лось с красивыми рогами. Вот появляется филин, он охотится на зайца, потом приходит на праздник, разглядывает присутствующих... А там два лося, старый и молодой. Старый лось учит теленка, как избежать опасности в лесу, но тут раздаются свист стрелы, и старик падает, сраженный охотником... Появляются утки, тетерева, среди них мрачные существа — Горбатая женщина, у которой лицо на затылке, Двуликое Существо. Танцует Журавль свой сложный танец*. Утки и тетерева толкают присутствующих, мажут лица им сажей... Вдруг в дом вбегает человек и сообщает, что за рекой показались лесные духи Мэнквы. Они идут наказать людей за их дурные поступки. Все в страхе прячутся. Раздаются удары в дверь. Становится совсем страшно. Люди начинают искать виновных в грехах. Ими оказываются две деревянные фигурки мужчины и женщины, перепачканные кровью. Распахивается дверь, и в дом врываются Мэнквы. Это ужасные великаны с длинными волосами и в масках. Им выдают «виновных». Мэнквы уходят в лес, где убивают свои жертвы...

Обскоугорские медвежьи праздники отличаются от подобных празднеств у других народов богатством и разнообразием песен, танцев и драматических представлений. Это театрализованные мистерии, где используется не только традиционный фольклор, но и импровизация. Актеры — обычно мужчины: применяя лишь минимальный бутафорский инвентарь и примитивные средства переряживания, они мастерски перевоплощаются в зверей, птиц, играют роли женщин.

Праздник по случаю удачной охоты на медведя является как бы сокращенным вариантом периодического

* Русский ученый и путешественник XVIII в. П. С. Паллас красочно описал такие танцы: «Сии пляски, кои не малое требуют искусство, проворство и великий труд, так что плясовщики немало поту проливают, содержат в себе отчасти их поступки на промыслах разных зверей, птиц и рыб, отчасти склонность и разные особливейших зверей и птиц положения, побегу... Так, например, видел я соболиный промысел, обычай и поступки журавлиную, лосью, полет и поиск мышей мышелова, птиц... Труднее всего, мне кажется, когда пляшут журавля: где пляшут скорчившись, закрывшись шубою, а сквозь рукав продевают палку, у которой на конце надевается из дерева сделанная журавлиная голова, и, таким образом, или присев, или совсем скорчась, пляшут, делая палкой все движения, какие настоящий журавль головой производит»³³.

празднества. Если периодический праздник или игры длятся с конца декабря до конца марта*, то спорадический медвежий праздник проводится в течение пяти ночей, если убит медведь, четырех ночей, — если убита медведица, и двух-трех ночей — если убит медвежонок, что соответствует числу душ у медведя. Обряды по случаю убийения медведя, снятия шкуры и пр., как и у других народов, имеют промысловый и тотемический характер.

...Ясный летний день на берегу Сосьвы. Тихо. Все заняты делами: мужчины на рыбалке, женщины в огороде. Вдруг вдали раздаётся воронье карканье. Где-то кричат люди. И вот уже бегут к реке все, кто в это время был в поселке. С берега слышны веселые вскрики, взвизгивания. Охотники на лодке привезли медведя. Они встретили в лесу своего «младшего брата», «раздели» его и доставили домой. Общий хохот вызывают старинные обряды очищения: всех прибежавших встречать «гостя» тут же обрызгивают водой. И мы не избежали традиционного обряда: я и моя спутница были мокрыми с ног до головы. К вечеру нас пригласили в дом к охотнику, убившему медведя. На столе в почетном углу уже лежит медведь, перед ним стоит угощение. Каждый вновь приходящий приносит медведю подарок — ленточку, платок, монетку, целует его в губы и нос. Глаза медведя и нос закрыты берестяными кружками — он не должен видеть присутствующих. Голова медведя лежит на лапах и шкуре, а мясо его хранится в амбаре, варить его будут только в конце праздника. Около медведя сидят охотник и старик, хорошо знающий обряды медвежьей пляски, он незаметно руководит праздником. Мужчины садятся по одну сторону дома, женщины и дети — по другую. Старшая в доме женщина зажигает перед медведем чагу для окуривания, ставит перед ним тарелку с выпеченными из теста фигурками оленей, лосей, птиц.

Начинаются песни о медведе, их сегодня будет исполнено пять. Когда в последний раз убили медведицу — пели четыре песни, говорит мне моя соседка. В углу сидит старик с «лебедем» — старинным струнным инструментом, он аккомпанирует певцам. Появляются звери-предки — лось, ястреб, лягушка. Они поют песни и исполняют танцы. За ними выходят женщины в нарядных платьях и больших платках, закрывающих лица. Держа концы платка в руках, они плавно кружатся в центре избы. Женщины сменяют разные персонажи — рыбаки, охотники, звери. В веселых сценках они высмеивают трусов, лентяев. Вот человек хвастает, что не боится медведя, а сам падает в обморок при виде мыши. Три брата отправляются на рыбалку. Двое работают, а третий, ленивый, ворует у них рыбу. Тут же виновного наказывают. В семью

* Сначала «играют» подряд четыре ночи, затем через пять — семь дней перерыва в течение января и февраля «играют» по одной-две ночи, когда собирается народ. В начале марта «играют» семь ночей; заканчивают «игры» около весеннего равноденствия.

пришла болезнь, надо сделать жертвоприношение домашнему духу-покровителю. Но больной умирает. В гнев выбрасывают вон изображение духа.

Веселье продолжается до утра. Следующая ночь тоже начинается «медвежьими песнями». Затем поют «птичьи песни»: птица возвращается в «Страну Северного Ветра», вьет гнездо, высиживает птенцов: «два птенца — как птенцы, а третий — как дитя человеческое». Я замечая, что старик, руководящий праздником, на палочке зарубками отмечает, сколько песен пропето. Снова чередуются танцы — женские, мужские, коллективные — с интермедиями. В сценах охотники встречаются со зверями, с духами леса, Маньками, между ними завязывается борьба. Лица актеров скрыты масками из бересты с длинными носами, их трудно узнать, хотя это односельчане зрителей. В некоторых сценках зрители узнают своих знакомых и весело смеются.

Перед последней ночью вдали от поселка, «в чистом месте» мужчины варят мясо медведя, за исключением головы, лап и сердца. Вечером, в разгар праздника, они приносят мясо в дом и раздают присутствующим, которые при этом каркают по-вороньи. Мясо едят специальными палочками. После коллективного поедания мяса гасят свет, и все присутствующие «засыпают». Раздается голос: «К верхнему духу поднимается» (это о медведе).

На следующий день в лесу мужчины варят голову, сердце и лапы медведя, едят их и выполняют обряды похорон костей и черепа медведя. Шкуру хранит охотник вместе с семейными святынями...

Наиболее древними в медвежьем празднике обских угров были песни, пляски и сцены, связанные с медведем и изображением животных и птиц. Вероятно, в прошлом эти танцы-пантомимы были ритуальными тотемическими плясками. Более поздними являются танцы предков с чертами животных и птиц, еще позднее возникли, по всей видимости, бытовые и наконец сатирические сценки. Анализ деталей медвежьей пляски у обских угров показывает, что возник он как фратриальный и лишь со временем распространился у всех групп хантов и манси, впитав в себя звериные пляски других тотемических групп. С развитием общеплеменных связей и общеплеменного культа медвежья пляска вытеснила или поглотила все остальные.

Уже к началу XX в. религиозная основа в медвежьем празднике обских угров была в значительной степени вытеснена развлекательной, театрально-драматической частью, превратившись в своего рода народный театр. Так, из тридцати трех сцен, описанных исследователем в конце XIX в., только шесть были связаны с медведем³⁴. Содержанием остальных были бытовые или анекдотические происшествия, сатирические сцены. Социальный ха-

раakter носили сцены, направленные против купцов, служителей культа, представителей царской администрации. Их подвергали высмеиванию и жестокой критике. Бытовые сцены носили комический и сатирический характер. Нередко критика была направлена по адресу конкретных людей, сходство с ними передавалось талантливыми импровизаторами при помощи подражания их привычкам, передачи их характерных особенностей. При этом никто не имел права обижаться или сердиться на исполнителей. Характерно, что к ним относились не как к конкретным, хорошо знакомым людям, а как к посторонним существам, пришедшим на праздник из других мест. Когда актеры после представления возвращались в дом (актеры переодевались в сарае или амбаре около дома), хозяин обязательно спрашивал их: «Люди здесь веселились, где вы были весь вечер?» На это они отвечали: «Да? Нам это совершенно неизвестно: мы все время крепко спали».

В настоящее время медвежий праздник у хантов и манси, бытуя лишь у некоторых групп их, имеет в основном лишь развлекательное значение. Танцы и сценки из него широко используются в художественной самодеятельности.

Выращивание медведя у амуро-сахалинских народов

Одной из основных особенностей медвежьего праздника амуро-сахалинского типа является содержание медведя в неволе *.

* Содержание различных животных, птиц, змей в клетках широко практиковалось в странах Америки, Африки, Азии. Например, на острове Тайвань каждый род или деревня считали своим покровителем какое-либо животное, которое они выкармливали в клетке (ящерицу, леопарда, змею, обезьяну). В Австралии содержали змей, предварительно обезвредив их (им удаляли зубы), в Америке и на Сахалине — орлов. Айны выращивали в клетках при домах лисиц, енотов, филинов, орлов, ястребов. Лисиц воспитывали также нивхи и ороки Сахалина. Содержание зверей в неволе было известно и у других народов, например у обских угров, хотя здесь связь этого обычая с культом животных-покровителей не установлена, кроме того, животных здесь чаще всего держали на привязи, а не в клетках и скорее в утилитарных целях. В сказках мы также встречаемся с мотивом выкармливания птиц, животных (орла, коня), что свидетельствует о древности традиции.

Медвежий праздник у нивхов

...На берегу широкого и полноводного Амура стоит старинное селение нивхов. Нам сказали, что у одного из рыбаков живет медвежонок, которого хозяин поймал в лесу совсем маленьким, а хозяйка первое время кормила грудью. Мы приехали посмотреть, как нивхи проводят «медвежью игру». На этот раз она будет проводиться в память умершего брата хозяина — ведь все считают, что его душа перешла в медведя. Наши добровольные гиды — ребятишки разных возрастов — ведут нас между домов. В стороне от дома на открытом месте стоит небольшой сруб с плоской крышей. Что это — баня? Нет. Амбар? Не похоже. Внутри копошится что-то живое, черное и мохнатое. Может быть, собака? Нет, грозный рев говорит о том, что там достаточно крупный зверь — медведь. Здесь он живет уже третий год. Из дома в ярко расшитом халате выбегает женщина. Она приветливо здоровается с нами и обращается к медведю: «Ну что, сынок, проголодался?» В руках у нее тарелка с какой-то кашицеобразной массой, на ложке с длинной красивой резной ручкой она подает медведю еду. Он жадно чавкает.

Через несколько дней селение не узнать. Из разных соседних деревень съезжаются гости, на этот раз их много — больше сотни человек. Жители селения, где выращен медведь, считают себя родственниками — они члены одного рода. Хозяину медведя они приносят припасы и деньги для проведения праздника. Готовятся угощения — рыба, ягоды, кисели, каши и пр.

И вот наступает долгожданный день. Хозяин медведя льет вино домашнему духу и обращается к нему с просьбой извинить их: они не могут больше держать медведя, хотя обращались с ним все время хорошо. Затем толпа гостей с хозяином во главе идет к клетке медведя и разливает вино перед ним, давая несколько капель и виновнику торжества. Женщины и девушки пляшут перед клеткой; женщина, вскормившая медведя, плачем вы-

ражает свою печаль по поводу предстоящей смерти медведя; со слезами на глазах, протягивая руки к медведю, она исполняет особую пляску.

Медведя выводят из клетки и на цепи ведут по селению, обходя все дома. В каждом доме его радостно встречают, угощают рыбой, вином, специально приготовленным студнем из рыбьих шкур, который подается на особых ложках с длинными ручками. Все кланяются медведю до земли — ведь посещение их дома священным зверем должно принести благополучие всей семье. Сопровождающие медведя участники праздника пляской и пантомимой изображают эпизоды из того путешествия, которое медведь должен совершить к своим прародителям. Звучит музыка — это на музыкальном бревне, установленном в центре селения, играет одна из жительниц поселка. Это род барабана в виде длинного бревна, подвешенного на жердях. Один конец его имеет форму головы медведя.

Торжественное шествие заканчивается у последнего дома. Начинаются проводы медведя, на него надевают два специально сплетенных из травы пояса с привязанными к ним «дорожными продовольствиям» и «дорожными предметами» (мешочки с листовым табаком, съедобными кореньями, клубнями сараны, брусничкой)*. Теперь медведь готов отправиться к своим прародителям. Его ведут за селение, где уже подготовлено специальное «стрельбище». Это прямоугольная или круглая площадка, обозначенная по трем сторонам молодыми елочками, у которых срезаны все ветви, кроме верхушек, четвертая ограждена плетнем или циновками. Около ограды медведя привязывают к двум столбам, украшенным развевающимися стружками.

К медведю обращается хозяин вырастившей его семьи: «Теперь мы устраиваем большое пиршество в твою честь; не пугайся, мы не будем вредить тебе, мы только убьем тебя и пошлем тебя к Хозяину леса, который тебя любит. Мы собираемся предложить тебе прекрасный обед, лучший, какой ты когда-либо ел среди нас, и мы все будем плакать по тебе. Человек, который убьет тебя, — лучший стрелок среди нас, он плачет и просит твоего прощения. Ты ничего почти не почувствуешь, это будет сделано быстро, мы же не можем кормить тебя вечно, ты сам понимаешь. Мы сделали для тебя все, что могли, а теперь твоя очередь пожертвовать собой для нас. Ты будешь просить хозяина, чтобы он послал на зиму обилие выдр, соболей, а на лето — тюленей и рыб в изобилии, не забудь нашей услуги. Мы очень тебя любим, и наши дети тебя никогда не забудут... Вспомни, пожалуйста, я тебе напоминаю о всей твоей жизни и о тех услугах, которые мы тебе оказали, теперь ты должен исполнять свой долг. Не забывай о том, что я тебя прошу, ты должен просить богов, чтобы они дали богатство, чтобы наши охотники могли вернуться из леса нагруженные мехами и хорошей добычей, чтобы наши рыбаки нашли целые стаи тюленей на берегу моря и чтобы их сети могли ра-

* Этот обряд напоминает похороны у амурских народов, когда покойника снаряжают в загробный мир так же, как охотник снаряжается на промысел.

зорваться от тяжести рыбы; мы надеемся только на тебя. Ведь злые духи смеются над нами и очень часто злобствуют по отношению к нам, но перед тобой они склоняются. Мы давали тебе и пищу, и радость, и здоровье, а теперь мы убиваем тебя, чтобы ты мог в свою очередь послать богатство нам и нашим детям.

Торжественно гремит «барабан», раздается свист стрелы, и медведь падает, сраженный меткой рукой стрелка. Все радостно ликуют: медведь сам подставил под выстрел «удобное место», значит, их молитвы услышаны и все будет хорошо. Теперь можно и повеселиться! Гремят погремушки из рыбьей кожи, увитые стружками, танцуют все от мала до велика, подражая движениям медведя. Начинаются игры, собачьи бега, состязания в стрельбе из луков, фехтование на палках: на празднике много ловких и сильных охотников и рыбаков.

Между тем медведя освеживали, а шкуру с головой спустили в дом через дымовое отверстие на шесте и уложили на помосте. Там ее украшают ожерельями, стружками, ставят перед ней праздничное обильное угощение. Готовится угощение и для гостей праздника, ведь пиршество будет длиться несколько дней.

В конце праздника едят мясо медведя, сваренное в особой посуде, на очаге, разожженном родовым огнем. В последнюю очередь едят с солью мозг, сердце, печень. Но на этой трапезе присутствуют только мужчины: женщинам нельзя есть голову, сердце, лапы медведя. Зато у мужчин после этой ритуальной еды сразу прибавилось храбрости!

После окончания пира процессия направляется в лес — на медвежье «кладбище». Здесь на пне хоронят его череп и кости, челюсть, уши вешают на дерево. Перед черепом ставят еду, говорят последние прощальные речи. Медвежья могила священна...

Как видим, медвежий праздник у амуро-сахалинских народов своеобразен. Он отличается не только обычаем выращивать медведя для празднества, но и приурочиванием торжества к поминкам родственников, более тесной, чем у других народов, связью с верой в духов-хозяев промыслового культа. Согласно медвежьему мифу, от связи женщины и медведя, фигурирующего в мифе в образе Горного человека (духа-хозяина), рождается медвежонок. Горный человек похищает женщину и в лесу вступает с ней в связь. Женщина превращается в медведицу и рождает медвежонка, которого ловят для медвежьего праздника. Молитвы и славословия были обращены не только к самому медведю, но и к лесному духу, который посылал человеку добычу, в том числе и медведей. Нивхи, например, верили, что через несколько дней по окончании медвежьего праздника, когда мясо медведя съедено, а кости положены в могилу или в священный амбар, медведь, живой и невредимый, в сопровождении нескольких собак, ко-

торых убивают для него на его могиле, с подарками и украшениями побежит к хозяину самой высокой горы. Убивая медведя, нивхи говорили: «Через год приди, перемены свою шерсть, чтобы тебя снова посмотреть». С промысловым культом медвежий праздник этого типа связывают также и другие, общие с другими народами обычаи: табуирование имени и подставные имена, извинительные речи, обряды сборов на охоту, танцы-пантомимы, обряды снятия шкуры, особое отношение к некоторым частям тела медведя, похороны его черепа и костей.

Вместе с тем в комплексе обрядов медвежьего культа у амуро-сахалинских народов прослеживаются древние, возможно тотемического характера, традиции, одна из которых — родовой характер празднества. Расстреливали медведя из луков, ели его мясо, получали его шкуру не «сородичи» медведя, а представители другого рода, приглашенные на праздник, связанные с устроителями торжества браками (из рода жены устроителя празднества). «Сородичи» медведя не могли есть его мясо, дотрагиваться до его шкуры, убивать его — это уже тотемический запрет. По обычаю, в медведя стрелял зять членов рода, устраивавших праздник, и если он не убивал медведя тремя стрелами, то платил хозяину празднества штраф за мучения «родственника» хозяина. Родовой, тотемический характер медвежьего культа проявляется и в том, что к медведю относились как к сородичу, обращались к нему как к сыну, брату; в этом же ряду явлений стоят, очевидно, и обычай вскармливания медвежонка грудью, и обряд разведения очага для приготовления медвежьего мяса родовым священным огнем. В то же время на культ медведя у амуро-сахалинских народов наложил свой отпечаток и культ предков, связанный с верой в превращение души умершего в медведя.

В прошлом культ медведя был распространен еще шире. Везде от Каспийского моря до Тянь-Шаня существовали поверья, что медведь раньше был человеком.

Жители северного Кавказа, осетины, тоже считали медведя своим родственником и не только не убивали его, но и не употребляли его шкуры. Русский обычай вождения медведя (русская медвежья комедия) и обрядовое ряжение в медведя восходят, по всей видимости, также к древнему культу этого животного. В русских народных сказках сохранилось уважительное отношение к медве-

дю. Его называли «царь-медведь». Считалось, что раньше медведь был человеком, а теперь покровительствует людям, помогает им в борьбе с чертями. Для защиты от козней нечистой силы крестьянин вешал в конюшне медвежью голову, окуривал дом и надворные постройки медвежьей шерстью, зазывал вожака с медведем и просил его обвести медведя вокруг двора.

У западных славян, древних греков и других народов сохранились некоторые следы бытовавшего в прошлом особого отношения к медведю. Западные чехи, например, наряжали медведем парня, окутывая его гороховой соломой. В каждом доме он плясал с девушками и женщинами, появление его будто бы содействовало плодородию. В Польше на святках на тележке возили парня, ряженного в козий мех и изображающего медведя. Перед каждым домом ряженный рычал; девушка, услышавшая его первой, в скором времени должна была выйти замуж.

Древнегреческая богиня Артемида имела прямое отношение к культу медведя. В ее честь устраивались празднества, на которых в жертву приносили медведей. Прирученный медведь постоянно содержался при храме Артемиды. На празднике в честь Артемиды девочки в возрасте 5—10 лет исполняли ритуальные пляски с медведями. Их исполнительниц, в одежде шафранового цвета и подражавших движениям медведя, называли медвежатами. Обычай участвовать в этих плясках был настолько обязательным, что ни один человек не женился бы на девушке, которая в свое время не прошла этот ритуал. Таков же, очевидно, характер другой богини — Артио, покровительницы жителей Берна в Швейцарии. В этом городе на центральной площади в клетке содержались медведи. Возможно, и само название города — Берн происходит из слова «bär» (медведь).

В медвежьем культе, в обряде ритуального пиршества мы видим сочетание представлений и церемоний тотемического и промыслового культов: с одной стороны, тотемическое по существу причащение мясом убитого животного, с другой — угощение (умилостивление) его, чтобы он не рассердился на людей, убивших его, и снова пришел к ним. Это лишний раз говорит о том, что промысловый культ — явление более позднее, чем тотемизм. В самом деле: неперенный признак тотемизма — запрет убивать животное-тотем, а промысловый культ, напротив,

призван оправдать это убийство. Если первоначально тотем нельзя было убивать, то со временем этот запрет стал соблюдаться менее строго: стали допускать, что тотем можно убивать и даже употребить в пищу в особых, исключительных случаях (угрозы голодной смерти или гибели от тотема-хищника). Но после этого надо было совершить все обряды очищения и умиловствования. В этой связи следует отметить, что в культе медведя амуро-сахалинского типа сочетаются поздние элементы верований (влияние культа предков) с пережитками очень древних представлений и обрядов, не сохранившихся в таком чистом виде у других народов: запрет убивать и есть мясо медведя членам вырастившего его рода («родственникам» медведя). В общем сущность медвежьего праздника состоит в коллективном поедании мяса этого животного, а также в целом ряде ритуальных церемоний, которые, с одной стороны, должны были снять вину с охотника за убийство запретного в прошлом тотема-медведя, а с другой — способствовать возрождению зверя. Кроме того, в культе медведя, особенно амуро-сахалинского типа, прослеживается и основная черта промыслового культа — вера в духа-хозяина, к которому возвращается медведь.

Обряды, связанные с почтительным отношением к медведю, у ряда народов далеко ушли в своем развитии от медвежьего праздника сибирских народов, но корни у них, очевидно, одни и те же. Наблюдаемое у всех народов на огромной территории сходство представлений и обрядов, иногда до мельчайших деталей, говорит о большой древности церемоний, связанных с почитанием медведя, восходящих, возможно, к периоду верхнего палеолита.

Почитание животных в эпоху разложения первобытнообщинных отношений

Животные — духи-покровители

Нагуаль — животное-двойник человека

...Глухо и сумрачно в лесу. В шалахе, скрытом в кустах, на охапке ветвей спит юноша. У него изможденное лицо, сон его неспокоен, он бормочет что-то бессвязное... Вдруг, вскрикнув, он пробуждается, смотрит вокруг тупым взглядом, не понимая, что с ним. Но вот его взор проясняется, и в нем светится радость. Наконец пришел и его час! Только что во сне он увидел оленя, ласково потрогавшего его копытом. Это его дух-покровитель явился к нему в образе животного. А сколько пришлось вытерпеть! Уже несколько дней он один в лесу, давно ничего не ел. Порой становилось жутко. Но теперь ему ничего не страшно, ему обеспечен успех в любом деле — его дух-покровитель поможет ему...

Вера в духов-покровителей в образах животных была широко распространена у многих народов, но лучше всего она прослеживается на примерах прошлого века из этнографии североамериканских индейцев. Эту форму религии называют нагуализмом, или культом личных духов-покровителей. Названия духов-покровителей у

разных народов различны, термин, «нагуализм» происходит от «нагуа», что на языке индейцев Южной Америки (вероятно, майя) означает животное-двойник человека. Нагуаль в образе животного покровительствует человеку, более того, с его смертью умирает и человек. Дух-покровитель помогает человеку, а тот в свою очередь относится к нему всю свою жизнь с глубоким почтением. У каждого человека должен быть свой нагуаль.

У североамериканских индейцев известны два варианта получения личных духов-покровителей. Перед инициацией в возрасте 14—15 лет индеец должен был уединиться и поститься; некоторые парились в бане, принимали наркотики, чтобы вызвать видение. Благодаря самовнушению или галлюцинации посвящаемому являлось, чаще всего во сне, какое-нибудь животное или птица, они давали ему советы и велели совершать определенные обряды, называли вещи, которые могли служить ему амулетами, знакомили его с песнями и заклинаниями. Проснувшись, юноша выслеживал и убивал приснившееся ему животное или птицу, а их шкуру, какую-либо часть ее, сшитую из нее сумку либо перо носил на себе в качестве охранительного амулета. Символ духа-покровителя изображали также на теле, одежде его почитателя. Бизон был одним из наиболее распространенных личных духов-покровителей у индейцев степей Северной Америки. Бизоны помогали им, охраняя и давая указания во время сна. Этих животных нельзя было убивать. С представлениями о духах-покровителях у индейцев был связан обычай давать личные имена по именам животных. У них существовала вера в то, что человек, носящий имя животного, носит в своем теле его самого или части его тела (зубы, хвост, когти). Например, индеец кроу по имени Много Медведей верил, что в его теле находятся медвежьи зубы ¹.

Другой способ получения личного духа-покровителя состоял в обязательном тяжелом физическом испытании.

...Из большого мужского дома, стоящего в центре селения, доносится шум. Люди в масках и головных уборах из перьев снуют взад и вперед. Где-то вдаль прокричала птица. Легкий ветерок пробежал по листве. Дверь в дом приоткрыта... Под потолочными балками висят два юноши на веревках, привязанных за палочки, проткнутые в кожу и мускулы спины. К их рукам привязаны щиты, к ногам — бычьи черепа. Кровь течет по их спинам, го-

ловы низко склонились... Но не слышно ни звука, ни стонов... Третий из истязуемых лежит на полу без сознания. Вокруг толпятся полуголые индейцы. У них смуглые сильные тела. Все напряженно следят за происходящим. Двое в масках начинают стремительно вращать подвешенных, пока те не теряют сознания. Несчастных снимают, вынимают из их тел палочки и отрубая сустав на мизинце правой руки...

Третий юноша, лежавший на полу, пошевелился, медленно открыл глаза. Ему помогают подняться, дают напиток. Одно слово вылетает из его уст: «Орел». В изнеможении падает он снова на пол. Окружающие довольны: дух-покровитель в образе орла явился ему!

Подобные обряды для получения духа-покровителя существовали, например, у манданов, которые верили, что дух-покровитель может прийти только после многодневного поста, изоляции и физических испытаний, граничащих с истязанием. Индейцы считали, что для получения помощи от духа-покровителя нужно разжалобить его своими мучениями. Только получив личного духа-покровителя, индеец становился полноправным воином и считался совершеннолетним. Поиски видения должны были быть индивидуальными, иногда помощь в этом оказывали шаманы. Они обучали юношей молитвам и применяли гипнотические приемы, для того чтобы сосредоточить внимание посвящаемого на предмете своего будущего видения. Юноша, находившийся в состоянии повышенной нервной возбудимости, был способен к галлюцинациям. Обычно такое состояние появлялось у посвящаемого на четвертый день. Если же он не добивался видения, обычай разрешал ему купить видение у кого-нибудь другого.

Индейцы Центральной Америки считали, что нагуалем может быть животное, жизнь которого таинственным образом связана с жизнью данного человека. Для того чтобы получить такого духа-покровителя, человек отправлялся в лес или к реке, приносил жертву (собаку или петуха) и призывал к себе покровителя. Затем он засыпал и видел во сне животное или птицу, которые становились его нагуалем. Потом он встречал своего нагуаля наяву, и между ними устанавливалась таинственная связь до конца жизни. Со смертью нагуаля умирал и связанный с ним человек.

У индейцев Америки нагуалями были, как правило, быки, медведи, волки, лебеди и другие животные и птицы. «Один человек пошел однажды в горы, чтобы охотить-

ся на диких коз,— рассказывает легенда.— Тут он встретил черного медведя, который взял его в свой дом. Он учил его искусству ловить лососей и строить лодки. Через два года он вернулся на свою родину... Отныне, когда он испытывал нужду, он всегда уходил к своему другу, медведю, и он всегда ему помогал. Зимой ловил ему свежих лососей, когда никто другой ловить не мог. Человек этот построил дом и нарисовал на нем красками медведя. Его сестра выткала медведя в покрывало, с которым пляшут»². Эта североамериканская легенда о покровителе-медведе имеет тотемический характер. Но и сам нагуализм тесно связан с тотемизмом, особенно с одной из его форм — индивидуальным тотемизмом.

Как мы видели, индивидуальный тотемизм является свидетельством разложения тотемизма с его коллективными взаимоотношениями с тотемом. Связь с тотемизмом подтверждается также и сходством обряда посвящения или получения видения с обрядами инициации. Чтобы вызвать своих духов-покровителей, индейцы наряжались в их шкуры, надевали маски-головы, что также сближает пагуализм с тотемическими обрядами.

У некоторых племен личный дух-покровитель наследовался от отца. Способы приобретения личных патронов, содержание видений (набор нагуалей) и формы почитания духов-покровителей были различными у разных родов и племен.

Культ личных духов-покровителей был развит и у других народов. Не всегда в роли патронов выступали животные, встречались и неодушевленные предметы. Например, у народов Западной Африки был известен культ сухманов (или суманов) — личных покровителей в виде камня или вырезанной из дерева фигурки, которые человек получал в лесу от покровителя колдунов, особого духа-чудовища.

Но у некоторых были и иные покровители — в образах животных. Это так называемые лесные души, которых могли видеть только колдуны. Связанные с ними люди (их двойники) приносили им жертвы. Со смертью лесной души якобы умирал и человек.

Сходные явления отмечены у народов Океании, Азии и Европы. На островах Самоа при рождении ребенок получал покровителя-божество в образе животного, которое

он не должен был употреблять в пищу. У древних исландцев личными покровителями были тоже животные — ледь, ворона, собака.

Близки африканским фетишам амулеты некоторых сибирских народов, например, чукчей, которые верили, что их охранители или «защитники» в виде частей животных могут превратиться в животных и птиц. В этом случае культ личных покровителей сближается с промысловым культом.

Своеобразны представления обских угров о душе-двойнике человека — урте. Она представляется в облике птицы (душа-птица) — глухарки, кукушки, куличка. Заслышав крик урта, люди ждали чьей-либо смерти. Узнать, кто должен умереть, мог лишь шаман. Он кричал урту: «Если кто из близких моих должен погибнуть, ко мне приблизься». Если урт не приближался, значит, умереть должен был посторонний. Сходные представления существовали у финно-угорских народов Поволжья: коми-зырян, марийцев, удмуртов.

Русские волшебные сказки отразили представления о волшебных помощниках героев — животных, птицах, рыбах, коне (сказки «Сивко-Бурко», «Конек-Горбунок», «Иван-царевич и Серый волк», «По щучьему велению» и др.).

Нагуализм, или культ личных духов-покровителей, возникает с распадом первобытнообщинных отношений, выделением малой семьи, развитием индивидуальных форм труда, индивидуализацией мировоззрения. Нагуализм отражает начало распада коллективизма, кровнородственных отношений, когда человек чувствует себя более беспомощным. Ему необходима особая, сверхъестественная защита.

Нагуализм — форма религии, тесно связанная с другими религиозными верованиями. Мы уже говорили о его генетической связи с тотемизмом, промысловым культом. Как увидим в дальнейшем, он связан также с шаманизмом, культом тайных союзов.

Шаманские духи-покровители и помощники

...Небольшое стойбище эвенков — три чума, стоящие поодаль друг от друга, около них нарты с увязанным имуществом. В лесу и на стойбище бродят олени.

Старая эвенкийка с трубкой во рту доит оленя. Две девочки и мальчик играют около игрушечного чума. Тишина, только где-то далеко слышен дробный стук дятла. Вечереет. Оленеводы, их жены, дети собираются в одном из чумов, садятся, тесно прижавшись друг к другу, по одну сторону очага-кострища. На другой стороне у чуть тлеющего огня сидит шаман, склонив голову и задумавшись. На нем костюм с длинной бахромой на рукавах и хвостом сзади, на голове — корона с рогами. Сегодня предстоит камлание, шаман будет просить духов защитить оленей. В последнее время какая-то болезнь напала на них и уносит одного за другим. А без оленя эвенку трудно: ведь это и транспорт, и одежда, и пища для него...

Огонь в костре совсем потух. Вот шаман встрепенулся, взял бубен, который для него чуть разогрел его помощник. Еле слышна дробь барабана. Все затихают... Бубен звучит все громче и громче. Шаман сзывает своих духов-помощников — сокола, гагару, кукушку, разговаривает с ними. Гремит бубен, в дикой стремительной пляске прыгает шаман. Звенят подвески на его костюме; а сам он, как птица, рапластав руки-крылья, взлетает и клекочет, как сокол. Усевшись на гагару, он отправляется в верхний мир, где пасутся души оленей, еще не рожденных на земле. Украв несколько душ, он быстро возвращается на землю — и это уже олень, в иступлении он крутит рогами. Вот он коснулся ногами земли, вот мужчины приоткрыли покрывку чума — и олень скачет по тайге. Оленеводы ловят его арканами, ведут в чум и ставят на коврик. Шаман-олень прыгает, мотает головой, из его одежды высыпаются шерстинки — души украденных оленей. Все бросаются подбирать их. Шаман постепенно «превращается» в человека и падает без сил. Шерстинки зашивают в мешок и убирают, чтобы сохранить. Теперь олени будут здоровы...

Духи-покровители и помощники шаманов были особенно сильными и могущественными. Шаманизм — особая форма религии, для нее характерна вера в возможность общения с духами особых лиц — шаманов. Чтобы вызвать духов и разговаривать с ними, шаман приводит себя в экстатическое состояние при помощи пляски под звуки бубна или даже наркотических средств.

Шаманизм был распространен на всем земном шаре — в Азии, Америке, Африке, Австралии, Полинезии. Наиболее яркие его примеры до недавних пор сохранялись у сибирских народов. Это своеобразная и интересная форма религии. По определению русского этнографа Н. Харузина,

шаманизм является «первобытным проявлением стремления человека войти в общение с сверхъестественными силами»³. Он развивался на том уровне мировоззрения народа, когда формировалась вера в возможность человека стать сверхъестественным. Таким, в частности, представлялся шаман, поскольку он общался с духами. У каждого шамана был свой дух-покровитель, который являлся ему во сне и этим давал понять, что он избрал его.

...Вот уже второй день болезнь не покидает сына бедной киргизской женщины. Ему еще пятнадцать лет, а лицо уже изороздили морщины забот. Он лежит в юрте на кошме и бьется в припадке. Не первый раз это с ним. С губ слетают отрывистые слова: «Вот он! Идет... Это он. А с ним кошка... собака... заяц...» Мать в страхе жмется в угол. Она догадывается: это дух снизошел на ее ребенка и требует, чтобы он стал шаманом. Мальчик затихает...

Деятельность шамана заключалась во врачевании, гадании по разным поводам, предсказании погоды, результатов промысла, в отыскании пропавших вещей и воров. Во всем этом ему помогал дух-покровитель. Кроме того, у шамана были духи-помощники, чаще всего в образах животных, птиц. Общение шамана или шаманки со сверхъестественными силами могло происходить по-разному: либо его душа во время камлания покидала тело и посещала духов, либо в тело шамана вселялся его дух-покровитель, либо духи являлись и пребывали рядом с шаманом. Во время своих странствий душа могла принимать облик животного и совершать разные действия.

В шаманских представлениях индейцев северо-запада Америки большую роль играла выдра. Посвящаемый шаман должен был убить выдру, вырвать ее язык и хранить его в дальнейшем как святыню.

Шаманскими духами-покровителями и помощниками были волки, собаки, койоты, лоси, орлы, гагары, чайки и другие животные и птицы. Шаман, изображая их, подражал их голосу, повадкам. Долганские шаманы «превращались» в гусей (шаманы-гуси). Главным духом-помощником шамана-буряты был волк. Чукотские шаманы умели рычать, как моржи и медведи, фыркать по-оленьи, выть по-волчьи, лаять по-лиси, каркать по-вороньи. Шаман у бурят, считавших своим предком быка, изображая

его, ходил на четвереньках, мычал, бодал присутствующих и т. п. Шаманами были обычно люди необыкновенно одаренные, искусные в подражании животным, поэтому образы зверей и птиц, в которых они «перевозплощались» во время камлания, получались чрезвычайно яркие и убедительные.

Помощниками и покровителями узбекского шамана были птицы: орел, беркут, ворона. У казахов духами шаманов были филин, медведь и орел-беркут; у киргизов главный дух-покровитель — белый верблюжонок; у алтайцев главным духом-помощником считался олень, большую роль играл также марал. У чукчей шаманские духи — чаще всего волк и ворон, мышь и сова, горностай, морж, белый медведь, у нивхов — волк, филин, сивуч, олень, заяц. У нивхов слова «орел» и «шаман» однозначны. Бурятская легенда рассказывает, что орел-шаман был послан в помощь людям небесными божествами. Но люди не понимали его языка, и орел решил передать свой шаманский дар первому встречному. Им оказалась женщина, с которой орел вступил в связь; родившийся у нее ребенок и стал первым шаманом.

Чаще всего шаманский дар передавался по наследству, иногда через несколько поколений. Шаманы получали в наследство духов умерших шаманов. По рассказам эвенкийских шаманов, духи «входили в уши и мозг» и нашептывали посвящаемому слова песни, которая не покидала его, сидел ли он, задумавшись, в чуме или уходил в тайгу. Во сне духи предлагали ему убить шаманскую птицу — гагару или кукушку — и съесть ее в течение нескольких дней. Это означало, что дух-помощник в облике птицы «вошел» в начинающего шамана. Иногда начинающий шаман воображал себя росوماхой, волком, оленем, подражал им. Этот процесс вхождения духа в шамана длился долго, два-три года, в это время посвящаемый лишь готовился стать шаманом. По истечении этого срока он делал себе колотушку для бубна. Воткнув колотушку в землю, посвящаемый в шаманы пел шаманские песни. Во сне ему «являлся» олень, из шкуры которого нужно было сделать бубен. По определенным признакам сородичи находили этого оленя (иногда его искали в течение целого года), убивали, привозили в стойбище и свеживали. Шаман накидывал на себя оленью шкуру, ложился и трижды кричал по-лосиному. Охотники стреляли в него

из маленьких луков. Только после этого делали бубен. Для «обновления» бубна еще ни разу не камлавшего шамана убивали домашнего оленя, мазали бубен его кровью, а шкуру убитого оленя вместе с головой и рогами вешали на дерево в жертву тому духу, который избрал нового шамана. Лишь после этого новый шаман имел право шаманить.

Во время камлания шаман призывал духов-помощников в облике животных, птиц, на них он «ездил» в верхний мир к духу-покровителю. Киргизский шаман призывал своих духов: «На серого зайца сядем верхом, белого зайца поведем в паре... Белому тигру весть подай, пусть и он явится ко мне! Милая белая оленуха, ты тоже да приходи ко мне!.. Шестьдесят сажений дракон, белым змеем сделавшись, да ползи же!»⁴

Шаманское камлание по поводу изгнания духа болезни у якутов описал В. Л. Серошевский: «Шаман... медленно расплетает свои косички, что-то бормоча и отдавая... кой-какие приказания; он по временам нервно и искусственно икает, отчего все его тело странно содрогается, глаза его не глядят по сторонам: они или опущены долу, или уставлены неподвижно в одну точку, обыкновенно в огонь... на середину избы уже успели положить белую кобылью кожу, служащую за постель шаману; шаман приказывает подать себе ковш холодной воды, он пьет ее большими глотками и медленным сонным движением отыскивает на скамье приготовленный заранее кнут, ветку или колотушку барабана; затем он выходит на середину избы и, приседая четыре раза на правое колено, делает торжественный поклон на все четыре стороны света и одновременно брызжет кругом себя водой изо рта. Тогда все затихает; на огонь бросают горсть белых конских волос и окончательно его тушат, загребая золой; при слабом мерцании угольев виднеется еще некоторое время в темноте черная неподвижная фигура шамана, сидящего понуря голову и держащего перед грудью громадный, как щит, барабан; лицом он обращен на юг, куда направлена и голова кожи, на которой он сидит. Наконец, тьма делается непроглядной, сидящие на скамьях притаили дыхание, слышно только невнятное бормотание и икание шамана, но и оно все более и более затихает; вот на мгновение водворяется мертвая тишина, а затем, немного спустя, раздается одинокий резкий, как

лязг железа, зевов, и вслед за ним где-то в глубине покрытой тьмою юрты громко, четко и пронзительно прокричит сокол или жалобно расплачется чайка — и опять тишина, и только легкая, как комариное жужжание, дробь барабана дает знать, что шаман начал свою музыку. Эта музыка, вначале нежная, мягкая, неуловимая, потом неровная и произвольная, как шум приближающейся бури, все растет и крепнет; по ней зигзагами, точно молнии, поминутно пробегают дикие окрики: каркают вороны, смеются гагары, жалуются чайки, посвистывают кулики, соколы да орлы. Все те, кто летает высоко над землей, ближе к нему, видимо, обеспокоены ожидаемым появлением и носятся по воздуху, наполняя юрту своим жалобным криком. Музыка все растет и достигает апогея, удары по барабану, частые и сильные, сливаются в один непрерывный, все возрастающий гул; колокольчики, погремушки, бубенчики гремят и звенят не устывая; это уже не буря, а целый водопад звуков, готовый потопить сознание присутствующих... наконец, когда музыка, изменивши темп, приобретает некоторую правильность, к ней присоединяются отрывочные, мрачно пропетые фразы песни: «Мощный бык земли... Конь степной!.. Я, мощный бык... реву! Я заржал... конь степной!.. Я человек, созданный господином мощным из мощных! Степной конь, явись!.. Научи меня!.. Волшебный бык земли, явись!.. Заговори!.. Мощный господин, приказывай!..»⁵

Шаманы, их души, наделявшиеся сверхъестественными способностями, якобы могли превращаться в животных. У якутов, например, качества, сила шамана зависели от того, в какое животное обратилась его душа. Самыми могущественными считались шаманы, душа которых обратилась в быка, жеребца, орла, лося или медведя, самыми слабыми, несчастными — те, душа которых обратилась в собаку, волка, от которых шаману нет покоя. Предание о шаманке-змее у нанайцев Уссурийского края записал путешественник В. К. Арсеньев. Когда в окрестностях селения появилась рыжая змея, жители объяснили ему, что это рыжая девушка-шаманка, приносящая много неприятностей людям, живя среди них. Однажды — это было давно — рассерженные люди привязали ее к дереву в лесу и оставили, чтобы она умерла с голоду. Но, вернувшись через несколько дней, они увидели только веревку, на которой все узлы были целы, а на месте девушки лежала

шкура змеи. После этого все селение вымерло, спаслись только те, кто успел убежать в другое место. С тех пор шаманка будто бы появлялась в облике то рыжей змеи, то красного волка, то какой-нибудь невиданной птицы, и ее появление приносило несчастье людям.

Двойной (человеческий и животногообразный) облик души или духа-покровителя шамана отразился на костюме и атрибутах шамана. Бубен воспринимался как конь, бык или олень шамана, на котором он ездит к духам. На бубне изображались покровительствующие шаману животные, птицы, рыбы. К бубну привешивались и подвески, тоже изображавшие животных и птиц. Количество подвесок свидетельствовало о силе шамана, его сила заключалась также и в рисунках. В бубне собирались духи шамана. У некоторых шаманов, например эвенкийских, были еще посохи, символизировавшие коня или оленя. На «олене» шаман ездил в верхний мир к духам, «на коне» — в мир мертвых, провожая души умерших. Костюм шамана (его раскрой, оформление) изображал птицу. Особенно способствовали этому впечатлению подвески, бахрома, аппликации, символизировавшие крылья и перья, выкройной хвост. В звенящем подвесками кафтане шаман сам становился птицей. Известны костюмы, символизирующие оленя. Внушительно выглядел в своем костюме нанайский шаман: на его одежде, состоящей из жилета, короткой юбки и рукавиц из замши, нарисованы тигр, дракон, змея, их изображения в виде подвесок звенели у него на груди. Шапка его сшита из шкур волка, медведя, енота или лисицы и украшена металлическими рогами. Сзади к поясу шамана привязан шестиметровый ремень от шеи козули, который во время камлания кажется гигантским хвостом фантастического животного. В костюме алтайского шамана обязательны нагрудник из звериной кожи и шапка, украшенная перьями из хвоста филина, беркута, тетерева. Американские и африканские шаманы украшали себя когтями, перьями и крыльями птиц, рогами животных.

Некоторые шаманы превращались всегда в определенных животных, были с ними связаны и во время камлания надевали на себя их шкуры. Шаманы Африки надевали на себя шкуры львов. Медвежьи шаманы были известны у кетов, селькупов, некоторых групп хантов, эвенков, североамериканских индейцев.

Шаман в медвежьей шкуре
у индейцев сиу

У кетского медвежьего шамана главным духом был медведь, хозяин подземного мира. Шаман надевал на себя кафтан, сшитый из не очищенной от меха шкуры медведя; на обувь и рукавицы шли шкуры с его лап. На одежде, обуви и рукавицах были прикреплены железные подвески, изображавшие кости медведя. Часто вместо колотушки использовалась медвежья лапа. Шаман во время камлания надевал на лицо маску, изготовленную из кожи с носа и губ медведя. Подражая медведю, шаман топал ногами, фыркал, рычал. Медвежий шаман никогда не ел мясо медведя и не охотился на него.

Шаманы будто бы не только сами могли обращаться в животных, но умели превратить в животное любого человека. Этим же умением у многих народов наделялись колдуны и знахари. Вера в особую силу знахарей и колдунов, в их умение лечить болезни, вызванные злыми духами, наслать порчу, предсказывать и гадать была свойственна всем народам и племенам. Шаманизм — особая категория колдовства и знахарства и в то же время своеобразная форма религии.

Культ предков в облике животных

У многих народов земного шара предки почитались в образах различных животных. В большинстве случаев это предки-родоначальники, бывшие тотемы. Но черты животных можно найти и в культе предков у народов, утративших многие пережитки тотемизма. В этом случае на развитие почитания животных в лице предков оказали влияние различные факторы, наиболее существенные среди них — вера в оборотничество и в переселение душ умерших в животных, птиц, змей и т. п.

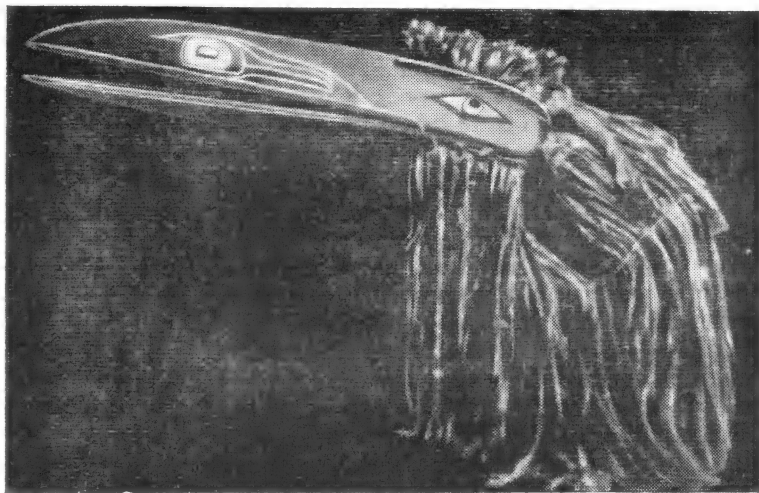
Оборотни

Веру в оборотничество породила распространенная в прошлом у всех народов вера в родство человека с животными, в близость животных к людям (понимают человеческую речь, все слышат и пр.)

У индейцев тлинкитов предками фратрий были человек-ворон и человек-волк. В мифах рассказывается, что люди и животные раньше были едины, животные отличались от людей одеждой — шкурой и мехом. В берлогах и норах они снимали их и становились людьми. У индейцев квакиютль (северо-западное побережье) предками рода были люди-птицы, способные превращаться из человека в птицу и обратно с помощью костюма. Обрядовый костюм североамериканских индейцев состоял из шкуры и головы (в виде маски) почитаемого животного (в прошлом тотема). В таких костюмах исполняли охотничьи пляски. Костюм должен был способствовать превращению человека в тотемное животное.

В одном из эскимосских сказаний говорится, что в древности между животными и людьми разницы не было, в любое время они могли превращаться друг в друга. Для этого необходимо было лишь отбросить назад или надвинуть на лицо морду или клюв. Интересно, что именно так поступали и эскимосские танцоры во время отдыха в перерыве между танцами: они сдвигали звериную маску на макушку, показывая свое лицо.

В меланезийской сказке «О юноше, менявшем свою кожу» юноша превращается в птицу, выдергивая перья из цапли. «Вскоре появилась птица. Юноша пустил стре-

Маска ворона у индейцев квакиютль

лу и прострелил птице обе ноги. Затем он схватил цаплю и стал выдергивать из нее перья. Часть из них он прикрепил к своей спине — и у него получился хвост, другие повесил на руки — и у него получились крылья. Потом он потерял свое тело — и оно все покрылось перьями. Юноша заменил свои глаза птичьими и прицепил к носу клюв цапли. Теперь юноша уже не был человеком. Он стал птицей»⁶.

Представления и поверья о людях-оборотнях были распространены повсеместно. «Идея оборотничества, — считает С. А. Токарев, — вообще приурочивается обычно к тому животному, которое в данной стране служит главным предметом почитания, представляя особую опасность для человека»⁷. У народов Северной Америки и Северной Азии — это медведь, в Южной и Восточной Азии — тигр, в Африке — леопард, в Южной Америке — ягуар, у народов Европы — волк.

У африканского народа какури был специальный глагол «обращаться в гиену». Бушмены верили в возможность превращения людей в леопардов, львов, змей, антилоп, павианов. По их рассказам, одна бушменка превратилась в льва, чтобы ловить антилоп для своего голодного мужа.

В мифах способностью к оборотничеству обладают и обыкновенные люди: в чукотских мифах фигурируют образы женщины-лисицы, женщины-гуся; горностаи и сова превращаются в вооруженных воинов. У айнов есть сказки о лисице, которая может украсть душу у женщины; о женщине, которая может обернуться лисицей. Поверья о лисицах-оборотнях характерны для древних китайцев.

Но чаще всего оборотнями бывают особые люди: например, у мексиканских индейцев было поверье о том, что если не совершить по обычаю торжественного жертвоприношения, то беременная женщина переродится в животное, а спящий ребенок — в мышь. В сказках, легендах этой особенностью обладают близнецы, богатыри, легендарные герои, принцы и царевны, в мифах — боги и богини.

Верхнее божество обских угров Нуми-Торем (ставший таким, вероятно, под влиянием христианства: первоначально «нуми-торем» означало «верхний мир», «небо») окружен сыновьями, которые могут превращаться в различных зверей и птиц; их почитали в образах лебедя, гуся, ястреба, щуки и т. п. Каждый из этих сыновей имел определенное место жительства в селениях обских угров и изображался в виде птицы или зверя (таким, вероятно, был «медный идол» с Оби, почитавшийся в образе гуся, сидевшего в гнезде, устроенном из сукна, холста и пр.). Родоначальники отдельных групп хантов и манси, происходившие от тотемических предков-животных, птиц и рыб, нередко в фольклоре фигурируют в образах богатырей. В преданиях рассказывается о превращениях богатырей-родоначальников в зверей-покровителей. В мансийской сказке росомаха, сбросив шкуру, становится человеком. Герои превращаются в гусей, чаек, ястребов, трясогузок, гагар, соболей, медведей, белок, ящеров, щук, окуней: «Богатырь домой прибежал. Дома жена сидит, девочку грудью кормит. Богатырь ворвался, меч схватил, на женщину замахнулся. Та над мечом сорокой взвилась и в окно вылетела. Богатырь из дому выскочил, на коня вскочил, за ней погнался. Женщина соболем обернулась, дальше бежит. То зайцем обернется, то лисицей, то соболя вид примет»⁸. У марийцев известен оборотень, превращающийся в черную кошку, серого зайца, — это богиня очага Юртава.

Особенно широко этот сюжет — превращение человека

в животное и животного в человека, связанный с существовавшей в прошлом верой в оборотничество, был распространен в народных сказках. Сказочные герои превращаются в животных, птиц: «Отойдя, обернулся в оленя быстрогоного и пустился, словно стрела, из лука пущенная; бежал-бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть; бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку — золотая головка»⁹. В русских былинах Вольга охотится на лебедей и уток в образе сокола, обращается в муравья, когда ему надо пролезть через подворотню из рыбьего зуба. У саамов много сказок о превращении человека в оленя и оленя в человека: «Жила там Мяндаш-дева, женщина-олень. У нее родилось теля — сынок. Жил он, жил и у Мяндаш-девы скоро превратился в молодого оленя — Мяндаш-парнь... Перевернулся — человеческий облик принял. Перевернулась Мяндаш-дева — и в человеческом облике предстала сыну»¹⁰.

«Метаморфозы» древнегреческого поэта Овидия — поэтическое изложение сюжетов о превращениях людей в летучих мышей, дельфинов, соловья и т. п.

Широкое бытование имели у разных народов сказочные сюжеты о невесте (или женихе) в облике лебедя, лягушки, лисицы, медведицы, змеи и т. п. В русских и немецких сказках вещие девы, надев голубиные, утиные или лебединные крылья или рубашки, превращались в голубок, уток, лебедей, а сняв их, снова становились девами. Русская сказка широко использует мотив превращения прекрасной девушки-невесты в лебедя, утку, лягушку: «Царевна обернулась белой лебедью и полетела с корабля»; «Упала, ударилась о корабль, превратилась в уточку и улетела...»; «А лягушка ночью выпрыгнула на крыльцо, оземь грянулась и стала царевной-красавицей». В превращении девушки в зверя или птицу основную роль играет шкурка (птичья, звериная или лягушачья).

Особой способностью к оборотничеству обладали, по мнению многих народов, колдуны, шаманы, знахари. По поверьям русского населения, колдуны и ведьмы могли обращаться в волков, собак, лошадей, кошек, свиней, жеребят. Украинско-белорусские поверья о ведьмах приписывают им способность превращать человека в свинью, собаку, кошку, сороку, жабу. Они якобы могут также, превратившись в жабу, птицу или насекомое, высасывать

молоко из чужой коровы. Бушменские колдуны будто бы могли обращаться в шакалов; колдуны Гондураса — в разных диких животных; парагвайские колдуны — в тигров; гавайские — в собак; колдуны у коми — в медведей, волков, коней, черных собак, поросят, кур, голубей, лягушек. У южноамериканских индейцев бороро было поверье о том, что колдуны в образах животных убивают людей. Смерть и болезнь, по их представлениям, — это мечь убитых людьми животных, в которых превратились колдуны. Колдуны майя Центральной Америки будто бы могли принимать вид собак, поросят и других животных, а их взгляд якобы обладал способностью причинять людям смерть.

В русских и западноевропейских поверьях об оборотнях ведьма или колдунья, превратившаяся ночью в животное и получившая рану от человека, утром, обратившись снова в женщину, сохраняет следы раны. Такие же поверья были известны и у других народов. У индейцев Северной Америки есть рассказ о том, как старая колдунья и ее сын обратились в птиц; шаман выстрелил в них волшебными стрелами, наконечники которых на следующее утро были обнаружены в телах обратившихся вновь в людей колдуны и ее сына.

Малайские колдуны семангов будто бы обладали способностью превращаться по своему желанию в тигра и в этом зверином облике поедали людей, живых и мертвых.

...Плач и стенания несчастной женщины слышатся из хижины, покрытой пальмовыми листьями. В семье большое горе: тигр похитил и съел старшего сына. Деревня семангов со всех сторон окружена лесом. К дому подходят соседи и, сокрушенно качая головами, сочувственно переговариваются с хозяином хижины, отцом погибшего. Его лицо осунулось от горя, но как настоящий мужчина он ничем не выдает своего смятенного состояния. Уже в который раз рассказывает он, как сын отправился рано поутру на ближнее поле и не вернулся. Только что прошел сильный дождь. Зеленеет обновленная влагой земля, прозрачные капли медленно стекают с листьев.

Торопливо перепрыгивая через лужи, к группе беседующих бежит парень лет двадцати. Он отчаянно жестикулирует и что-то кричит. Лишь когда он приблизился к толпе, люди поняли, чем он возбужден. Оказывается, тигр сделал набег и на его загон со скотом. Один из буйолов стал его жертвой. Последнее время набег тигра-людоеда на людей и скот заметно участились.

Еще один житель селения подходит к группе мужчин. Это старый, всеми уважаемый охотник. Выслушав страшные ново-

сти, он задумчиво качает головой и бросает несколько отрывистых фраз: «Это он... Старый колдун... Никак не успокоится...» Все замолкают, понимая, что речь идет о деревенском колдуне, о котором давно ходят мрачные слухи и дом которого обходят стороной.

«Это было давно,— начинает рассказ старик, и все напряженно вслушиваются в его повествование.— Как-то раз я отправился на дальнюю поляну в лес за прутьями для новой корзины. Дорогой я задумался и свернул не на ту тропинку. Опомнился я, когда забрел в дремучий лес. Пришлось возвращаться обратно. Только я повернул назад, как почувствовал посторонний запах. Он был довольно приятным и напоминал запах ладана, возжигаемого нашим колдуном. Я пошел по направлению запаха. Шел я тихо, еле ступая. Из-за чащи до меня донеслось глухое бормотание. Притаившись, я осторожно выглянул, и что же, вы думаете, я увидел? Наш деревенский колдун, сидя на корточках у костра, возжигал фимиам и, держа то правую, то левую руку над огнем в виде воронки, раздувал благовонный дым. При этом он просил духов гор, чтобы они помогли ему стать тигром. Несколько раз он проделал это, повторяя свою просьбу. Потом он присел на четвереньки и стал превращаться в тигра: у него начала меняться кожа, выросла шерсть, появился хвост. Объятый страхом, я замер и как будто окаменел. Огромными прыжками тигр унесся в чащу.

После этого больше десяти дней в окрестностях нашей деревни то появлялся, то исчезал тигр. Он унес много скота и убил нескольких человек. А колдуна в деревне не было видно. Его жена сказала, что он ушел в дальнюю деревню. Она все время сидела у костра и жгла ладан. Наверняка она знала, где сейчас находится ее муж, и помогала ему. Потом тигр исчез, скот перестал пропадать. Однажды утром мне пришлось пройти мимо хижины колдуна, и вдруг я вижу: он выползает из дома совсем больной. Отполз за дом, и тут у него началась рвота. И что же выходило из него? Кости...»

Греки и скифы рассказывали Геродоту, что невры (народ, живший на территории теперешней Белоруссии) были чародеями, что «ежегодно каждый невр становится на несколько дней волком, а потом опять принимает свой прежний вид». К волку многие народы относились с суеверным страхом, с ним связаны народные поверья у славян (русских, белорусов, украинцев), народов Кавказа (грузин, армян, аварцев, абхазцев и др.), германских, тюркских и монгольских народов. У них были поверья и о волках-оборотнях.

Очень характерны в этом отношении поверья белорусов о колдунах-оборотнях: «Есть такие особые чаровники, которые могут обращаться в волка и производить опустошения. Такого волка нельзя ни убить, ни поймать»¹¹. Перед обращением в волка колдун в каком-нибудь уединенном месте вбивает в землю пять осиновых кольев, но

так, что два колышка служат подобием передних ног, два других изображают задние ноги, а пятый — хвост. Прыгая вперед через все колышки, начиная от заднего, он становится волком. Когда же он желает вновь принять свой человеческий образ, он опять прыгает через те же пять колышков, но в обратном порядке, задом наперед. «Стоит только предупредить эти прыжки, вынув все колышки, и перевертень (оборотень) навсегда останется волком. Если же только не успеют вынуть все, а останется один и более колышков, то перевертень останется навсегда с волчьими членами»¹². Вера в волков-оборотней была характерна в прошлом для народов Западной Европы. Людей, заподозренных в оборотничестве, сжигали на кострах как колдунов.

В саамских сказках в животных обращаются колдуньи-нойды: «Очень давно жила старуха нойда, колдунья. Ей наскучило быть в человеческом виде. Она обернулась важенкой — самкой дикого оленя»¹³.

В сказках о колдунах сама способность колдовать означает умение понимать язык птиц и животных и обращаться в них. Герои сказок, попадая в учение к лесному или просто мудрому человеку, постигают науку превращения в животных, понимания птичьего языка: «За Волгой, в городе такой был мастеровой человек, учил разным языкам и разным изделиям, и по-всячески может он оборотиться»; «Отдали его учиться на разные языки к одному мудрецу иль тоже знающему человеку, ибо он всячески знал — птица ли запоет, овца ли заблеет...» В русской сказке «Хитрая наука» колдун превращается в волка, щуку, петуха, а его ученик — в коня, ерша, ястреба.

Чтобы обратиться в животного или птицу, колдуны, ведьмы и обычные люди используют разные средства. Очевидно, древнейшим способом для этого являлось надевание шкуры зверя, крыльев птицы и т. п. В североамериканских и корякских мифах такие превращения часты. Так, мифологический герой Эмемкут превратился в Великого Ворона при помощи вороньего костюма. Его внук Кил превратился в медведя, надев медвежью шкуру. Эмемкут дал собачью шкуру своей сестре, и она превратилась в собаку. Позднее в фольклоре появляются другие способы превращения животных — удариться оземь, перекувырнуться. У коми был записан рассказ об оборотнях: «Одна невестка проследила, куда ее свекор часто подо-

зрительно отлучался. Однажды она заметила следующее: свекор ее пошел однажды в лесок, перекувырнулся через склонившийся к земле ствол березы и оказался медведем. Сноха сделала то же самое и последовала за ним, но при этом она по неловкости задела одной ногой березовый ствол. Из-за этого у нее одна нога осталась человеческой, тогда как вся она превратилась в медведицу. Эта ошибка сделалась для них обоих роковой: у них потерялась возможность превратиться снова в людей...»¹⁴ По мнению печорских коми, чтобы обратиться в медведя, колдун сначала раздевается, потом три раза перекувыркивается через голову «против шерсти солнца» (движения солнца). Для обратного превращения он перекувыркивается «по шерсти солнца».

Колдуны, ведьмы не только могут сами обращаться в животных, но и превращают в них людей — это тоже распространенное поверье. Раньше этой способностью обладали звери: у айнов лисица может заколдовать человека, у индейцев тлинкитов выдра может украсть человека и превратить его в человека-выдру. Саамские нойды будто бы могли обращать людей в кошек, а парагвайские колдуны — в тигров. В русской сказке непослушных детей, ушедших к пруду, околдовывает ведьма и они становятся белыми уточками. Вера в людей-волков, которых называли волколаками, особенно широко бытовала у русских, украинцев и белорусов. Крестьяне верили в реальность превращения колдуном в волков новобрачных, не пригласивших его на свадьбу, или всех участников свадьбы. Считалось, что колдун превращает человека в волка на определенный срок; когда он истекает, тот снова превращается в человека; его отличительная черта — сросшиеся брови и красные глаза. Волколаки находятся в подчинении у настоящих волков и выполняют их указания.

По поверьям белорусов и коми, колдуны могут обращаться в волков целые свадебные поезда, если они чем-нибудь прогневали колдуна и не приняли против него мер предосторожности. В преданиях рассказывается, что перед смертью такие волки кричат человеческим голосом, а охотники, снимая шкуру с убитого волка-оборотня, под ней обнаруживают остатки красного кушака — следы одежды человека из свадебного поезда, превращенного в стаю волков.

У североамериканского племени омаха члены рода, почитавшие бизона в качестве тотема, завертывали умирающего в шкуру бизона, рисовали на его лице знак тотема и обращались к нему со словами: «Ты идешь к бизонам! Ты идешь к своим предкам! Будь крепок!»

В одном из сказаний индейцев Северной Америки герой попадает к волкам. Вместе с медведями и выдрами, которые, как и волки, были тотемами у индейцев, они устраивают праздник в его честь: «Тогда волки вдруг внесли труп. Они завернули его в волчью шкуру, положили его у огня и начали плясать вокруг него и отбивать такт. Тогда мертвец встал и, качаясь, стал ходить. Но чем дольше они пели, тем увереннее он стал двигаться и, наконец, забегал совсем, как волк. Тогда главарь волков сказал: «Теперь ты видишь, что делается с мертвецами,— мы превращаем их в волков»»¹⁵.

С одной стороны, вера в оборотничество, с другой — вера в превращение человека после смерти в тотемное животное повлияли на развитие представлений о превращении покойников в животных и о покойниках-оборотнях.

Очевидно, из представлений о превращении умершего в тотемное животное возник обычай зашивания покойника в шкуру животного, известный, впрочем, и у народов, утративших тотемические представления. Здесь этот обряд способствовал попаданию умершего в загробный мир. В Древнем Египте умершего завертывали в шкуру быка или коровы. Лишь позднее, с развитием мумификации трупов, этот обряд изменился. Считалось, что умерший, пребывая в шкуре быка, получал дар нового рождения, кроме того, это обеспечивало ему попадание в царство мертвых.

Покойники, по поверьям многих народов, могли превращаться в животных и в их образах жить после смерти как сверхъестественные существа. Египтяне, например, верили, что умерший может превратиться в любое животное: цаплю, крокодила, змею и т. п. Чтобы помочь этому превращению, египтяне делали саркофаги в виде животных; в Книге мертвых изображены саркофаги, имеющие ноги, голову и хвост животного. Сходные представления были у меланезийцев, на их саркофагах укреплялись деревянные изображения акул. В меланезийской сказке женщина после смерти превращается в журавля.

Вера в превращение покойников в животных характерна для американских индейцев и народов Африки. Индейцы сиу считали, например, что шаманы и женщины после смерти превращаются в зверей, а индейцы Калифорнии верили, что плохие люди, умерев, становятся койотами.

Многие африканские народы представляли себе загробную жизнь покойников в облике животных, живущих вблизи кладбищ в лесах. Северные, юго-восточные и восточные банту верили, что умершие перевоплощаются в животных и чаще — в змей, а вожди и цари — в львов и леопардов. Криком совы, лаем гиены или стрекотанием кузнечика предки «дают о себе знать». Эту весть, ее значение разгадывает прорицатель. У северных банту баньянколе труп царя помещали в усыпальнице, расположенной в лесу. Через несколько дней жрец выносил оттуда львенка, который считался воплощением духа царя. Только после этого царя хоронили. Масаи (племя Кении и Танганьики) считали, что после смерти в змей превращались только вожди и колдуны. Змеи посещали хижины родственников, их подкармливали молоком.

Дальнейшим развитием этих представлений стала вера в превращение душ покойников в животных и птиц.

С развитием анимистических представлений * формируются верования о душе. Только на очень поздней стадии развития душа человека представляется как невидимый дух; даже у цивилизованных народов древности душа мыслится в облике птицы, животного, змеи; наряду с этим считалось также, что она после смерти переходит в животное, птицу. Такие представления, судя по пережиточным явлениям, в прошлом были распространены у всех народов земного шара. Не совсем ясна последовательность развития подобных представлений, но, очевидно, первоначально существовало представление о том, что душа человека имеет вид птицы или животного, и лишь позднее, с развитием религиозного мышления, оно было заменено мнением о том, что душа после смерти человека переходит, иногда временно, в какое-либо животное или птицу.

Чаще всего душа представлялась в виде птицы. У обских угров представления о душе довольно сложны. Со-

* Анимизмом принято называть веру в «духовные» (бесплотные, нематериальные) существа. Это один из самых постоянных и существенных элементов религии.

Душа в виде птицы
у египтян

гласно их верованиям, у человека имеется несколько душ. Одна из них, а именно «уходящая вниз по реке душа», имеет вид птицы (трясогузки, синички, ласточки, сороки, а чаще — кукушки) или комара. Когда кукует кукушка, к ней обращаются: «Если ты моя душа, замолчи!» Если она замолкает, значит, она и есть душа данного человека. В этом случае он вскоре должен умереть, так как душа покидает тело примерно за год до смерти. Чтобы удержать душу в теле, на плече или руке делают татуировку в виде птицы: «Когда душа будет товарища иметь, то больше на месте сидеть станет». Другая душа, так называемая сонная душа (к человеку она прилетает только во время сна), тоже имеет вид птицы — глухарки, по-местному «тетери» («птица сна»). Ее изображают на спинке детской люльки, чтобы она охраняла сон ребенка. Ее можно увидеть: «Один человек из селения Щекурья, вернувшись с охоты, рассказал, что он встретил в лесу тетерю, которая поднялась с земли с большим трудом. Тем не менее он никак не мог ее вначале застрелить, а когда наконец убил, то почувствовал себя плохо. Брать он ее не стал, так как увидел, что она какая-то плохая. «Что же ты сделал,— сказали ему.— Ведь ты душу свою убил! Теперь ты умрешь». Человек пошел домой и умер»¹⁶.

У семангов души представлялись в виде птиц. О беременной женщине говорили: «Она съела птицу». У североамериканских индейцев гуронов души представлялись в виде голубей, у алтайцев — в виде петухов, у якутов — жаворонков, у эвенков — птичек, у южноамериканских индейцев бороро — попугаев араара; у тлинкитов морские утки — духи утонувших детей, совы — духи новорожденных, задушенных матерью во время сна. Образ души-птицы был знаком египтянам, вавилонянам, грекам. По представлениям древних египтян, душа умершего вылетает из

тела в виде птицы. Душа египетского бога Осириса имела будто бы вид коршуна. В то, что душа имеет облик голубя или другой птицы, верили народы Средней Азии. В связи с этим у них еще недавно существовал обычай сыпать зерно на могилах. Образ христианского голубя близок взгляду на душу в облике птицы. К этому следует напомнить русскую примету: птица в дом залетит — к покойнику. На русских кладбищах также нередко можно увидеть крошенную пищу на могилах — «для птиц», как объясняют теперь ее назначение люди.

Таджики и узбеки верили, что душа покидает тело в образе птицы или мотылька, а посещает семью родственников, принимая облик собаки или кошки. Согласно взглядам народов Средней Азии и Сибири, душа могла иметь также вид бабочки, мотылька, пчелы, даже мухи. У жителей Соломоновых островов светлячки почитались за души умерших. Души, по мнению разных народов, могли иметь также вид змей и различных животных. У негров банту одна из четырех душ человека, а именно внешняя, представлялась в образе животного — леопарда, черепахи или рыбы, у зулусов — в облике змей.

Душа в виде мыши изображалась даже на некоторых старинных христианских иконах. Немецкое предание о короле Гунтраме рассказывает, что однажды, когда король заснул, из его рта выползла змея, представлявшая его душу. Слуга следил за ней, и, когда король проснулся и рассказал свой сон, оказалось, что он полностью совпадает с тем, что произошло со змеей, пока он спал.

Еще распространеннее была вера в переход души покойников в животных, растения и даже неодушевленные предметы. Собственно, у народов всех континентов в той или иной форме зафиксированы подобные взгляды. У немцев были распространены поверья, будто души умерших людей принимают облик мыши, шмеля, жука, бабочки, жабы, ворона, лебедя, кошки, ласки; у англичан, шведов и швейцарцев — вид ворона или вороны; у русских — пчелы или мыши; у маори — ящерицы и т. д.

В петуха или курицу переселяется душа мужчины и женщины после смерти, считали сваны. У них отмечен любопытный обычай поисков души убитого по законам кровной мести: на месте совершившегося убийства носили петуха или курицу (в зависимости от того, кто был убит — мужчина или женщина). Когда птица кричала, считалось,

что душа найдена. В случае похорон умершего вдали от родного селения тоже исполняли особый обряд: сажали петуха в ямку рядом с могилой покойного, затем в родном селении устраивали оплакивание и поминки над петухом.

По поверьям малайцев, с душами умерших связан крокодил, у полинезийцев эту роль играют акулы, они пожирают трупы. У полинезийцев почитание змей связано с верой в переселение в них душ умерших. Змее, во внешности которой обнаруживалось какое-нибудь сходство с умершим предком (шрам, отсутствие глаза и т. п.), полинезийцы приносили жертву. Сходные представления были у народов Сибири и Америки. Например, ханты, убив медведя вскоре после чьей-нибудь смерти, искали в нем черты сходства с умершим (залысина, шрам и т. п.)¹⁷. У северо-западных индейцев был отмечен случай, когда они не хотели убивать одну старую медведицу, морщинистая морда которой напоминала им одну из их прабабок. Этого им было достаточно, чтобы считать, что в нее превратилась душа этой прабабки.

Жители Гвинеи верили, что души умерших переходят в обезьян, живущих около кладбищ, души вождей — в леопардов. Поэтому леопардовым мехом пользовались только правители и их семьи, шкуры всех убитых леопардов сдавали вождям. В Восточной Африке существовало представление, что душа умершего переселяется в курицу. Население других мест Африки считало, что души добрых людей после смерти становятся змеями, а злых — шакалами. В Бенине и других местах Южной Африки были развиты воззрения о том, что души умерших до нового воплощения в людей пребывают в образах птиц, змей, ящериц, лягушек, рыб. Во временное переселение души в животное верили древние египтяне. Они считали, что после разрушения тела умершего человека душа его вселяется в животное, которое в это время рождается. Обойдя всех наземных, водных и пернатых животных (в течение трех тысяч лет), душа снова вселяется в тело рождающегося человека. Это уже дальнейшее развитие представлений о душе.

Среди моряков разных национальностей существует поверье, что в морских птицах (чайки, буревестники, голубыши, альбатросы) воплощены неупокоенные грешные души погибших моряков. Считается недопустимым убить такую птицу: корабль может постигнуть неудача и даже гибель.

...«Морген штерн» вернулся из плавания. Оно было длительным и не очень счастливым. Все время экипаж преследовали неудачи: то одного из матросов смыло волной, хотя стоял тихий день, и его никак не могли поднять на борт, то кок опрокинул на себя чайник с кипятком и все плавание мучился с обожженной ногой. Два матроса, подравшись в кабачке во время стоянки в Кейптауне, так исполосовали друг друга ножами, что их пришлось списать с корабля. А потом... Да все несчастья и не перечислишь. Корабль вез груз с острова Южная Георгия, в том числе пингвинов и других животных и птиц, заказанных для одного из немецких зоопарков. Все соскучились по дому и устали от злоключений, поэтому ни красоты Канарских островов, ни экзотичность Зеленого Мыса не радовали членов экипажа. Им все время казалось, что их преследует рок или злой дух. И вот теперь, когда они прибыли в родной Ливерпуль, стало ясно: виной всему был тот самый альбатрос-скиталец, которого везли для зоопарка и которого так не хотел брать на борт их капитан. Вчера его нашли мертвым. Говорят, этот недотёпа кок обкормил его колбасой. Теперь бы радоваться возвращению домой, но снова все в смятении: их корабль стал как проклятый. Ни один уважающий себя матрос не отправится на нем в плавание. Альбатрос и был их злым духом. Недаром у всех моряков считается плохим признаком, если кто-нибудь из команды убьет или поймает альбатроса или чайку. Не надо было брать его с собой. Уже половина команды объявила из-за этого забастовку, а некоторые совсем списались с корабля...

Суеверия такого рода живучи до сих пор. Подобный описанному случай — забастовка из-за смерти на судне альбатроса — произошел лет десять назад на одном из английских грузовых судов¹⁸.

Души предков, согласно поверьям народов Америки, Океании, живут в птицах. Тут могут быть разные варианты представлений: душа воплощена в птице или птица уносит душу в потусторонний мир. Ворон у индейцев квакиютль переносит души мертвых в загробный мир: «Иелх прежде всего есть птица мертвых, водитель душ. Он приглашает в гости духов умерших». Индейцы атапаски верили, что души умерших с помощью духов выдры и гагары, которым их вверяли родные, попадали в загробный мир и продолжали там жизнь. В Океании существует миф о птице, несущей умершего на тот свет, или о корабле в форме птицы; гроб в связи с этим имеет вид птицы. Все, что касается загробного мира, тоже связано с животными. Вход в подземное царство богини смерти и преисподней Хэль в скандинавских мифах стережет зловещий пес Гармр. Медведь, гусеница, мухи охраняют вход в загробный мир, по представлениям даяков острова Борнео. Гуроны верили в то, что душа умершего на своем пути в загробном царстве

должна перейти через мост, где на нее нападает собака. Напротив, у эскимосов был обычай класть в детские могилы черепа собак, чтобы собаки могли защитить души детей в загробном мире.

Предки с чертами животных

Представления о переходе душ умерших в животных, птиц и змей способствовали развитию культа предков в образе животных. Большую роль в возникновении и развитии этого культа имела также вера в возможность сожительства с животными и иметь от них детей.

У первобытных племен не существовало представления о физиологической причине рождения живых существ, оно представлялось им как вселение в женщину существа из внешнего мира. Невежество первобытных охотников относительно физиологической природы зачатия и беременности, а также вера в близость и родство человека с животными подготовили почву для возникновения взглядов на возможность сожительства с животными. Психология первобытного человека допускала возможность брачных союзов между животными и людьми, духами и людьми. Считалось, что потомство от такого союза будет сверхъестественным (духом или животным) и будет покровительствовать людям. Очевидно, исторически подобные воззрения связаны с древней верой в тотемическую инкарнацию.

Вера в возможность половых сношений людей с животными или духами в образах животных была распространена довольно широко у разных народов. Близость человека с животными нередко понималась как непосредственное родство с ними. У очень многих народов на этот счет существовали мифы о чудесных рождениях, о рождениях людей от связи женщины с животными. Со временем этот рассказ превратился в фольклорный мотив о похищении девушки или женщины зверем.

На Амуре и Сахалине происхождение родов, называвшихся в честь какого-либо животного, связывалось с женщиной, будто бы родившей ребенка от этого животного. Некоторые роды орочей, ульчей вели свое происхождение от женщины, которая имела связь с тигром. Одна нивхская женщина рассказывала этнографу Штернбергу, что к ней ночью явился тигр и имел с ней половое сношение. Очень много легенд у народов Сибири и Америки (эвенков, айнов, нанайцев, удэгейцев, индейцев тлинки-

тов и др.) о браках женщин с медведями; как мы уже указывали, медведь считался у них родственником, зятем. Подобные взгляды в виде суеверий были известны даже среди цивилизованных народов. Так, один из администраторов Камчатки начала XIX в. в своих воспоминаниях рассказывал как о достоверном факте о похищении в Петропавловске медведем женщины, ставшей его женой.

У киргизов сохранилась легенда о происхождении их от красной собаки. Рассказывается, что после набега врагов от всех киргизских племен осталась лишь дочь хана. У нее была красная собака, от которой она прижила детей. Они-то и стали родоначальниками киргизов. У айнов тоже есть легенда, в которой повествуется о происхождении айнов от первой женщины на Земле и собаки. У одной из бурятских групп было поверье о существовании на северо-востоке «собачьего царства», где у мужчин-собак и женщин-людей рождались сыновья-собаки.

Якуты вели свое происхождение от девицы-лебеди. У них же был род, называвшийся Рожденный от орла, причем считалось, что орел-дух фактически участвовал в деторождении. Отцом одного из бурятских племен Эхирит считался пестрый налим. Любопытно, что в генеалогических легендах индейцев квакиютль медведица, орлица, лягушка вступают в брак с предком-мужиной; женские предки рода вступали в брак с животными, судя по легендам, реже.

У древних тюрков есть предания о происхождении родов от волка. Предания рассказывают, что тюрки произошли от связи женщины гуннского рода и волка; другой вариант повествует о том, как волчица выкормила мясом гуннского мальчика, а потом у нее от него родилось десять сыновей — основателей тюркских родов.

В один ряд с подобными представлениями можно поставить некоторые обычаи и обряды, во время которых почитаемым животным, а позднее — богам приносили в жертву или символически отдавали в жены девушку или женщину. На острове Тимор во время коронации королей, которые вели свое происхождение от крокодилов, приносили жертву хозяину крокодилов — девушку, чистую, непорочную девственницу. Ее одевали и украшали цветами, как невесту, и сажали на священный камень у реки. Когда какой-нибудь крокодил утаскивал ее, считалось, что она стала его женой.

Сходный обряд, связанный с культом лошади, описан в древнеиндийских священных книгах Веды. Здесь в честь лошади устраивался праздник. Весной по особым приметам выбирали лошадь, которой в течение года оказывали внимание. Она пользовалась полной свободой, могла зайти даже на чужую территорию, за ней должен был следовать почетный эскорт из трехсот принцев крови, ста благородных, ста сыновей чиновников высшего ранга и ста — низшего ранга, а также трехсот старых лошадей. В течение целого года устраивались праздники и жертвоприношения богу Солнца. Затем избранную лошадь торжественно купали, а три первые жены царя натирали ее благовонными мазями и надевали на нее украшения. После этого ее торжественно душили и клали на ложе, на которое вместе с ней в роли ее супруги должна была лечь первая жена царя.

Пережитком подобного же обряда является случай, описанный в 1925 г. в газете «Ленинградская правда», который произошел в Олонецкой губернии. В одной из деревень крестьяне замучились от нападений медведей на скот. И вот, по совету стариков, «чтобы медведя ублажить», они решили сделать «медвежью свадьбу», «девкой отделаться», т. е. отдать медведю девушку «на совесть... как встарь деды делали... самую красавицу». По жребию выбрали девушку, одели ее в наряд невесты и, несмотря на ее сопротивление, отвели в лес к медвежьему логоу, где привязали к дереву, приговаривая: «Не осуди, Настюшка. Ублажай медведюшек. Заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти». К счастью, девушке удалось спастись²⁰.

Идея подобных сверхъестественных половых связей человека с животным, а точнее — с духом в образе животного заложена также в шаманизме. Возможность и даже необходимость половых сношений с духами предписывалась шаманам и шаманкам. Это общение чаще всего происходило во время сна. Духи нередко являлись в облике животных. Один нанайский шаман рассказывал о том, как ему во сне во время болезни явился дух в образе красивой женщины и стал в дальнейшем посещать его. Женщина сказала ему: «Я люблю тебя, мужа нет у меня, теперь ты будешь моим мужем, я — твоей женой...» Шаман рассказывал: «Иногда она является в виде старухи, иногда в виде волка, смотреть страшно! Иногда в виде крылатого тиг-

ра, я сажусь на него, и он возит меня, чтобы показать разные страны»²¹.

Позднейшей трансформацией верований в возможность сожительства человека с животным являются представления о влиянии животных на плодovitость женщины и связанные с этими верованиями обряды. Они были чрезвычайно широко распространены у разных народов в разное время. Так, в древнеегипетском городе Мендесе («мендес» означает «баран») перед изображением бога Осириса в облике барана поклонявшиеся ему женщины обнажались, чтобы приобрести свойственную ему плодovitость.

Во время римского праздника Луперкалий, справляемого 15 февраля в честь бога Луперка (Iupus — по-латыни «волк»), бывшего в прошлом тотемом Лациума, два молодых человека, наряженные в шкуры жертвенных животных, бегали вокруг Палатинского холма, ударяя кожаным ремнем женщин, желающих стать плодovitыми.

Подобные взгляды были свойственны среднеазиатским народам. Самаркандские узбеки верили, например, что ношение с собой полового органа волчицы способствует деторождению. Женщины носили его зашитым в тряпочке за пазухой или на плече. Для облегчения родов роженице клали на постель волчью жилу, надевали на руку или привязывали волчью челюсть, лапу или зуб, давали раствор порошка высушенного волчьего сердца. Бездетные туркменские женщины совершали паломничество к могилам святых, украшенных рогами горных баранов. Они стучали по рогам, и если из них выпадали муравьи, это означало, что у женщины будут дети. Бездетные каракалпакские женщины стремились съесть кусочек мяса тигра, поклонялись его следам, прыгали через его шкуру, прося при этом детей. Такие же обычаи были у узбеков: стоило только охотнику, убившему тигра, появиться в селении, как со всех сторон собирались женщины, не имевшие детей. Чтобы иметь детей, женщины жгли шерсть тигра на огне и окуривали себя, перешагивали через его шкуру, зубы и когти носили в качестве амулетов.

Интересный случай был отмечен в 1950-х годах в г. Нукусе, столице Каракалпакии. Каракалпачки охотно посещали местный краеведческий музей. Случайно обнаружилось, что женщины пролезали под чучелом тигра, когда в зале не было служителей: они надеялись таким образом уберечь себя от бесплодия²². Так же поступали

хорезмские узбечки, проходя перед верблюдом с ритуальной целью, а если запаздывали роды — пролезая под ним; такое же значение имело и перешагивание через новорожденных щенят.

Развитию веры в сверхъестественное зачатие, а также в предков-животных способствовал и суеверный страх перед рождением двойни, почитание близнецов. Раньше считали, что от связи мужчины и женщины близнецы родиться не могут, для этого необходимо соединение женщины со сверхъестественным существом или животным. Поэтому в некоторых местах женщин, родивших близнецов, сравнивали с животными, рождающими по многу детенышей. У зулусов, например, близнецы считались скорее животными, чем людьми. Они жаловались на трудности их воспитания: «Мы знаем, как воспитывать детей, но не знаем, как управиться с животными». У африканского племени гереро в культе близнецов, который был развит очень сильно (существовал целый церемониал по поводу рождения близнецов и по отношению к их родителям), был очень интересный обычай, связанный с представлением о животном характере близнецов. После рождения близнецов родителей удаляли из селения в особое стойбище, где они должны были снять всю свою одежду и надеть звериные шкуры. Родители близнецов у гереро могли питаться только мясом. В Перу шкура животного также фигурировала в культе близнецов: через десять дней после их рождения родственникам предписывалось убить в лесу оленя, сделать из его шкуры накидку, в которой родители близнецов торжественно проходили по селению.

На почве всех этих воззрений развивается культ предков в животном облике: «Там, где душа человека свободно превращается в змею, мышь, пчелу и пр. во время сна, где, по общему убеждению, от человека может родиться зверь, а животное произвести человека, где люди при жизни могут быть обращены колдуном в камни, животные или в деревья, где душа после смерти, покинув свою телесную оболочку, продолжает жить в образе животного или растения — одним словом в эпоху, когда человек еще чувствует себя слитым с природою в одно целое, родоначальник-нечеловек кажется вполне естественным, тем более что сам предок-животное обладает всеми человеческими чертами и даже свободно принимает человеческий образ, в особенности когда он является людям»²³.

Кульť предков был развит у многих народов земного шара. Возникновение его относится еще к эпохе существования материнского рода, эта его ранняя форма связана с почитанием женских предков. Примером является почитание калифорнийскими индейцами птицы сарыч, в честь которой ежегодно устраивали птичий праздник. С обрядом была связана легенда, очевидно позднейшего происхождения, согласно которой птица сарыч раньше была женщиной, убежавшей в горы и превратившейся там в птицу. Ежегодно в честь этой птицы индейцы устраивали торжество, для которого ловили сарыча. Участники праздника несли птицу, плясали и пели. Затем птицу убивали, стараясь не пролить ни капли крови. Шкурку с перьями снимали и хранили, пока их не накапливалось столько, сколько надо было для того, чтобы сшить праздничное платье. Тело птицы хоронили. Вокруг ее могилы собирались старые женщины и оплакивали ее, бросая на могилу зерна и пищу и причитая: «Почему ты убежала от нас, почему ты лучше не оставалась с нами?» После этого в течение трех дней и ночей продолжались пляски. В этом образе слились и женщина, и птица. Обряд совершался как поминки по женщине, в то же время существовало представление, что в каждой птице она вновь воскресает.

Интересный обряд, связанный с почитанием в образе черепах душ умерших родственников, бытовал у мексиканского племени индейцев зуньи. Индейцы считали, что души умерших превращаются в черепах. Раз в год в середине лета на них устраивали охоту. Эта и последующие церемонии были обставлены торжественными обрядами. Индейцы надевали на себя парадные одежды и возвращались домой в масках, с корзинами, полными черепах. Они торжественно вносили черепах в свои дома, где их встречали с радостью и почтением, стараясь узнать в черепахе того или иного умершего родственника. Принесенную в дом черепаху приветствовали со слезами на глазах: «О бедный, погибший сын, отец, сестра, брат, дед! Кто знает, кто ты?» Черепах угощали лучшими кушаньями и напитками, оказывали им знаки внимания. На следующий день с приветственными молитвами и приношением даров черепах убивали. Зуньи не ели мяса черепахи даже и в этом случае. Они хоронили черепах в реке, чтобы те могли вернуться к вечной жизни: мясо и кости складывали и относили в речку, чтобы они возвратились к своим това-

рищам «в темные воды озера смерти»; черепаший панцирь выскабливали и вешали в доме, почитая его святыней. При этом все рыдали и оплакивали своих умерших родственников. Индейцы зуны были убеждены, что после смерти они превращаются в черепах: «Вы говорите, что черепаха умрет; никогда черепаха не умирает, я вам говорю, что она не может умереть; она только меняет свою обитель и пойдет назад в дом своих предков»²⁴.

В этих обрядах видны следы тотемизма и промыслового культа; предки почитаются в данном случае в образах животных. Но отличие от тотемического культа предка-животного уже велико: почитается не само животное, а душа, дух человеческий, хотя и воплощенный в животное.

По-настоящему культ предков развивается уже на основе патриархальных отношений. Наиболее типичен (например, у народов Африки, для которых культ предков особенно характерен) культ мужских предков, причем в образах не животных, а людей. Чем выше уровень развития народа, тем уже меньше животных черт в образе почитаемого предка. Эта особенность находит свое отражение и в мифах. Например, родоначальник племени Булагат у бурят вел свое происхождение от связи быка божественного происхождения и ханской дочери. Бычок был сверхъестественным существом и совершил много подвигов. В позднем же варианте этой легенды Булагат только воспитывался быком. В другой легенде о происхождении племени Шаранут рассказывается: одна девушка родила сына без мужа; стыдясь родителей, она привязала сына к хвосту солового (желтой масти) жеребца, тот поскакал, узел развязался, мальчик упал. Это был родоначальник Шаранутов. Само слово «шаранут» происходит от «шарга» — «соловый», «шаранут» означает «соловенькие». Очевидно, первоначально легенда выводила Шаранутов от связи девушки с соловым жеребцом и только со временем трансформировалась.

У обских угров некоторые локальные группы (например, жители одного селения, генеалогические группы) вели свое происхождение от какого-либо животного или птицы. Позднее эти животные предки стали осознаваться как предки-богатыри. Но в них остались и животные черты: они могли превращаться в зверей-покровителей. Так, манси на Сосьве и Ляпине почитали богатырей в образах жи-

вотных и птиц: в селении Хорумпауль — ястреба (Хор-
тахан-ойка, ойка — старик), в селении Маньинском — утку-
крохалю (нялтуп), в селении Хангалском — соболя (не-
хыс), в селении Межи — орла (юсвой), в селении Сара-
дейском — лягушку (пурипан-эква — старуха лягушка).
Родоначальником манси селения Шомы был богатырь, вы-
ступавший в образе гагары (Шойинг-отыр), такой же ха-
рактер имел родоначальник манси селения Оурья, извест-
ный в образе чайки (ритма). Их изображения хранились
в особых священных местах, им приносили жертвы.

Почитание предков в образах животных, как мы виде-
ли, выражается в жертвоприношениях им, устройстве
специальных празднеств в их честь. Это делается для то-
го, чтобы, во-первых, уберечь себя от гнева предков, а во-
вторых, обеспечить себе помощь и покровительство их.

У некоторых народов существуют поверья о том, что
души умерших могут украсть душу живого. И в общем-то
все испытывают суеверный страх перед покойниками, боясь
возвращения их или их душ. Семанги, например, считали,
что души умерших могут возвращаться домой по ночам в
виде птиц и пугать своих родственников. На могиле нужно
совершать жертвоприношения, чтобы утолить голод умер-
шего, умиловить его, иначе он вернется с того света и
будет мучить живых. Но предок-покровитель в образе жи-
вотного — это сверхъестественное существо, он обладает мо-
гущественной силой и может оказать покровительство, по-
мочь в разных делах, а для этого ему надо сделать что-ни-
будь приятное. У обских угров куски жертвенной пищи
ставили для душ-птиц. Индейцы бороро любили держать
около дома попугаев араара, в которых, по их мнению, во-
площались души умерших: души родственников находи-
лись рядом и не голодали. Зулусы верили в то, что если
увидишь умершего во сне или увидишь змею, можно счи-
тать что умерший доброжелателен и будет покровитель-
ствовать родичам.

Почитание животных, в которых воплощены предки или
их души, включало в себя и кормление их. В Полинезии,
на островах Самоа прикармливали двух акул в маленькой
бухте, куда они приплывали на зов. Самоанцы отожде-
ствляли их с душами двух самоанских родоначальников.
Другие группы самоанцев прикармливали угрей, раков,
голубей. Малайцы кормили крокодилов, считая, что в них
переселяются души умерших.

Животное в мифах и религиозной практике тайных союзов

Тайные союзы или общества представляли собой замкнутые организации, в которые принимали только мужчин определенного возраста. Они были известны у народов Африки, Северной Америки и Меланезии. У каждого союза были свои обряды и церемонии приема в члены союза, свои покровители. Основоположниками тайных союзов, их покровителями считались предки — мифические фантастические существа, чаще всего имевшие животный облик. Типы тайных союзов и их функции были различными у разных народов.

У североамериканских индейцев тайные союзы, или общества, были тесно связаны с родовой или племенной организацией, они выполняли функцию охраны родовых и племенных традиций. У равнинных или степных индейцев (дакота, манданы, омаха и др.) были мужские и женские тайные союзы, называвшиеся по имени животных. У индейцев дакота, например, было общество людей-бизонов. У обществ были свои святыни, так называемые священные узлы, пляски (пляски коня, бизона и пр.), обряды посвящения. В основе обряда посвящения в члены союза лежала идея смерти и воскресения посвящаемого: считалось, что дух-покровитель в образе животного проглатывал его и затем воскрешал. У дакота устраивались пляски-мистерии общества в честь разных духов: животных, птиц, и деревьев. Их символы хранились в священном узле — клок шерсти с головы бизона, пух лебедя, засушенная трава и кора деревьев. В период посвящения юношей в члены тайного союза их готовили к военному делу, большое внимание уделялось физической закалке,

Конь появился в Северной Америке с приходом туда европейцев, но быстро вошел в круг почитаемых животных. С культом коня связаны не только шаманизм, личные духи-покровители, но и тайные союзы. Внутри равнинных племен существовали братства знахарей-ветеринаров. Их покровителем считался конь, являвшийся посвящаемому во сне. Он открывал ему тайны магических приемов и лечебных свойств трав, учил его магической пляске. В то же время считалось, что лошадиная пляска способствует увеличению конских табунов.

У индейцев Калифорнии с культом тайных союзов были связаны обряды посвящения юношей, культ мифических предков союзов в облике животных, пляски животных на праздниках (пляска койота и др.). Во время обрядов посвящения юношей надолго изолировали, испытывали их стойкость голодом. Тайнам союза их обучали шаманы. Развитие имущественной дифференциации в индейском обществе нашло отражение и в организации тайных союзов; в члены союзов стали допускаться только сыновья состоятельных родителей. Вожди селений выбирались преимущественно из членов тайных союзов.

Обряд посвящения в члены тайного союза у индейцев квакиютль проводился в «мужском доме». Мужские дома украшались резными изображениями животных. Мужской дом символизировал проглатывание посвящаемого животным-покровителем. Воспоминания о таких постройках сохранились в мифах. В одном из них герой строит дом, в котором балки имеют вид змеи и волка. У индейцев квакиютль в таком доме проводилась инсценировка смерти и воскрешения посвящаемого юноши: сначала его учили плясать ритуальную пляску, затем вводили в комнату, где на стене был изображен ворон, который открывал клюв, заглатывал юношу, а потом выплевывал.

...Гремят барабаны, погремушки, веселый гул стоит над индейским селением. Посреди площади — празднично украшенный «большой дом» с тотемным столбом перед входом. Сегодня здесь состоится большой праздник, идут последние приготовления. Женщины готовят угощения, дети в радостном предвкушении пиршества и веселья снуют взад и вперед. У мужчин свои заботы — они должны подготовиться к приходу Великого духа — людоеда Бахбакуалануксиве, покровителя их тайного общества Хамаца. Часть из них незаметно скрывается. Удлиняются тени вигвамов, веселей разгораются костры. К ним подходят празднично одетые молодые и старые индианки, они в богатых одеждах, расшитых цветными нитками накидках, ожерельях, подвесках и бусах. Их лица причудливо раскрашены. Старухи курят трубки, ласково журят малышей, которым никогда не надоедает возиться и кувыркаться. Вкусный запах доносится от костров. Но вот со стороны леса слышатся новые звуки: заунывное пение, дробь погремушек. Приближается процессия, пляшут и поют танцоры в масках зверей и птиц, красочны яркие развевающиеся накидки, длинные перья. Но наибольшим великолепием отличается фигура в центре — это сам Бахбакуалануксиве. На нем длинный плащ из яркой шерстяной ткани, украшенный бахромой и многочисленными погремушками из костей морских птиц. На ногах красиво орнаментированные сапоги из замши. Его огромная голова с чудовищной мордой, длинными

Маска члена тайного союза
Хамаца в Северной Америке

коричневыми волосами и вытаращенными глазищами настолько страшна, что все женщины и дети в страхе разбегаются по хижинам. Чудовище в сопровождении свиты проходит по всему селению. Зрителями этого торжественного марша и плясок могут быть только взрослые мужчины, это их праздник. Только когда дух-людоед, схватив очередную жертву, насытится и удалится обратно в лес, можно будет и остальным повеселиться и попить. До позднего вечера будут продолжаться пляски и песни...

Тайные общества ирокезов по своему происхождению делились на два типа: возникшие на охотничьей стадии были связаны с культом животных, а возникшие позднее — с земледельческим культом. Союзам первого типа нередко давались названия животных: выдры, орла, медведя, бизона и др. Целью их было устранение несчастий и лечение болезней. Достигалось это при помощи обрядовых празднеств с песнопениями и плясками.

У южных индейцев Северной Америки культ тайных союзов был тесно связан с почитанием личных духов-покровителей. Члены одного тайного союза должны были иметь одно и то же видение в образе животного — бобра, медведя, ворона. Покровительство члену союза животное оказывало и через части своего тела — шерсть, перья и пр.

Основной цели — лечению болезней — была подчинена деятельность тайных обществ мексиканских индейцев пуэбло. Их покровителями считались также животные, змеи, в их честь исполнялись пляски. Но постепенно союзы стали контролировать жизнь общин. Вождем селения стали избирать главу самого влиятельного тайного союза. Если вначале тайные союзы выражали зарождение и развитие патриархальных отношений и были орудием борьбы с традициями матриархального общества, то теперь они все более стали играть роль средства для обогащения

главарей союза — родо-племенной верхушки. В обрядовой форме проводились обмены подарками, участие в коллективных работах в пользу «брата» (члена союза или братства). У некоторых племен тайные союзы составлялись по возрастному признаку, в другие принимали только прославленных воинов.

Наконец, были специальные братства шаманов или знахарей, например знаменитая «великая медицинская ложа» у оджибве. Эти типы союзов уже мало имели общего с культом животных и далеко ушли в своем развитии вместе с развитием общественных отношений.

Обряды мужских и женских тайных союзов у алеутов описаны русским миссионером-этнографом И. Вениаминовым. Культ их был тесно связан с охотничьим бытом и выражал возникающие при переходе от матриархата к патриархату противоречия. Появление на праздниках тайных союзов лиц другого пола каралось смертью.

Особенно значительного развития достиг культ тайных союзов в Африке, более всего в западной ее части. Здесь зафиксировано более 150 различных тайных союзов. Хотя здесь функции союзов были не менее разнообразны, чем в Америке, почти все они, как правило, связаны с почитанием животных — покровителей союзов. Духи-покровители представлены часто фантастическими, сверхъестественными существами, однако имеющими черты животных. Так, у племени кпелле и менде (Западный Судан) были союзы Леопарда, Змеи, Антилопы, Шимпанзе, Крокодила, Питона; у гбанде (Либерия) — союзы Леопарда и Змеи; у темне (Сьерра-Леоне) — Крокодила и Обезьяны; у боссо-сорокои (Судан) — Льва и Шакала и т. п. В обрядах посвящения и на празднествах фигурировали эти предки-покровители в соответствующих костюмах. Например, глава тайного союза Льва у боссо-сорокои носил маску в виде львиной головы и особый костюм, обертывая ноги кусками львиной шкуры, имитировавшими львиные лапы. Голос его передавался с помощью громадного барабана, который так и называли: «рев льва». Горилла — покровитель союза Гбини — изображалась с помощью длинного плаща и таких же штанов, изготовленных из волокон листьев пальмы рафии, напоминающих косматую шерсть животного. Для большей внушительности и фантастичности спереди привязывалась шкура леопарда, а сзади — множество дощечек, звенящих во время движения. Покровители союзов выступали также

в костюмах и масках леопарда, буйвола, обезьяны, крокодила, слона, рыбы, птицы и пр. В религиозной практике тайных союзов слились воедино обряды посвящения юношей, культ мертвых с его верой в смерть и воскресение, танцы и маскировка, связанные с охотой и культом животных.

Наиболее могущественными в Африке были союзы Поро, или Пурра, Эгбо (Леопарда) в Сьерра-Леоне и Бельгийском Конго. Они осуществляли контроль над жизнью не только отдельных деревень, но и больших областей и стран, вершили правосудие, оказывали влияние на развитие экономики, служа интересам состоятельного населения.

Союз Пурра известен европейцам с XVI в., но возник он гораздо раньше. Он был распространен на большой территории Западной Африки между Берегом Слоновой Кости и Португальской Гвинеей. У каждого племени была своя организация, состоявшая из взрослых мужчин.

...В лесу, на краю поляны, со всех сторон окруженной могучими деревьями, скрыты хижины. На поляне поле и огород. Раннее утро. Солнце золотит листву, птицы приветствуют начинающийся день. Тихо. Безоблачно. День предстоит жаркий. В одной из хижин слышен шорох. Это проснулся Кафи, рослый, здоровый парень. Ему приснились родная деревня, родной дом, мать, сестренка... Давно он их не видел — ведь они живут здесь уже пятый год. Мать, наверно, редко вспоминает о нем...

В то утро он спал рядом с матерью. Ему было двенадцать лет. Набегавшись накануне с мальчишками, он и во сне продолжал свои игры. Под утро сквозь сон Кафи услышал какой-то шум со стороны леса. Но проснуться не было сил. Только когда мать прижала его к себе, он открыл ничего не понимающие глаза. Из леса доносились жуткие крики, стоны и завывания. «Это Великий Пурра,— прошептала с ужасом мать.— Неужели они унесут тебя?..» И она еще крепче прижала его к себе. В селении все, очевидно, уже проснулись, но хранили тишину, никто не выходил из хижин. А звуки, доносившиеся из леса, все приближались. Было страшно, но очень хотелось узнать, каков же из себя Великий Пурра. Давно мальчик ждал его прихода. Некоторые рассказывали, что он настолько страшен, что от одного его взгляда можно умереть, как это случилось с одной из женщин, нечаянно посмотревшей на него. Уже слышались ритмичные звуки шагов приближающейся процессии... Значит Великий Пурра не один. К ритму шагов присоединились дробь барабана, пение гуделки...

Заплакала маленькая сестренка Кафи, и матери пришлось выпустить мальчика. А ему только это и надо было: в мгновение он выполз из хижины и спрятался в кустах. Он слышал, как мать тихо звала его, но знал, что из хижины она не осмелится выйти —

всякую женщину, попавшуюся на пути Великого Пурра, ждала смерть... Тем временем процессия приблизилась к хижинам селения. Да, это действительно были страшные существа: какие-то фантастические звери с оскаленными зубами, великаны с горящими глазами, карлики с птичьими головами... Среди них выделялся один особенно большого роста с длинным лицом, огромными жуткими глазами, перьями на голове, развевающейся бородой и длинными волосами-гривой. Рядом с ним, приплясывая, шла женщина-чудище в леопардовой шкуре. Они были так ужасны, что Кафи уткнулся лицом в землю, лишь бы не видеть их... Наверно, это сам дух и владыка лесов Ланда со своей женой. Рассказы о них шепотом передавали друг другу дрожащие от страха мальчишки.

В одной из хижин раздался вопль ужаса, это, наверно, Пурра унес свою жертву. Кафи уже пожалел, что он не дома, около матери — там не так страшно. Не вернуться ли домой? Он приподнялся, тут же от страха упал на землю и как будто со стороны услышал свой дикий крик...

Больше он ничего не помнил. Очнулся Кафи в лесу. Рядом были его сверстники. Вокруг хозяйничали страшные маски: люди-звери, люди-птицы. Много пришлось пережить: и страхов, и боли, и голода, и тяжелого труда. Шрамы от ран, нанесенных духами Пурра, до сих пор еще видны... Но он все выдержал и вытерпел, даже когда глаза его залепили глиной с перцем, он не закричал...

Старый Ндомо сказал, что из него выйдет настоящий мужчина. Недаром он столько возится с ним, чтобы научить многому, даже такому, что знает не каждый мужчина в их селении. А ведь не все оказались стойкими. Мальчишка Мавака, совсем еще малыш, исчез, и приятель Кафи сказал, что его проглотил Великий Пурра. Кафи не очень-то верил этому. Это женщины и малыши, что остались в деревне, могут верить в то, что Великий Пурра глотает детей. Он-то не такой глупый, чтобы верить этим рассказам. Он уже почти взрослый. За эти четыре с половиной года старик Ндомо ему многое объяснил и показал. Все эти духи и маски страшны для непосвященных. Но Кафи не болтун, он умеет держать язык за зубами. К тому же он отлично помнит, как однажды на площади внезапно появился замаскированный и вооруженный воин и, нацелив копьё на одного из жителей их селения, грозно сказал: «Великий Пурра посылает тебе смерть!» И ведь никто тогда не осмелился помочь несчастному.

Но теперь уже скоро он вернется домой. Кафи умеет не только построить дом, вырастить урожай, вырезать красивую ложку, сплести циновку, он знает тайны некоторых трав и ядов, может лечить болезни и даже... но об этом даже страшно подумать — как бы кто не узнал. Еще год-два, и кончится его обучение, он будет знать все тайны Великого Пурра, даже научится делать маски духов. Он вернется домой, построит себе хижину, выберет в жены красивую девушку и сам будет участвовать в шествиях Великого Пурра...

Прием в члены союза Пурра был обусловлен длительным обучением в специальной школе. Обучение состояло не только в привитии чисто практических навыков (строи-

тельство, ремесла, промыслы, ручной труд и пр.), но и в физической закалке, тяжелых испытаниях. Раз в пять—семь лет происходил отбор мальчиков и юношей в школу, где они проводили по несколько лет под присмотром и руководством старших. В зависимости от положения в обществе родителей мальчика и его способностей его определяли в ту или другую учебную группу: группу простых работников, слуг и рассыльных, группу колдунов либо группу вождей. Непременным условием было сохранение тайны и повиновение старшим; за нарушение этих заповедей грозила смертная казнь. Основные тайны союза — магические приемы, тайны религии, история племени, правила выбора вождей и пр. — оставались, таким образом, известными лишь избранным. Каждый племенной союз имел своего вождя, которого могли видеть только посвященные; им мог быть только мужчина не моложе пятидесяти лет. Вождь будто бы мог убивать и воскрешать людей. Главы местных союзов составляли союз Великого Пурра, управлявший общественной жизнью всех племен. Местные отделения союза разрешали семейные споры, наказывали преступников. Великий Пурра улаживал конфликты, прекращал войны между племенами, наказывал изменников и клятвопреступников. Виновное в военном конфликте племя приговаривалось к разграблению; приговор в исполнение приводили воины в масках, врывавшиеся в селение с факелами и оружием. Власть Пурра была так велика, что даже европейцы прибегали к его помощи. Маски Пурра были громадными и зловещими, они имели вид звериных морд с птичьими перьями. Некоторые из них весили до десяти килограммов. Чтобы носить такую маску и еще танцевать в ней, надо было много тренироваться.

Союз Эгбо (Леопарда) в Южной Нигерии тоже играл большую роль в жизни племен. Он постепенно сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Его руководители, разбогатев на эксплуатации своих соплеменников, рядовых членов союза, управляли даже торговлей.

...Жаркий африканский день и яркие краски базара. Везде цветастые наряды, горы овощей и фруктов, громкие крики торговцев, зазывал и нестройный хор торгующихся. От жары высунули языки собаки. Буйволы лениво жуют жвачку. Кudahчут куры, горланят петухи. С ношей на голове проплывают белозубые чернокожие женщины. Торговля в самом разгаре. И вдруг грохот барабанов и шум трещоток врываються на площадь. Все в страхе замирают,

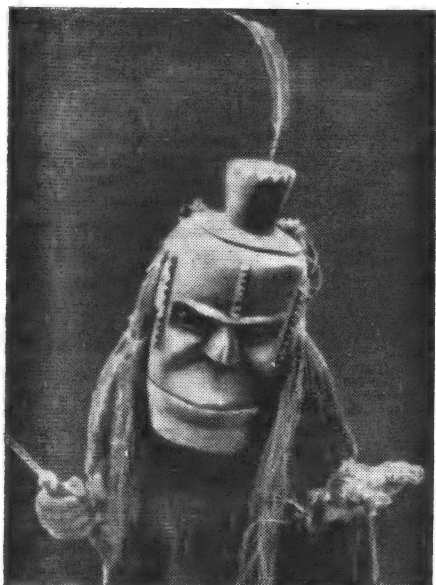
кто-то прячется под телегу, за корзины с апельсинами. На площадь выскакивают пляшущие фигуры в масках и развевающихся одеждах. Они кружатся между рядами и время от времени выкрикивают в такт барабану: «Эта курица отныне должна стоять только четыре связки табаку!», «За корзину земляного ореха только две связки табаку!», «За кисть бананов только одну связку табаку!» С пением процессия обходит весь базар, назначая цену всякому товару. В стремительном танце движется ряд масок, злобных и смешных: вот оскаленная морда леопарда, там потешный петушинный хохол трясется в ритм с трещоткой, еще дальше какое-то фантастическое полуживотное-получудовище с белыми остекленевшими глазами. Не скоро еще после их ухода придут в себя покупатели, и продавцы...

Всякий нарушитель правил, установленных союзом Эгбо, жестоко наказывался. На этом была основана его власть. Самым жестоким образом преследовали правонарушителей, не умевших хранить тайны, и даже тех, кто случайно попадал на территорию союза или на дорогу торжественной процессии. Союз имел свою территорию и общий дом для совещаний и обрядов посвящения в члены союза. Стены его были расписаны изображениями животных-покровителей и духов. Вступление в союз было возможным лишь по внесении определенной суммы денег в кассу союза. Союз распадался на несколько групп, переход из группы в группу также был обусловлен денежными взносами.

Союзы Леопарда были наиболее террористичными. Например, общество Леопарда в Бельгийском Конго прославилось своими расправами с неугодными ему лицами. Приговор приводил в исполнение один из членов союза по имени Аниота. Он надевал на себя плащ, раскрашенный под шкуру леопарда, и маску из луба. При нем были также специально сделанные железные когти, которыми он разрывал свою жертву, и жезл с вырезанным на нем изображением лапы леопарда.

Замаскированный таким образом Аниота глубокой ночью проскальзывал в хижину обреченного, спавшего глубоким сном и ничего не подозревавшего, разрывал своими «когтями» сонную артерию своей жертвы. Затем он делал на земле отпечаток лапы леопарда и спокойно удалялся. Наутро родственники убитого, прекрасно знавшие, кто совершил казнь, обвиняли во всем леопарда, страшась мести тайного союза.

Относительно союза Леопарда в Либерии существовало мнение, что его члены могут превращаться в леопар-

Маска члена тайного общества людей-леопардов в Южной Нигерии

дов, для чего им надо только надеть шкуру леопарда, обуть ноги в туфли из леопардовой шкуры и нацепить на руки железные когти.

Весьма устрашающим было также общество Леопарда в Сьерра-Леоне. Здесь были также общество Крокодила, общество Бабуинов, террором устрашавшие соплеменников. Прием в члены обществ был обставлен мрачными деталями: после клятвы о сохранении тайны на теле посвящаемого выжигались особые знаки. Члены обществ носили при себе части шкуры бабуина или крокодила. Общество Крокодила расправлялось со своими противниками при помощи специально сделанной подводной лодки в форме крокодила. Ее нос имел вид головы крокодила, лопасти для движения — вид лап. В этого «крокодила» входили шесть человек команды. Сооружение, имея на поверхности лишь голову крокодила, незаметно подплывало к берегу. Избранная жертва утаскивалась под воду. Для освящения такой лодки-крокодила в жертву также приносили человека.

Общество Леопарда в Сьерра-Леоне возникло давно, о нем европейцы узнали в 1854 г., когда один африканец был сожжен живым своими соплеменниками в Порт-Локко

«за то, что превратился в леопарда». С тех пор это общество наделало много шума. Оно даже вступило в борьбу с европейцами, за что и было запрещено ими в 1892 г. Членам союза было запрещено иметь при себе атрибуты общества — специальную одежду, шкуры и когти леопарда. Однако загадочные убийства со следами лап леопарда рядом с убитыми продолжались. Состоялось несколько процессов над главарями общества, но это ни к чему не привело. Убийства людей продолжались как с целью убрать ненужных свидетелей и неугодных лиц, так и с целью добычания человеческой крови для освящения сумки «борфима», в которой хранились святыни общества, в том числе куски трупов жертв, убитых членами союза.

...Безмолвные фигуры пробираются в сумраке леса. Крадутся, пружинящие шаги не дают хрустнуть ни одной ветке. Так кошка или леопард подкрадываются к своей добыче. Открываются небольшая поляна и притаившаяся в густых ветвях деревьев хижина. Одна за другой исчезают в ней фигуры...

Входящие в хижину как-то по-особенному вращают глазами: это люди-леопарды, подающие друг другу знаки. Сегодня они собираются для важного дела: предстоит окропить кровью магическую сумку «борфима» и принять еще одного члена общества. Уже давно не погибали люди от когтей леопарда, но сегодня один из них уже побывал в крайней хижине селения, и вот труп лежит здесь. Этот парень несколько раз кричал, и довольно громко, что люди-леопарды убивают неугодных себе людей. Вот и докричался... В хижине тесно, здесь уже несколько десятков человек. Пора начинать. Громко прокричал петух, и тишина взорвалась громом барабана — это знак, что вошел главный «леопард». Он в зловещей маске, в руках у него сверкающий меч. На сооружение вроде стола выкладываются святыни «борфима»: куски человеческого тела, горстка риса, окропленная кровью петуха. Блеснул меч, и покатилась голова обреченного. Теперь можно окропить «борфима» свежей кровью и жиром. Отскакивают куски тела, звучит заунывное пение, глухие удары барабана и вдруг — резкая дробь трещотки. В хижину ввели новичка. Где-то далеко прокричал петух, залаяла собака. И снова все затихло. В тишине глухо звучат слова клятвы коленопреклоненного неофита — будущего члена общества. Его рука вытянута по направлению к «борфима», внезапно дрожит, пробежала по ней — один из «леопардов» сделал на ней метку специальной иглой. Для непосвященных это обыкновенная парापина, а для «леопардов» — отличительный знак. И снова — шум трещоток, гром барабана, завывания, перемежающиеся рыканием леопарда. Ритмичное покачивание в такт музыке всей толпы завораживает — и все самозабвенно несутся в стремительной пляске...

Тихо и сумрачно в деревне. В крайней хижине безутешна молодая вдова, плачет старая мать... Мужчины переговариваются в стороне от хижины. Они мрачны, разговаривают вполголоса. Им не очень-то верится, что соседя похитил зверь...

Только после исполнения кровавых обрядов сумка «борфима» могла охранять и обогащать своих почитателей. Для роли убийцы выбирали кого-либо из членов союза, а труп убитого делили его члены. Даже среди европейцев, долго живших в Африке, существовали поверья о том, что между каждым новым членом общества и настоящим леопардом во время церемонии посвящения возникает «кровная связь»; когда умирал человек-леопард, находили мертвого леопарда, и наоборот.

Как полагает С. А. Токарев, в Меланезии почти шаг за шагом можно проследить развитие тайных союзов из системы первобытных инициаций. Здесь отмечены переходные от инициаций к тайным союзам так называемые тайные культы и в то же время прослеживаются связи с тотемизмом. Члены тайных союзов придерживались определенных пищевых запретов. Например, члены союза Ингьет на архипелаге Бисмарка не употребляли в пищу мяса свиньи, черепахи, акулы и пр. Обрядовая сторона деятельности тайных союзов в основном связана с возрастными инициациями юношей. Сущность их состоит в следующем: «1) Все мальчики, достигшие переходного возраста, подвергаются ритуалу «посвящения»; 2) «посвящение» состоит в обязательной изоляции мальчиков, особенно от женщин, в наложении различных табу, в операции обрезания и пр.; 3) ритуал и все принадлежности строго табуированы для женщин и непосвященных; имеются сведения, что женщину убивали даже за то, что она случайно увидела священную флейту, употребляемую при инициации; 4) женщинам и всем непосвященным внушается, что посвящаемых мальчиков проглатывает дух-страшилище, который потом выплевывает их назад (будучи задобрен жертвами — свиным мясом и т. п.); 5) посвященным мальчикам строго внушается хранить в полной тайне от непосвященных все, связанное с обрядами; за разглашение тайны им тоже грозит смерть»²⁵.

Обряды посвящения в члены общества в Меланезии весьма сходны с подобными обрядами в Америке и Африке, хотя и имеют некоторые отличительные детали. Они символизировали смерть и воскресение посвящаемых, которое представлялось как похищение их духами предков, выступавшими в образах животных. Инсценировка этого обряда проходила в специальных помещениях, своей формой на-

поминающих животных. В Новой Гвинее, например, дом для посвящения сооружался в виде чудовища-змеи Барлум, которое поглощает юношей. Вход в специальные сооружения для посвящения на архипелаге Бисмарка называется пастью акулы, на острове Серам (Океания) — пастью крокодила или клювом казуара. Непосвященные (женщины и дети) считали, что посвящаемых, вошедших в эти сооружения, проглатывает животное, разрывает их на части и лишь потом воскрешает полноправными членами союза.

Сюжет о проглатывании героя рыбой, акулой широко распространен в сказках народов Океании. Например, героя меланезийской сказки Камакаджаку жители небесной деревни спрашивают, откуда он. Он отвечает: «С Земли. Я там живу. Когда я набирал морскую воду, меня проглотила большая рыба. Я распорол ей брюхо и очутился у вас». Интересно, что этот сюжет характерен для сказок и других народов, в том числе русских. Сказочный мотив пребывания героев внутри кита или рыбы («Ивана щука-рыба заглотнула и вынесла к берегу и выблевала. Иван и пошел»), очевидно, является отголоском этого древнего обряда. Любопытно в связи с этим, что в одной из сказок вместо замка на воротах, ведущих к избушке бабы Яги, — рот с острыми зубами. Да и сама избушка на курьих ножках, по всей видимости, — вариант обрядового сооружения в форме животного или птицы.

В Меланезии начало обряда посвящения обставлялось шумовыми эффектами. Услышав шум трещоток, все население в ужасе разбегалось. Из леса выходили существа, замаскированные птицами или животными, хватали посвящаемых юношей и уносили их в лес. Звуки трещоток женщинам объясняли как звуки ящерицы, проглатывающей посвящаемых. Им говорили, что дух проглотил юношей и вернет их лишь после жертвоприношений. Иногда инсценировка смерти проводилась прямо на глазах непосвященных: «С наступлением назначенного дня сельский маг потрясает трещоткой по направлению к юношам, которые падают замертво. Их одевают в погребальные одежды и уносят в загороженное место вне деревни... Предполагают, что эти мертвецы разлагаются и что маг-волшебник собирает кости и возвращает юношей к жизни»²⁶. О посвящаемом думают и говорят, что он ушел в мир духов, в преисподнюю или на небо.

Сверхъестественные духи (кайи), по поверьям меланезийцев, покровительствуют членам тайного союза, являясь им в образе змей. В меланезийской сказке мужчина попадает к ним в гости на маравот — обрядовую площадку союза: «Они пошли и пришли на маравот к кайям. Кругом было полно змей вальвалир. Некоторые кайи обвязали змеями свои головы. Другие надели змей на ноги. У третьих они заменяли руки. Иные кайи обмотали змей вокруг своей шеи. Некоторые сами выглядели как змеи, но с лицом человека. Другие же были змеями только посередине: их туловище было змеиным, а руки и ноги — человеческими. При этом они отливали всевозможными цветами.

Кайи исполняли обрядовый танец. Земля качалась. С треском валились деревья. Водяной кайя повел гостя обратно. Он сказал ему: «Ты не бойся. Мы, кайи, — настоящие люди, точно такие же, как и вы. И пусть эти змеи не смущают тебя. Они служат нам вместо одежды. Когда мы куда-нибудь идем, мы повязываем их вокруг шеи. И когда встречаемся с вами, то одеваемся змеями»²⁷.

Смерть и воскресение инсценировались не только для непосвященных; и для самих посвящаемых целый ряд обрядов и испытаний казался смертью. Чтобы испытать мужество и выносливость посвящаемых, сначала их подвергали разным жестоким испытаниям и даже пыткам, мучая болью, голодом, жаждой, темнотой, страхом (им наносили раны, отрубали пальцы, обливали кипящей водой, наносили клейма на кожу, заставляли проползать через крапиву и т. п.), что должно было вызвать у них состояние, близкое к смерти.

Этому способствовали также специальные снотворные, нередко ядовитые напитки. Символически их даже сжигали, варили, жарили, изрубали на куски (раньше для этой цели убивали рабов или военнопленных). При этом посвящаемые не имели права выразить свои страдания ни единым звуком. Во время этих мучительных операций юноша впадал в полубезумное состояние, беспамятство, забывая свое имя, родителей, так что действительно верил в свою смерть и последующее воскресение. В довершение всего его символически ослепляли, залепляя глаза специальным известковым раствором с примешанным к нему перцем и покрывая все тело белой массой. Временная слепота и белый цвет тела были признаками смерти посвящаемого. После обмывания тела и прозрения наступало на-

стоящее воскресение. Вкушением пищи юноша отверзал уста, он как бы вновь рождался.

В число физических испытаний возрастных инициаций при вступлении в тайный союз нередко входило и обрезание: «Так как одна из важнейших сторон системы инициаций состояла во временной изоляции посвящаемого от женского общества и во внушении ему строгой половой морали, то наиболее правдоподобно предположение, что смысл обрезания вначале как раз и состоял во временном лишении подростка половой способности и, тем самым, как бы в физическом ограничении общения с женщинами»²⁸. После обряда инициации юноша получал новое имя, становился полноправным членом группы и мог вступать в брак. Возвращение юношей после инициаций домой имело форму драматического представления, в некоторых случаях разыгрывалась пантомима, в которой изображались смерть и воскресение посвящаемых. При этом они вели себя как маленькие дети, которые, только что родившись, ничего не умеют делать и всему учатся заново — ходить, говорить, добывать пищу.

Среди меланезийских тайных союзов были и такие, где руководство союзов было резко отделено по своему имущественному и общественному положению от рядовых членов союзов. Наиболее развитыми были тайные союзы на острове Новая Британия (Дук-Дук и Ингиет) и на Банксовых островах (Сукве и Тамате). Культы тайных союзов связаны с культом предков, так как дух-предок покровительствует членам союза. Тайный союз Дук-Дук осознавался как общество духов («дука» — умерший). В то же время дух Тубуан, патрон инициаций этого союза, известного своими впечатляющими мистериями, в прошлом был птицей. Его костюм был сделан из пальмовых листьев и имел форму шара, ноги оставались голыми. Конусовидная маска увенчивалась пучком перьев какаду. Некоторые маски меланезийских тайных союзов были коллективными: их могли носить лишь несколько десятков человек, так они были велики. Рост танцоров в масках искусственно увеличивался благодаря ходулям в несколько метров длиной, руки удлинялись с помощью бамбуковых палок и пучков рафии. Вид таких масок был поистине ужасающим, особенно для непосвященных.

Как социальная организация союз Дук-Дук представлял собой орудие господства богатых руководителей союза

над остальным населением, средство накопления богатств, форму организации власти над племенем.

Таким образом, культ тайных союзов, связанный с почитанием духов-покровителей в образах животных, в то же время тесно связан с такими формами религии, как тотемизм, культ личных духов-покрови елей, культ предков, шаманизм. С тотемизмом его особенно сближают пищевые запреты и инициации. Но следует отметить, что на этой стадии развития почитания животных меняется отношение к нему. Если в тотемических представлениях животное близко и родственно человеку, то здесь оно выступает скорее как средство запугать население, придать фантастический вид почитаемым духам. Животные здесь выступают уже не в качестве предков, а в виде символов или атрибутов духов-предков. Инициации тоже в значительной степени изменились по сравнению с тотемическими в сторону более запугивающего их значения. Например, если в обряде тотемических инициаций, описанном у австралийцев Спенсером и Гилленом, человека помещали в символическую печь — вырытое в земле углубление — и изображали мимикой и звуками, как он жарится, то у гвинейских негров такой же обряд посвящения в тайный союз выполнялся более натурально и жестоко: юношей держали на огне по 4—5 минут, так что они получали настоящие ожоги. Посвящение в тайные союзы было связано, с одной стороны, с подготовкой юношей к жизни, с их воспитанием: их обучали трудовым навыкам, тренировали физически; с другой стороны, посвящение было обставлено магическими обрядами, сопровождалось физическими мерами воздействия, для того, чтобы держать в повиновении как посвященных рядовых членов союза, так и непосвященную часть населения.

Возникнув на стадии разложения первобытнообщинных отношений, возникновения и развития патриархальных отношений, тайные союзы из средства борьбы с матриархальными традициями, охраны племенных традиций превратились в орудие господства богатых над бедными. Женские тайные союзы и общества, хотя и были известны у некоторых народов, не развились в значительные и влиятельные организации. Они в еще большей степени, чем мужские союзы, имели сходство с возрастными инициациями девушек и в основном готовили их к будущей семейной жизни матерей и хозяек. Там, где пережитки матриархальных отношений были еще сильны, женские союзы пыта-

лись соперничать с мужскими во влиянии на общественную жизнь, но вынуждены были уступить. Как мы видели, мужские союзы или общества играли такую большую роль в жизни племен, что вершили правосудие, оказывали влияние на развитие экономики, регламентировали всю жизнь племени, т. е. стали органами власти. Вместе с тем они не перестали быть религиозными организациями, поскольку вся их власть была основана на определенных религиозных воззрениях, среди которых наиболее любопытным является почитание духов в облике животных.

Культурный герой и племенной бог с чертами животного

С распадом первобытнообщинных отношений, с развитием племенной организации формируются и племенные культы — культы племенных богов. Формирование образов племенных богов шло сложным путем, через образы культурных героев, творцов-демиургов, небожителей. В то же время сложение образов культурных героев и творцов мира и людей было связано с мифологическими образами тотемов-предков и патронов-учредителей инициаций, нередко с чертами животных. Эти особенности прослеживаются еще на представлениях некоторых австралийских племен. Вот как, например, в одном из австралийских мифов (племени аранда) рассказывается о сотворении мира: «В период Алчеринга страна была покрыта водой. После того как вода была отогнана людьми на север, на Земле существовали бесформенные и беспомощные существа — инапертва. Это были не мужчины и не женщины, вернее, мужчины, смешанные с женщинами, которые, находясь группами в воде, принимали различные формы. Они не имели ни определенных очертаний, ни органов зрения, ни слуха, ни обоняния и не ели пищи. Затем с Севера появились два существа Ингамбикула (т. е. «из ничего» или «самосуществующие») и придали им человеческий вид, отделив мужчин от женщин, сформировав ноги, руки, отделив пальцы, прорезав им глаза, рот. Эти «доделанные» люди принадлежали к различным тотемам и превратились в тотемных животных и растения. Оформители тоже превратились в породу ящериц»²⁹. В мифе другого племени (яурорка) герой более определен, это мифическое существо мура-

мура по имени Паралина. Он, заметив на земле четыре «незаконченных» существа, «разгладил их тела, вытянул их члены, отделил друг от друга пальцы на руках и ногах, сделал им рты, носы и глаза, проткнул уши и дунул в эти уши, чтобы они могли слышать. Наконец, он просверлил тело от рта вниз и просунул туда кусок твердой глины с такой силой, что она прошла сквозь тело и образовала ягодицы. Сделавши таким образом из этих существ людей, он стал странствовать, повсюду делая людей»³⁰. В другом мифе мура-мура выступает как патрон инициаций: случайно обрезав себя и обнаружив, что теперь он стал «настоящим мужчиной», он вместе со своим товарищем отправился в путь, повсюду обучая людей обрезанию с помощью каменного ножа.

С развитием культуры народа расстояние между человеком и животным в его представлении увеличивается. Растут и отличительные черты животного-предка или покровителя, все более отделяющие его от животного мира и приближающие к человеку. Его родословная обрастает все большим числом легенд и мифов. Он становится культурным героем, творцом мира, создателем и благодетелем людей.

Культурный герой — это мифологическое лицо, которому в легендах и преданиях приписывается введение каких-либо обычаев и обрядов, обучение людей пользованию огнем, культурным навыкам и т. п. Мифы как бы объясняют, почему так почитаем данный герой с животным или полуживотным обликом. Отметим, что животный облик культурных героев характерен для мифологии различных народов. С развитием общественных отношений, ростом культуры облик культурного героя становится все более очеловеченным, хотя и сохраняет сначала некоторые животные черты, а потом — связь с животным или птицей, что объясняется уже новыми мифами и легендами, приспособленными к современности.

Образы культурных героев у многих народов связаны с тотемическими в прошлом предками и имеют облик или черты животных, птиц и т. п. Так, у индейцев квакиютль бывший тотем одной из фратрий — человек-ворон — является культурным героем (Великий Ворон). Мифы рассказывают, как он подарил людям солнце, научил разным полезным вещам. У индейских племен Центральной Америки такую же роль играет койот. В некоторых случаях

мы видим, что образы культурных героев еще только складываются — это еще животные, но действуют они, как люди. Чаще всего герой мифа, бывший тотем, оказывается культурным героем, похищающим огонь у хранящих его духов и отдающим его людям: у квакиютль — ворон Иелх достал огонь на одном из островов, хотя и обжегся при этом; у нутка — дятел украд огонь у волков, которые владели огнем, добывая его трением; у других групп индейцев — олень приносит людям огонь. На острове Таити огонь добывают цапля и птица отатаре. У народов Сибири это медведь (у хантов и манси — бурый, у ненцев — белый). У ненцев почитание белого медведя связано с поверьем, согласно которому белый медведь научил их пользоваться огнем. Ворон (Кутх — у чукчей и камчадалов, Иелх — у американских индейцев) или кит (у коряков), судя по легендам, тоже похитили огонь у духов и передали его людям. Эти представления, равно как и почитание этих героев с чертами животных, характерны уже не для родовых или фратриальных групп, а для целого племени или даже народа. В этом случае в образах животных-героев прослеживаются черты племенных божеств.

Бывший тотемический предок выступает в качестве культурного героя и миротворца у индейцев тлинкитов. Это ворон Эль. С его именем связаны мифы о мироздании и начале культуры у тлинкитов. В них соединены легенды и о чудесном рождении, и о потопе, и об изобретении огня, и о борьбе с другими героями, бывшими тотемами. Во время потопа, который вызвал один из дядей Эля, последний спасся, ухватившись за облако. Огнем и водой ведал Ханух-волк, бывший в прошлом другим тотемом тлинкитов. Ханух-волк был старше Эля-ворона и опытнее в искусстве волшебства, но Эль-ворон благодаря своей ловкости и умению летать победил его и похитил у него огонь и воду. При похищении огня Эль сжег себе клюв, но донес горящую головню до тлинкитов и таким образом добыл огонь людям. На примере этого мифологического героя можно проследить, как из тотема он превращается в культурного героя, а затем — в племенное божество.

У северо-западных индейцев Ванкуверовых островов творцами мира и людей являлись высшие существа-герои, которые создали людей из животных. Индейцы считали, что мир был создан и сначала населен только животными и

птицами, в которых жили души индейцев. Однажды, когда к острову приблизилась лодка с незнакомыми людьми, все животные и птицы, испугавшись их, убежали или улетели в горы и леса, а души индейцев, живших в них, остались. Так будто бы произошло отделение людей от животных и образовалось население Ванкуверовых островов.

Превращению бывших тотемов в культурных героев, а затем в божества, почитаемые представителями не только одного рода или одной фратрии, но всего племени, а иногда и шире — всем народом, способствовало разрастание племен, рост их могущества и влияния на соседей. Таким божеством стал, например, первоначально один из тотемов индейцев алгонкинов Заяц или Кролик, позднее — высшее существо в Виргинии, Южной Каролине, на побережье Гудзонова залива. Его называли Великим Зайцем (Великий дух — Большой Заяц), начальником жизни. Вокруг него были сгруппированы мифы о мироздании. Хотя он и представлялся своим почитателям в зверином виде, он выступал в роли творца мира, божества, живущего там, где восходит Солнце; с ним жили души добродетельных людей. Ему приписывалось изобретение рыболовных сетей, уничтожение духов-людоедов, угрожающих людям, и даже — создание тайного союза Мидевивин (общества знахарей). Он был огромного роста и одним прыжком способен был покрыть большое расстояние. В нем прослеживается зарождение черт племенного бога.

Героями мифов народов Океании выступают мифические люди, иногда с чертами тотемов (Тагаро-ястреб, Нденгеи-змея), о них в мифах говорится, как они создали мир, людей, научили их пользоваться различными вещами. Особенно хорошо известен герой полинезийцев Мауи. В мифах о нем и его братьях говорится, как он рыболовным крючком достал остров со дна моря и таким образом сделал Землю, как добыл огонь, заставил Солнце двигаться медленнее и т. п. Творцами людей у народов Меланезии выступали также собаки и аисты.

Племенные божества в образах животных и птиц почитались в древности арабами.

К чертам демиурга, культурного героя и учредителя инициаций нередко присоединяются также и черты небесного мифического существа, олицетворяющего явления природы — Солнце, звезды, небо. Например, один из распространенных фратриальных тотемов юго-восточных пле-

мен Австралии, клинохвостый орел, выступал у некоторых племен в образе героя Бунджила. Мифы рассказывают, что некогда он был человеком, жил на Земле и научил людей всем искусствам, ввел брачные правила, разделив людей на брачные секции (классы), установил племенные обычаи и даже создал людей и «сделал все вещи». Он не только создал мир, но и был призван карать зло. Он был женат, имел сыновей и посылал их умерщвлять злых людей, убивающих его почитателей. Но наряду с животными и человеческими чертами в нем проглядывают и черты небесного существа. В образе другого творца мира и культурного героя, Нуралие, являвшегося и покровителем инициаций, слились черты тотемов двух фратрий западно-австралийских племен — ворона и клинохвостого орла. Про него рассказывали, что он раньше жил на Земле, потом поднялся в небо и превратился в созвездие. Черты культурного героя, творца мира, учредителя и покровителя инициаций, одновременно олицетворяющего природу, прослеживаются и в образе бушменского Ц'агна, бывшего тотема. Вместе с тем в нем видны черты племенного божества.

...Уже давно нет дождей. Земля высохла и потрескалась, трава выгорела, листва на деревьях пожухла... «Надо просить Великого Ц'агна о милости», — думает старик бушмен, сидящий у порога своей хижины. Знаком подзывает он к себе соседского мальчишку и что-то говорит ему. Тот стремглав бросается от хижины к хижине и, крикнув в дверь несколько слов, убегает дальше. На зов старого бушмена приходят другие старики. Медленно рассаживаются они в кружок. Идет обсуждение предстоящей церемонии. Да, настала пора пляски... К вечеру надо закончить все дела и отдохнуть — возможно, всю ночь предстоит петь и плясать...

Ярко блестят звезды на небе. К ним возносятся слова ритуальной песни. Бьют барабаны. Вот уже несколько часов все жители селения пляшут и поют, взывая к Ц'агну: «О Ц'агн! О Ц'агн! Разве мы не твои дети, разве ты не видишь нашего голода? Дай нам пищи!» Нет, Ц'агн не оставит их в беде. Ведь он велик и всемогущ. Он их прародитель-кузнечик, он создал первых людей на Земле, которыми были животные и небесные светила. Людей-животных он превратил в настоящих людей — бушменов. Он не даст погибнуть от голодной смерти им и их семьям. У него самого есть семья — жена-крольчиха, сестра — голубая цапля, дети — кузнечик и дикобраз... Надо еще громче петь и дружнее плясать — тогда он услышит их... «О Ц'агн! О Великий Ц'агн!..» Гремят барабаны, еще громче звенят песни и вдруг — кто-то падает от изнеможения, кровь льется у него из носа... Значит, Ц'агн уже услышал их, это его знак. Теперь есть надежда — будет дождь...

Божества, в облике которых проглядывают черты медведя, — ненецкий Нум, обско-угорский Нуми-Торем — являются также создателями мира, прародителями людей, а кроме того, олицетворяют небо. В чертах Нуми-Торема уже видны черты племенного божества. Божество семангов Кари, почитавшееся в образе обезьяны, олицетворяло грозу.

Если первоначально человек, не выделяя себя из природы, склонен был все оживлять, одухотворять, то позднее возникают представления о двойной природе вещей — внешней, материальной, и внутренней, духовной. Развитию подобных взглядов способствовали такие формы религии и верования, как культ личных духов-покровителей, шаманизм, вера в оборотничество, представления промыслового культа о духах-хозяевах, в переселение душ в животных, птиц и т. п. На этом уровне развития почитается уже не само животное, а его «хозяин» или дух в его облике. У разных народов развиваются какие-то определенные формы религии, при этом они тесно связаны друг с другом и переплетены. Характерным примером является эволюция образа бизона у североамериканских индейцев манданов и дакота.

...Далеко по прериям растянулась живописная процессия. В красочных высоких головных уборах из перьев, в доспехах, с оружием едут верхом индейцы, с ними женщины и дети. Все празднично разодеты и украшены: нарядны бизоньи накидки с хвостами бизонов, замшевые штаны, платья из шкур лося, ноговицы из замши — и все расшито бисером, иглами дикобраза, украшено разноцветными кусочками кожи. Много дней трудились женщины над этими нарядами. Зато теперь не стыдно ехать на самый большой праздник — пляску Солнца.

Впереди едет красивый мужественный индеец с копьем, луком и щитом. На щите его — бизон. Окончился сезон охоты на бизонов, он был удачным в этом году. Много мяса насушили женщины, год не будет голодным. Есть чем справить и праздник. Бизон кормит индейцев. Бизоны — это «люди Солнца», предстоящий праздник будет в их честь. Вон, вслед за первым индейцем на коне едет женщина. Ее наряд особенно великолепен и красочен. Это Синий Цветок, два года назад она дала обет устроить этот праздник. К ее седлу прикреплена волокуша с целой горой высушенных бизоньих языков. Ведь без них праздник — не праздник. Два года ее помощницы сушили их. По обычаю, она эти два года постилась и проходила очищения — сейчас ее особа священна: завтра на ее голову наденут священный головной убор. Пока он находится в племенной святыне — священном узле, который везет самый старый охотник их племени.

Завизжали, залаяли собаки и помчались в сторону, в высокую траву, верно, учуяли неосторожного сурка или еще какую-нибудь

добычу. Много празднеств повидал на своем веку старый охотник. Он еще помнит, как праздники в честь Солнца устраивались каждый год после сезона охоты. На его глазах пополнялся священный узел племени черноногих — шкурками белки, ласки, кожей барсучка, сумками из бизоньей шкуры. Эти святыни хорошо служили племени, неудачи не преследовали его охотников и воинов. Пищи всегда было вдоволь, особенно — вкусного и сочного бизоньего мяса. Его дети выросли и обзавелись своими семьями, внуки уже учатся незаметно подкрадываться к бизонам и разить их копьём. Но в последние годы бизонов стало меньше. Белые люди с огненными ружьями ради крепких бизоньих шкур убивают целые стада бизонов... Потому и трудно стало устраивать празднества ежегодно...

Осень, высокая трава прерий уже желтеет. Много угощений ждет сегодня танцоров, а лучших из них — самое вкусное лакомство: спелая рябина. Все племя сейчас в сборе, давно не видел он своих друзей. А некоторых уже нет с ними... Целую неделю они будут вместе петь, плясать и пировать, наверно, не раз они вспомнят свою молодость. Задумался старый индеец, вспомнил юность и пляски бизонов... Высоко в небе парит орел. Тихо в прериях. Но что это? Торжественный клич раздался впереди, он и не заметил, а, кажется, уже прибыли на место... Теперь скорей за работу — ставить вигвамы, разжигать костры, готовить пищу. Вечером начнутся пляски...

Пляшут «бизоны», стремительно развеваются их хвосты, в такт пляске ритмично покачиваются рога, пляшут меткие и ловкие охотники с луками, копьями и щитами... Большой праздник начался...

Сначала бизон известен как тотем манданов и дакота, позднее у них появляется тайное общество бизонов, члены которого тоже подражают бизону на праздниках и рядятся под него. Затем изображение бизона фигурирует на праздниках Солнца вместе с изображениями Солнца и ночи. Праздники — пляски Солнца — в честь Солнца и бизонов состояли из шествий, бизоньих плясок, торжественного поедания мяса бизонов и жертвоприношения бизонов.

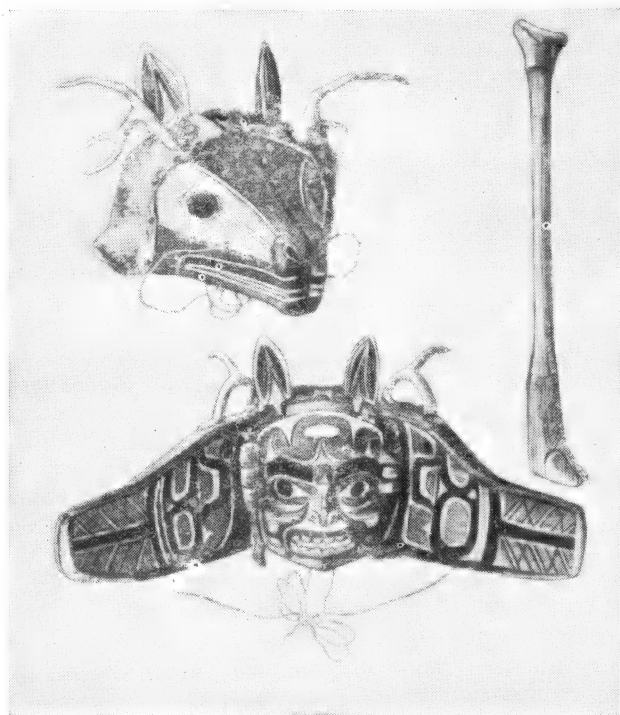
Со временем появляется уже человекоподобный образ духа плодородия, от связи с которым женщина рождает бизонов. Дух изображен с бизоньим хвостом, в честь его устраиваются пляски. Танцоры изображают бизонов, но, кроме того, на спине носят связку ветвей и листьев ивы, что должно символизировать призыв дать дождь и цветение растительности. Празднество и культ бизона и Солнца носили племенной и даже межплеменной характер. Так бывший охотничий тотем становится атрибутом земледельческого культа, а образ бизона постепенно утрачивает свои животные черты.

Чувствуя разницу между собой и миром животных, человек хотя и верил в их сверхъестественные свойства, но приписывал их уже не самому животному, а особому духу, которым наделен только человек. В мире божеств начало преобладать сверхъестественное существо в образе человека. Если оно и выступает в образе животного, то это доказывает только его сверхъестественные способности. Так интерпретируется теперь его способность превращаться в животное. «Лишь тогда, когда человек постепенно начнет осознавать свое превосходство над природой, является у него естественное стремление к антропоморфизации божеств вообще и в частности своего зверя-предка. Прежние мифы ему кажутся абсурдными; но они слишком тесно соединились с его мирозерцанием, чтобы можно было ему сразу порвать традиционные узы, установленные рядом предшествовавших поколений, и отбросить их, как детскую сказку. Разрыв с внедрившимися верованиями не происходит сразу: ум... человека освобождается от них медленным путем, изыскивает компромиссы, которые позволили бы ему примирить более развитые и трезвые взгляды с сделавшимися ему непонятными преданиями старины. Весь процесс, который в этом отношении проходят многочисленные и разнообразные сверхъестественные существа, совершается и над предком-родоначальником. Он медленно и постепенно утрачивает свои зооморфные черты. Из животного-предка он делается полуживотным-получеловеком или сохраняет лишь некоторые звериные черты: например, он является покрытый волосами, как и тотем-медведь, имеет вместо руки — плавник, как тотем-рыба, и пр. Но он даже не медведь и не рыба, а человек... только с небольшими особенностями животного. Не птица, пресмыкающееся или дерево начинает превращаться в человека, чтобы не пугать своих потомков, как это имело место в прежние времена. Происходит совершенно обратное; предок-человек, вследствие принадлежащей ему в качестве сверхъестественного существа способности к превращению, принимает временно, ввиду тех или иных соображений, образ животного. Если на более низкой ступени развития нормальным состоянием предка был образ животного, а исключительный — человеческий, то теперь, наоборот, предок в обыкновенных условиях — человек, в исключительных — животное, дерево, камень»³¹.

Постепенная утрата черт животного особенно заметна

в изображениях духов и божеств. На определенном этапе развития религиозных верований человек начал изображать почитаемых духов. Зачатки этого мы видели в промысловом культе, шаманизме, культе тайных союзов, а особенно — культе предков. В изображениях духов и богов подчеркивались и их животные черты, и их постепенное очеловечивание. Африканец, перешедший от простого поклонения змеям к почитанию духа, повелевающего змеями, изображал его в виде человека, из головы которого выходят змеи и ящерицы. Свое божество человек нередко представлял себе в виде получеловека-полуживотного. Чтобы изобразить его, надо было соединить человеческую голову с телом животного или, напротив, голову животного, его ноги, крылья птицы и т. д. с телом человека. Двойственный характер образа духа, божества или мифического героя вызывает и усложнение маски, изображающей его во время ритуальных мистерий. Появляются специально изготовленные маски, нередко отражающие полуживотный-получеловеческий облик божества. Если раньше для изображения животного-предка достаточно было надеть его шкуру, то теперь развивается, с одной стороны, стилизация его маски и костюма, а с другой — появляются сложные двойные маски — животного и человекоподобного существа, представляющего одного и того же героя, духа или божество. У индейцев и эскимосов есть двойные маски, благодаря особому приспособлению раскрывающиеся и показывающие второе лицо персонажа, например маску медведя гризли сменяет маска человекоподобного людоеда. Такие маски надевали участники мистерий, повествующих о похождениях мифологических персонажей, культурных героев. Они свидетельствуют о двойной природе героя.

Связь племенного божества с культурным героем нашла отражение в том, что в ряде случаев покровители в образах животных стали покровителями разных сторон жизни, их функции как бы разделились. Например, как мы видели, у дакота бизон, бывший в прошлом тотемом, затем покровителем охотничьего промысла, со временем стал покровительствовать и плодородию, и половой жизни, и мастерству. У кочевых индейцев прерий волк предостерегал от опасности, медведь лечил раны, олень вызывал и лечил болезни, хорек был хорошим духом-помощником, орел покровительствовал воинам, койот предсказывал счастье. Примеры образов божеств с чертами племенных

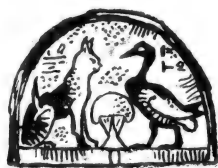
Двойная маска у индейцев квакпюбль

богов-покровителей можно привести и из более развитых религий — пантеонов великих богов религий классового общества. Например, боги шумеро-вавилоно-ассирийского пантеона, имевшие в прошлом черты животных, — Эа, Иштар, Мардук и др. — почитались вначале как местные боги городов, первоначально образовавшихся, очевидно, как племенные центры (в городах Эриду, Уруке, Вавилоне и др.). То же самое можно сказать и о египетских божествах, бывших покровителях номов — административных единиц, связанных своим происхождением с племенными центрами. Такие египетские боги, как Осирис, Гор, относятся к тому же к племени культурных героев; в мифах рассказывается, как Осирис научил людей земледелию, виноделию, садоводству, Гор изобрел письмо, создал священные книги, науки.

Черты племенных божеств прослеживаются в образах древних мексиканских божеств Уитцилопочтли, Тецкатлипока и Кетцалькоатль, в облике которых много черт от животных, птиц, змей, а также в образе древнееврейского бога Яхве с чертами быка. В легендах об Огуз-кагане — родоначальнике огузов, раннесредневекового объединения тюркских племен, герой имеет черты различных животных: «Его ноги были, как у быка, его ляжки, как у волка, его плечи были, как у медведя. Его тело было покрыто густыми волосами»³². Само его имя означает «бык». Огуз был объектом племенного поклонения, как и мифическая птица Сюань-няо, бывший тотем иньцев, стоявших в XVI—XII вв. до н. э. во главе племен в Древнем Китае.

Черты племенных божеств и культурных героев можно обнаружить и в пантеоне древнегреческих и древнеримских богов. В роли культурных героев выступали боги и герои, образы которых были связаны с животными: Аполлон — создатель поэзии, музыки и разных искусств; Гермес — изобретатель письма, счета, мер и весов; Деметра — научившая людей земледелию; Дионис — раскрывший людям секреты виноделия и виноградарства, Прометей — принесший людям огонь, и пр. В то же время, как мы увидим далее, пантеон древнегреческих богов возник на основе культа местных божеств, почитавшихся раньше в определенных городах, вероятно бывших племенных центрах. Древнеримское божество Марс — бог войны — первоначально был божеством сабинян, с ним был связан культ дятла. Интересно, что у одного из сабинских родов, носивших имя дятла и обоготворявших эту птицу (мясо дятла они не употребляли в пищу), существовало предание, появившееся, вероятно, уже позднее, чем само почитание дятла. Предание рассказывает, что дятел руководил сабинянами при их передвижениях.

Таким образом, развитие антропоморфизации божеств, постепенная утрата ими черт животного шли параллельно с превращением родовых и фратриальных культов в племенные, а в дальнейшем — в общенародные.

Зоолатрические культы и представления в религиях классовых обществ

Боги и животные

Животное-божество

«После долгих розысков я повстречал старого буддийского священника, который рассказал, куда надо ехать, чтобы увидеть последнюю жрицу древнего культа.

Следуя его указаниям, мы через два дня добрались до уединенной горной деревушки, где жила семья хранительниц культа змеи. В этой семье мужчин, по-видимому, не было совсем. Только старуха, ее дочь — красивая молодая женщина лет тридцати с небольшим и две внучки двенадцати и четырнадцать лет. Старшие женщины и были жрицами священной змеи.

Они охотно рассказали мне о древнем культе. Похоже было, что они пользуются большим уважением жителей деревни, которые считают их святыми. Но вначале я не поверил тому, что рассказывали женщины: они говорили, что поклоняются королевской кобре.

Королевская кобра — очень крупная змея. Отдельные экземпляры достигают в длину четырех с половиной метров! Голова королевской кобры размером с мужской кулак. Эта змея чрезвычайно агрессивна и опасна, одной дозы ее яда достаточно, чтобы убить двадцать человек.

Однако женщины продолжали настаивать на том, что они поклоняются именно королевским кобрам. Мы просидели у них весь вечер, слушая легенды о божьей змее. Они рас-

сказали нам, как уходили в горы, чтобы поймать змею, и как змея обещала хорошо себя вести и повиноваться жрицам при условии, что в конце года ее выпустят точно на том же месте, где она была поймана.

Женщины пообещали взять нас с собой на следующее утро в гости к королевской кобре, ныне здравствующему богу-змее, который живет в горах в своей пещере.

Мы пришли к дому жриц рано утром. Там уже было полно народу: собралось не меньше чем полдеревни. Жрицы уже встали. Старуха вышла из дома, чтобы поздороваться с нами, и приветливо улыбнулась, словно мы собирались на воскресный пикник.

Нас усадили на почетные места рядом с жрицей — матерью двух девочек — в повозке, запряженной быками. За нами выстроилась процессия деревенских жителей, которые несли подарки богу-змее. Шествие замыкал деревенский оркестр с гонгами и колокольчиками. Тропа вилась по склону гор. Примерно через час она сузилась настолько, что на быках ехать дальше было нельзя. Поэтому мы по примеру жрицы продолжили путешествие пешком.

Через две-три мили оркестр внезапно умолк, притихли и люди. Впереди, за изгибом тропы, виднелась пещера. Процессия остановилась. Жители деревни начали складывать на край тропы свои приношения змее — я заметил, что в числе даров были рис и соль.

Затем жрица двинулась вперед, жестом пригласив меня следовать за ней. Спокойно, грациозно она подошла к входу в пещеру и остановилась. Все молча ждали. Послышался негромкий зов жрицы. Через несколько минут из пещеры выскользнула четырехметровая королевская кобра. Она устремилась к жрице и, свернувшись в кольцо у ее ног, отвела назад голову, готовясь нанести молниеносный удар. Жрица недвижно наблюдала за зловещими приготовлениями, хотя от змеи ее отделяло не более метра. Она церемонно поклонилась кобре.

Должно быть, жрица инстинктивно угадывала момент смертельного броска. Она слегка присела и развела колени так, чтобы укус пришелся в ткань юбки.

Так повторялось вновь и вновь. Со стороны казалось, что жрица исполняет какой-то танец вместе со змеей.

Женщина двигалась плавно, словно танцовщица. Каждый раз она успевала слегка согнуть колени, и змея без всякого вреда для жрицы ударялась головой в складки ткани. Белая юбка покрылась пятнами змеиного яда. Затем жрица подошла ближе к змее. Выждав, когда она перестала поднимать голову, жрица погладила кобру и, наклонившись, поцеловала ее в голову. Прежде чем змея бросилась на нее, жрица успела отпрыгнуть.

Трижды проделала женщина этот смертельно опасный обряд, затем повернулась и неспешным шагом двинулась к нам. Я подумал, что змея может метнуться вслед за ней и поразить ее сзади. Но кобра прижала голову к земле и медленно заскользила в свою пещеру.

По-видимому, испытание, сквозь которое только что прошла молодая женщина, никак не сказалось на ее состоянии. Усаживаясь в повозку, она приветливо улыбнулась мне, и вся процессия тронулась в обратный путь»...

Этот любопытный рассказ приведен в книге английского путешественника А. Дениза «Мои сафари»¹. Речь идет о Бирме наших дней. Наряду с официальной религией — буддизмом — здесь сохранился пережиток древнего культа животного-божества. Священные коровы и обезьяны на улицах и в храмах Индии, слоноголовые и обезьяноголовые боги, ритуальные церемонии по отношению к быку в странах Юго-Восточной Азии — все это свидетельства особого, почтительного отношения к животным, сохранившиеся до наших дней. Если же мы заглянем в историю народов, в историю религий классовых обществ и государств, существовавших за несколько тысячелетий до новой эры, а также на рубеже и в начале новой эры, число таких примеров бесконечно увеличится. Для религий классовых обществ многих государств зоолатрические представления о божествах в облике животных, о животных, временно служащих внешней оболочкой божества, весьма характерны.

Как же объяснить происхождение культов животных в религиях классовых обществ?

С развитием классового общества развивались новые, порожденные им формы религии. Таковы религии Древней Греции, Египта, стран Востока и др. Из многочисленных могущественных богов выделялся один, властвовавший над другими (Амон-Ра, Зевс, Мардук и т. п.). Эта иерархия богов отражала иерархию человеческого общества. Наряду с молениями, жертвоприношениями, изображениями богов появились особая категория служителей культа (жрецов), а также храмы и святилища. Как отметил Ф. Энгельс, «религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен»². В религии классовых обществ прослеживаются остатки и древних культов животных — пережитки тотемизма, промыслового культа, вера в оборотничество, в древние мифологические сюжеты, в различные суеверия. У некоторых народов на основе этих пережитков и суеверий, на базе земледельческого и скотоводческого хозяйства развивается особая форма поклонения животным — зоолатрия или теротеизм (дословно: поклонение зверям). Некоторые зоолатрические культы питались также и страхом перед хищниками, змеями.

За несколько тысячелетий до нашей эры зоолатрия достигла наибольшего развития в Древнем Египте, несмотря на высокий уровень там цивилизации. На протяжении

многих веков этот парадокс привлекал внимание ученых и писателей. Египетские жрецы объясняли этот культ мифом, согласно которому животные стали почитаться после того, как боги, борясь с великанами, обратились в животных. Это пример позднейшего объяснения древних религиозных верований. Лукиан — один из величайших сатириков и атеистов древности, сириец по происхождению, живший во II в. н. э. в Римской империи и писавший на греческом языке, со свойственной ему насмешливостью издевался над подобными рассуждениями: «...выслушай разных софистов и грамотеев и бритых прорицателей. Они расскажут — изрекши сначала: «Изыдите прочь, непосвященные!» — как, спасаясь от мятежа врагов и Гигантов, испуганные боги прибыли в Египет, чтобы там скрыться от недругов; затем один бог принял облик козла, другой со страха стал бараном, иные — зверем или птицей, и потому все еще и поныне сохраняют боги эти формы. Ведь свидетельство об этом, записанное более десяти тысяч лет назад, несомненно, хранится в святилищах»³. Некоторые ученые связывали возникновение культа животных в Египте с обычаями египетских военачальников носить шлемы в виде голов животных, а также изображать на знамени почитаемое животное. Однако эти обычаи, ничего не объясняя, сами требуют объяснения.

Современные ученые склоняются к мнению, что культ животных в Египте развился на тотемической основе — разные группы египтян почитали различные виды животных. Животнообразные божества связывались с определенными территориальными единицами (номами). В номе Элефантин, на юге Египта, почитали барана, в Дендере — корову, в Мемфисе — быка, в Сиуте — шакала, в Гермополе — ибиса и павиана, в Файюмском оазисе — крокодила, в Бубастисе — кошку и т. д. Волк был сначала тотемом, а потом священным животным в Ликополисе, баран или козел — в Мендесе. Интересно, что к животному, почитавшемуся одной группой, другая группа испытывала отвращение или даже ненависть. Римский сатирик II в. Ювенал рассказывает о религиозной войне между двумя соседними номами, жители которых ненавидели и оскорбляли животных, почитаемых соседями. Существовали пищевые запреты: например жители Белого Нила не употребляли в пищу мяса быка. Изображения тотемов — сокола, пса, чибиса и др. помещались на знаменах. В древне-

египетских могилах обнаружены изображения гербов — это сокол, слон, скорпион, рыба, бычий череп, перо, острога и др. Шкура пантеры долго оставалась деталью облачения египетских жрецов.

С переходом от родовых отношений к территориальным тотемы тоже стали локальными, превратившись затем в божества. Превращение локальных божеств в общенародные, общенациональные у разных народов происходило по-разному. Чаще всего это объяснялось ростом могущества той или иной области, группы. Это хорошо видно на примере Египта, где династии фараонов, сменявшие друг друга, возвышали божества, популярные в области, откуда происходила династия. В период, когда столица Египта была в Мемфисе, главным богом стал местный бог Птах. С перенесением столицы в Гелиополь, а затем в Фивы функция верховного божества перешла сначала к Ра, а затем к Амону.

Иногда локальные божества объединялись. Особенно часто это происходило тогда, когда значение этих божеств было идентичным, а области, в которых их почитали, сливались. Так, первоначально различные, локальные божества Амон и Ра слились в одно — Амон-Ра. Слились в одно божество, хотя и почитавшееся под разными именами, божества, изображавшиеся с головой барана, — Хнум из Верхнего Египта, Гаршеф из Гераклеополиса и Осирис из Мендеса. Перерастанию племенных или локальных богов в общенародные способствовали завоевательные войны, во время которых боги победителей отодвигали богов побежденных на второй план, а также все более усиливающиеся связи между государствами и народами. Происходил обмен сюжетами мифов и легенд. Такие божества, как Адонис, Кибела, Исида и др., стали почитаться не только у себя на родине, но и во многих странах Передней Азии, Греции и Рима.

Параллельно шел процесс и дальнейшей утраты божествами животных черт. Борьба различных номов Древнего Египта за первенство в стране отразилась в мифологии на взаимоотношениях богов — покровителей этих номов, о чем можно судить по древнеегипетским мифам и легендам. Пример этому — взаимоотношения богов-братьев Гора и Сэта в образах сокола и змеи. Первоначально Гора почитали только в низовьях Нила, в Дельте, Сэта — в Верхнем Ниле. К этому периоду относятся легенды о соперничестве

богов-братьев, являющемся как бы отражением вечной борьбы сокола и змеи. Затем Гор превратился в божество Солнца, что было связано с переходом от охоты к земледелию. Последующие мифы отражают борьбу царств Верхнего и Нижнего Египта за политическое господство как борьбу двух божеств. К концу IV тыс. до н. э. оба царства объединились; в титуле одной из цариц этого времени сказано: «Та, что созерцает Гора-Сэта». С победой царей Дельты Гор становится главным национальным богом страны, солнечным божеством. Сэт отождествляется с тьмой. В дальнейшем Гор превращается в бога-спасителя, Сэт — носителя злых сил. С тех пор царские имена стали изображаться с борзой собакой, олицетворяющей бога Сэта, и соколом бога Гора, что символизировало объединение фараонами Египта, поделенного, согласно легенде, между Гором и Сэтом.

Очевидно, так же сформировалось представление об Анубисе, древнеегипетском боге умерших. Первоначально это был тотем — собака или шакал (в древности египтяне исполняли ритуальные танцы в масках шакала). Затем он стал почитаться как человекоподобный бог (в Сиуте). В других местах Египта были известны иные божества мертвых: в Абидосе — Кентиментиу (бог-собака), в Ассиуте — Упуаут (бог-волк), в Мемфисе — Сакарис. С централизацией светской и церковной власти всеегипетским богом мертвых стал Анубис, которому был посвящен шакал.

Древнегреческая мифология конца I тыс. до н. э. также унаследовала тотемические представления, хотя, в отличие от египтян и других народов, культ животных в ней не занимал преобладающего места. Наряду с официальной стороной древнегреческой религии, отражением которой явился мир мифологических образов Олимпа, в среде народа была распространена также вера в магию и колдовство, культ животных, камней, деревьев, явлений природы. Следы почитания животных сохранялись в древнегреческой религии довольно долго. Население в разных местах Греции почитало разных животных, а некоторые группы вели от них свое происхождение. Кадмийцы и жители Аркадии своим предком считали медведя, мирмидоняне (племя Северной Греции) — муравьев. Дельфийцы почитали волка, самосцы — овцу, ампракиоты — львицу, критяне — свинью, фессалийцы — змею и аиста, афиняне — волка, жители Акарнании — мух, острова Серифоса — мор-

ских раков. В Аттике предками разных групп греков выступали герои, имена которых образованы от животных: Крииоды — от криос (баран), Бутады — от бутас (бычий), Эгиды — от эгейос (козий), Кинады — от кинос (собака). Остатками тотемических воззрений можно считать почитание жителями Дельф волка, жителями Фессалии — журавлей, жителями Фив — определенной породы птиц. В Древней Греции тем или иным животным были посвящены пляски. Лукиан в «Диалоге о пляске» упоминает танцы журавля, льва, лисицы, совы, клещей. В особых плясках танцоры имитировали прыжки коз. В рисунках на старинных вазах встречаются хороводы ряженных в яркие костюмы «коней», «птиц», «петухов».

Со временем тотемические верования забывались, им на смену приходили другие; для новых поколений требовалось объяснить культ того или иного животного. На более высокой ступени цивилизации появляется стремление смягчить первоначальную грубость представлений о происхождении группы людей от животного. С развитием производственных и социальных отношений, с развитием философии, искусства стало насущно необходимым стремление возвысить и очистить все первобытные представления о богах, которые оскорбляли этические чувства грека античной эпохи. Стали создаваться новые мифы о божествах. Их придумывали просвещенные люди, чтобы примирить формы первобытного культа или его пережитки с новыми представлениями о богах. Так появились мифы, рассказывающие о временном превращении богов в животных, чтобы спастись от опасности или с другой целью, о помощи и прочих заслугах животного по отношению к данной группе, о подвигах и различных изобретениях предков с чертами животных. Например, согласно одному из преданий греческого племени мирмидонян, оно происходило от муравьев, согласно другому — от муравьев, обращенных Зевсом в людей, согласно третьему (очевидно, позднейшему) — от связи нимфы Евримедузы и обратившегося в муравья Зевса. Такой же характер носят легенды о римской волчице, вскормившей мифических родоначальников Рима — Ромула и Рема, о собаке Кино — матери Кира и др.

Генезис культа животных в Индии также связан, с одной стороны, с древними тотемическими представлениями, с другой — со скотоводческим бытом. В раскопках памятников древнеиндийской цивилизации III тыс. до н. э. об-

наружены следы почитания животных: на особых печатках изображены животные — буйволы, носороги, быки, тигры, слоны и др. Названия некоторых родов многочисленных племен и народов Индии (байга, бхилы и др.), а также каст и их подразделений (у бихарцев, маратхов) носят тотемистический характер (по именам животных, растений). У индийских племен, например дравидов, были известны в прошлом тотемы родов: тигр, змея, корова, лягушка, черепаха, воробей и др. В качестве тотемных животных раньше почитались также обезьяна, крокодил, черепаха, змея. С развитием культуры племен и народностей Индии прослеживается стремление заменить в своей генеалогии имя животного-предка именем предка-человека.

Такие же корни происхождения культа животных в прошлом можно найти в иудаизме. Древнейшая часть Библии содержит немало намеков на существовавший у древних евреев культ животных, деревьев, природы, вод и родников. Почитание животных-тотемов (бык, змея, баран, рыба, голубь) наложило отпечаток на иудаизм, который, как и раннее христианство, испытал на себе влияние религий стран Востока (Финикии, Ассирии, Вавилонии, Шумера, Египта и др.).

В древнейшей религии Израиля особенно большое значение имели культ быка и змеи. Исследования религии древних евреев показали, что бог Яхве первоначально был богом одного из израильских племен. В нем прослеживаются древние следы почитания тотемов — быка и льва. Вероятней всего, в нем слились два фратриальных, или родовых, тотема, существовавших прежде. Обычай обрезания, характерный для иудаизма, восходит, очевидно, к инициациям, патроном-учредителем которых считался Яхве. Яхве стал общеврейским племенным божеством, а еще позднее превратился в божество общенародное, национальное, главное божество иудаизма.

В развитии культов животных в религиях классовых обществ можно реконструировать несколько этапов. Очевидно, первоначально, с утратой тотемистических представлений, сохранялась вера в животных-богов. Это не всегда индивидуализированный образ, нередко в этой роли выступали священные животные. Классическим примером этому опять-таки является Древний Египет. В египетских храмах были обнаружены богато украшенные гранитные клетки с барельефами животных, в них и помещались,

вероятно, такие животные-божества. Возможно, что они заменяли изображения божеств и алтари, перед которыми совершались моления, приносились жертвы, проводились ритуальные церемонии.

Лукиан в своих произведениях не раз высмеивал невежество людей, поклонявшихся животным: «В Египте храм — здание больших размеров, и притом великолепное, украшенное драгоценными камнями, золотом и надписями, но если вы войдете туда и посмотрите на божество, то увидите обезьяну или ибиса, козу или кошку»⁴. В образах сокола, жука-скарабея, змеи и кота олицетворялось Солнце.

Представления о священных животных, которым поклонялись как божествам, известны у многих народов. Как правило, они были развиты у народов, имеющих домашний скот. Но формы зоолатрии были различны. У одних народов священное животное пользовалось уважением, почитанием, его нельзя было убивать и употреблять в пищу, наносить ему какой-либо вред (таков, например, культ коров в Индии), у других для священных животных имелись специальные храмы (например, в Египте).

В Египте при храмах содержали быков, крокодилов, баранов, ибисов. Священных животных освобождали от работ, жрецы кормили их отборной пищей, в честь их устраивали пышные праздники с жертвоприношениями. Убивали их только с достижением ими зрелого возраста, после смерти бальзамировали и торжественно погребали на особых кладбищах. Во время археологических исследований обнаружены кладбища священных животных: кошек — в Бубастисе и Бени-Хасане, крокодилов — в Омбосе, ибисов — в Ашмунене, баранов — в Элефантине.

Почитание животных-божеств чаще всего связано с определенными локальными группами либо городами, бывшими племенными центрами. По всей видимости, развитие представлений о животных-божествах шло от тотемов к племенным богам, а от них — к божествам разных городов.

С развитием и объединением городов и укреплением государства выделяются отдельные культы, индивидуализируются божества-животные. Ярким примером такого обожествления священного животного является египетский Апис. Кладбище священных быков Аписов археологи обнаружили в Серапеуме. Хотя это еще животное-боже-

ство, но культ его связан уже с конкретными богами — Птахом и Осирисом.

...Жаркий душный день, а бедному мастеру предстоит тяжелый труд до глубокой ночи. Рано встал он сегодня, раньше всех пришел в мастерскую. Скоро подойдут и его товарищи — пора начинать. Большая глыба красного гранита лежит на дворе — ее надо отшлифовать. Это уже шестая плита, которую они делают для саркофага. Великая печаль постигла Египет — скончался божественный Апис. Много дней и ночей трудился мастер со своими товарищами над черным и красным гранитом. Плиты тяжелые, большие, одному не под силу даже сдвинуть их: ведь длина их около 4 м, ширина больше 2 м, а высота — более 3 м. Мастер не стар, но давно тяжело болен, даже многодневные молитвы священному Апису не помогают. Шлифуя гранит, задумался мастер...

Священный бык Апис, слуга бога Птаха, воплощение души божественного Осириса, за которым так ревностно ухаживала целая свита жрецов, должен быть похоронен, и на его место надо найти нового преемника, а это так непросто. Вся страна в трауре — без Аписа жизнь египтян подвержена опасности, божество не может благоволить к ним, пока не будет найден новый черный бык с белыми пятнами на лбу — ведь это знаки звезд и Луны. А под языком у него должен быть узел, напоминающий жука-скарабея. Большая армия жрецов отправилась на поиски священного животного. Они объезжают всю страну, пока не найдут божественного быка... Но даже если они найдут его, сколько дней пройдет еще, прежде чем новый Апис водворится в свой храм и будет служить людям своей сверхъестественной сущностью! Ведь сначала около четырех месяцев его будут держать в особом здании с выходом на восток и откармливать отборной пищей. Потом в красивой и богатой лодке повезут в Гелиополис и еще сорок дней будут откармливать там. Только после этого Мемфисский храм получит своего жильца, а жители города станут зрителями торжественного приезда священного животного...

Зазвучали голоса во дворе — это пришли остальные мастера и работники. Сегодня не слышно шуток, веселых словечек, которыми обмениваются они при встрече. Люди хмуры и невеселы: предстоит трудный день, да и события печальные... «А ты помнишь прошлогодний праздник в честь Аписа?» — спрашивает его вдруг сосед. «Как же, помню... Ведь тогда Нил разлился особенно широко, у нас жили родственники жены — их дом совсем затопило...» Сосед его еще совсем молодой парнишка: «А я тогда пробрался близко-близко и видел, сколько красных быков закололи Апису в жертву! Даже золотую чашу бросил в Нил главный жрец — и все для Аписа! Целых семь дней длился праздник!»

Но до такого праздника еще далеко... Жрецы уже приступили к балзамированию Аписа. Богато украшенным положат его в роскошный саркофаг, там будут даже золотые украшения, только одно из которых, говорят, могло бы на всю жизнь обеспечить мастера и его семью... Но что это он? Разве не грех так думать о божественном Аписе?! Он священен, долг каждого египтянина служить ему...

«Амон-Ра, божественный сокол, сверкающий перьями, взмахом крыльев совершающий свой круг по небу. Амон-Ра, божественный скарабей, утром он выплывает из-за горизонта...» Так обращались к божеству, олицетворявшему Солнце, древние египтяне.

Следующий этап в развитии зоолатрии — возникновение представлений о боге в облике животного. Это богиня Хатор в образе коровы, бог Анубис в образе шакала, Тот — в образах обезьяны, ибиса или кобчика, Гект — лягушки, Собек — крокодила, Хнум — барана, богиня Баст — кошки, Сохмет — львицы, Хатор и Исида — коровы и т. д. Лукиан по этому поводу с насмешкой восклицает: «Но если ты явишься в Египет, вот там — да! — там наверняка увидишь много величественного и поистине достойного неба... бога-ибиса, бога-крокодила и бога-обезьяну»⁵. Богиня Исида иногда изображалась в образе голубя — птицы божьей или духа святого, охраняющего Осириса. Воплощением Осириса считался козел или баран, культ его был распространен в Мендесе. В образе барана почитался также бог Амон в Фивах. В облике барана он изображался на рельефах, к его храму вела аллея статуй баранов с надписями «Амон». На погребальных пеленах Рамзеса II Амон изображен в виде крылатого овна.

Египетские фараоны приравнивались к божествам, поэтому в обращениях к ним присутствовали те же эпитеты, которые употреблялись по отношению к богам — надпись о Рамзесе II в Карнаке гласит: «Сын Солнца, Могучий лев, Бык среди властелинов, божественный великолепный Сокол».

В образах животных и птиц за несколько тысячелетий до новой эры почитались многие божества государств Передней Азии. В Вавилонии богиня Иштар представлялась в образах коровы, собаки, ягуара, голубя; бог Ниниб — в образе осла; богиня Тиамат, олицетворяющая водную пучину, хаос, рисовалась вавилонянам в виде чудовища, зверя-птицы — дракона. Образ верховного бога Мардука был связан со змеей, хищной птицей, фантастическим грифоном или драконом. Знаменитый вавилонский дракон Сирруш, олицетворяющий бога Мардука, представлялся в виде фантастического зверя с головой змеи, рогом на плоском черепе, из пасти которого высовывался раздвоенный язык.

Тело его было покрыто чешуей, на ногах были когти, как у птицы. В нем сочетались черты змеи, птицы и зверя. Образ финикийского бога Адониса связан с кабаном. Основатель сирийского города Дамаска, обожествленный герой, изображался в виде лани. Лев обожествлен был во многих странах Переднего Востока — Египте, Ассирии, Вавилоне, Уре и Лагаше. Крылатые львы олицетворяли божеств ассирийского мира. В Уре и Лагаше известно божество Имдугуд — львиноголовый орел. Происхождение многих божеств и царей было связано с птицами: предание гласит, что сирийская богиня Ма упала с неба в яйцо, которое высидела голубка. Египетский миф рассказывает, как бог Хнум ртом снес яйцо, а из него родился бог Птах. Согласно ассирийскому сказанию, царица Семирамида превратилась в голубя, ее будто бы спасли и воспитали голуби. Древнееврейский бог Яхве изображался в виде быка.

Влияние на формирование христианства более ранних религий классовых обществ — древних религий Греции, Египта, Передней Азии (Сирия, Вавилон, Иран), древнееврейской религии — уже давно доказано учеными. Другие мировые религии — ислам и буддизм — тоже возникли на базе предшествовавших им религиозных систем и унаследовали многие их представления. В числе разных форм религии (земледельческих культов плодородия, культов предков и др.) на формирование и развитие мировых религий оказали влияние и культы животных. Они прослеживаются в пережиточных представлениях о богах в образах животных.

Примером преобразования католической церковью культа животных может служить культ местных французских святых. В некоторых местах Франции еще в XIII в. был установлен культ св. Кинофора. Оказалось, что он восходит к культу собаки (имя святого происходит от греческого слова «собака»). Когда-то хозяин незаслуженно ударил собаку мечом, и в наказание за это сгорел его замок. Крестьяне решили, что это возмездие, и стали поклоняться могиле собаки. На собачьей могиле стали происходить чудеса: исцелялись больные и увечные. Сначала духовенство боролось с этим культом, труп собаки был даже сожжен, но это не помогло. Тогда и был создан образ св. Кинофора, заменивший собаку.

Ученые полагают, что образ Христа сложился под влиянием божеств других религий, в частности египетского

Древнехристианская статуя
«доброго пастыря» (прообраз
Иисуса Христа)

Осириса, греческого Гермеса с ягненком на плече. Ранние христиане (I—II вв. н. э.) называли Иисуса Христа «агнцем», изображая его барашком. В раннехристианском памятнике «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис») барашек Христос борется с чудовищным зверем, олицетворяющим Рим. В Евангелии от Иоанна Христос назван «агнцем божьим».

Примерно так же обстоит дело с образом рыбы. Рыба была одним из тотемов некоторых палестинских племен, живших рыболовством. Божества в образе рыбы известны из переднеазиатских религий, оказавших влияние на формирование христианства. Персонаж из Библии Иисус Навин назван «сыном рыбы». Основополож-

ники христианской церкви называли христиан рыбаками, следующими «за нашей рыбой Иисусом», так как рыба считалась символом крещения. Это было уже более позднее осмысление почитания рыбы.

Божество курдов-езидов (Малек-Туаз), сочетающих в своих верованиях элементы ислама, христианства, зороастризма и язычества, представлялось в виде птицы, напоминающей голубя или павлина.

Звериный облик имели древнеацтекские боги Мексики: бог Солнца, великий и мудрый Кецалькоатль — «пернатая змея», богиня Коатлике — женщина-змея, владыка Земли бог Тлалтекутли — чудище с чертами жабы и аллигатора. Голова «пернатой змеи» украшала основание одной из лестниц пирамиды Эль Кастильо в Чичен-Ица (Мексика).

У народов Европы мы тоже находим немало свидетельств животного облика божеств. У древних германцев, галлов, народов Кавказа и др., стоявших на переходной от доклассового к классовому обществу ступени развития, бо-

жества имеют облик животных, птиц. Боги древних галлов, например, изображались в виде вепря, быка. Древнегреческий пантеон богов был создан на основе культа местных богов и покровителей, которых в прошлом почитали в животном облике. С культом Зевса Ликейского связывали волка, а супругу Зевса, царственную Геру — с микенской богиней-покровительницей Герой с чертами коровы; богиню охоты Артемиду — с аркадской Артемидой, сохранившей черты медведицы, и т. д. Очевидно, в прошлом они почитались в образах этих животных. С Артемидой была отождествлена нимфа Каллисто, тоже связанная с образом медведицы. Считалось, что в Аркадии находилась могила Каллисто, здесь же был и храм Каллисто-Артемиды. Жители Аркадии, как рассказывают мифы, считали своим родоначальником Аркада, сына нимфы Каллисто и Зевса. В разных вариантах мифа Каллисто обращали в медведицу то мстительная Гера, то Артемиды. После этого Зевс перенес ее на небо, где она стала созвездием Медведицы. В то же время жители Аркадии считали, что они произошли от внука медведицы.

Бог Дионис почитался в Древней Греции в разных обликах: животного и птицы (быка, лисицы, орла, пантеры, тигра, льва), дерева (Дионис Дендрит — древесный, Дионис Лозовой, Дионис Виноградный). Но более всего Дионис был известен в облике быка. Его второе имя, Таврос, означает «бык». Известны и его прозвища: Быкообразный, Из рода быка, Быкорогий, Быконогий, Рогатый. Женщины приветствовали Диониса в храме так: «Приди в свой храм с твоей бычьей ногой, о прекрасный бык!» Кроме того, иногда Диониса изображали в виде козла, называя «козленком».

Первоначальный образ Афины связывался со змеей, в ней воплощался образ богини. В афинском акрополе в храме Эрехтея (духа плуга и вспашки земли, тоже жила священная змея. Ей каждый месяц давали медовую лепешку. Впоследствии об этой змее была создана легенда, согласно которой она защищала афинскую цитадель. Священный змей Эрехфоний, сын богини земли Геи, был спутником Афины-Паллады. Не случайно легендарный основатель Афин Кекропс представлялся как змея-человек. Пан изображался в образе козла со свирелью. Земледельческая богиня Деметра представлялась в образах свиньи и коня. В древнем мифе Афродита выступает в образе вепря.

Почитание богов в образах животных, птиц, змей было свойственно народам Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. О почитании птицы Сюань-няо китайцами мы уже говорили. У них же был известен сказочный образ птицы феникс, очевидно вобравшей в себя черты почитаемых в прошлом животных, птиц и змей: у нее были голова петуха, шея змеи, грудка ласточки, спина черепахи, хвост рыбы.

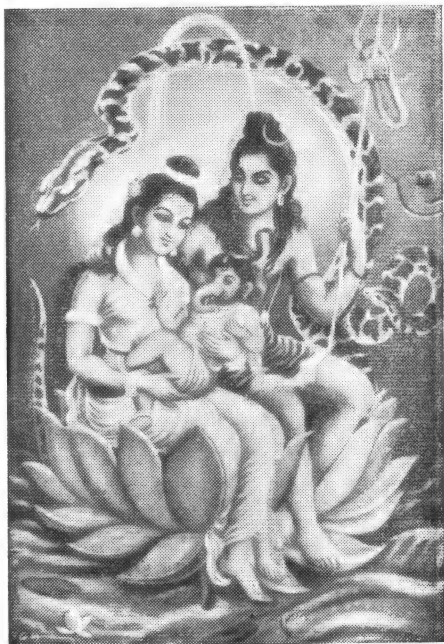
Култ божества-змеи был широко распространен в Юго-Восточной Азии. На Цейлоне существует легенда о богезмее Нэйг. В Бирме богу-змее воздвигались храмы, изображения этого божества часто встречаются на стенах старинных храмов и замков.

В религии народов Индии тоже существовали боги в образах животных: например конь олицетворял Митру. Коровы в Индии были обожествлены, олицетворяя небо и бога Индру. В Ведах корова — это небесный свод. Детьми этой черной с пятнами коровы и ее супруга, божественного быка, были все небесные явления. По представлениям последователя индуизма, одной из господствующих религий Индии, оплодотворитель неба — бык, облака — это трижды семь пятнистых коров, льющих свое молоко богу Солнца Индре. Ночь и звезды — это тоже коровы. Бог Индра изображался как бык. Кормилица Солнца, заря, имела стада коров. Бог дождя имел вид быка или барана. Ведь приносят молитву индуиста, обращенную к корове: «...коровы для меня Индра, они мои боги. Коровы для меня как глоток лучшей сомы *. Вы, о коровы, делаете тощего жирным, уродливого прекрасным; счастливым вы делаете, вы, которые говорите, свое спасение приносящие». Последователь индуизма ежедневно молился корове, принося ей в жертву свежие травы и цветы.

В гимнах Вед бог Индра выступает и как божественный баран, побеждающий чудовищного змея. Известны животноеобразные боги: Хануман — бог-обезьяна, Бут — в виде дикого зверя. Русский путешественник Афанасий Никитин, побывавший в Индии в XV в., писал: «А обезьяны то те живут по лесу, да у них есть князь обезьянский...»

Становясь общенародным божеством, бог-животное начинает терять свои животные черты. Нередко это уже человек, но с чертами животного (головой, туловищем

* Сома — божественный напиток.

Шива, Парвати и Ганеша.
Современная литография

и т. д.). Перед нами современная индийская литография с изображением индуистских богов Шивы, его супруги Парвати и их сына Ганеши. На цветке лотоса сидят божественные супруги, рука Шивы лежит на плече женственной и прекрасной Парвати, которая держит на руках дитя. Но что это? У ребенка слоновье лицо! Как же миф объясняет современному жителю Индии эту нелепость? Оказывается, Шива, разгневавшись на Ганешу, отрубил ему голову, но, увидев горе матери, отсек голову проходившему мимо слоненку и приставил ее к телу сына.

Иногда эти два облика бога — животный и человеческий, но с чертами животного — сосуществуют, например бог Гор на одном и том же камне изображен в виде человека с соколиной головой и в виде сокола.

Процесс постепенной утраты животных черт особенно хорошо виден на примере египетских богов. Если в древнюю эпоху они обычно представлялись в образах животных, то позднее стали изображаться с головами

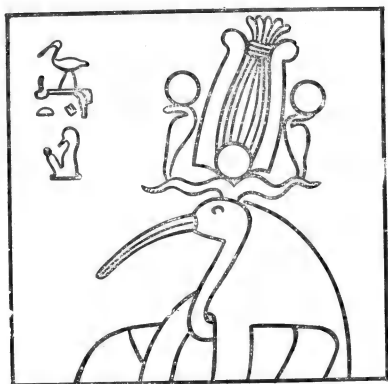

а

б

животных и птиц: бог Амон — с головой барана, Тот — с головой ибиса, Анубис — с головой шакала или собаки, Собек — с головой крокодила, богиня Хатор — с головой коровы, Баст — с головой кошки, Сохмет — с головой львицы и т. п. Наиболее почитаемое у египтян божество — Осирис, бог плодородия, умирающий и воскресающий бог, бог Солнца, вечный судья над умершими в подземном мире, изображался различно: в огненной одежде на колеснице, с ястребиной головой на человеческом туловище, с бычьими рогами и жезлом в руке, верх которого украшен кобчиковой головкой. Его супруга Исида, почитавшаяся как символ природы, мать-кормилица всего живого, отождествлявшаяся с Луной, изображалась нередко с коровьими рогами. Их сын Гор, олицетворявший Солнце, имел те же отличительные черты, что и отец, — голову кобчика на человеческом теле, иногда заменявшуюся головой коршуна. Недавно археологи обнаружили в Верхнем Египте, в местечке Аль-Мохамид остатки храма, построенного в честь бога-крокодила. В главном зале храма найдено изваяние: на троне восседает божество с телом человека и головой крокодила.

Такая закономерность развития представлений о богах свойственна верованиям очень многих народов. Так, богиня сирийцев Атаргатис имела туловище рыбы. Полурыбу-получеловека представлял собой вавилонский бог Эа, почитавшийся сначала в г. Эриду, а затем ставший очень популярным не только во всей Вавилонии, но и в

в

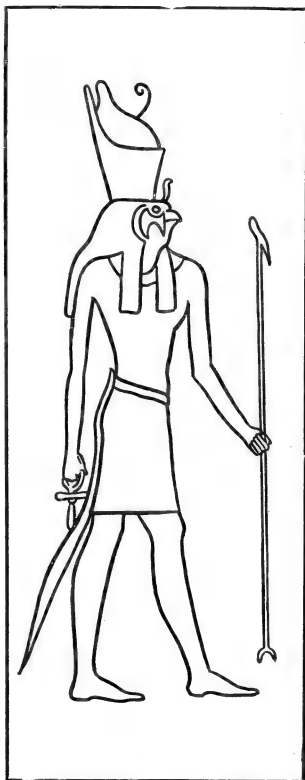
других странах Передней Азии и Закавказья. Считалось, что он приплыл по морю из другой страны, появившись из бездны. В более поздних легендах говорится, что, выйдя из глубины, он научил людей искусствам и наукам. У народов Закавказья «рыбоподобного Еа» изображали у кровати больного ребенка для защиты его от злых духов. Некоторые вавилонские божества, имея человеческий облик, сохраняли черты животных: Адад — две пары рогов, Ашшур — крылья и хвост птицы, Нергал — крылья, тело льва, рога быка. Вавилонский демон Ламашту, насылавший на людей болезни, изображался с головой льва, зубами собаки, лапами пантеры; в лапах он держал змей, ревел, как леопард, а свинья и черная собака терзали ему грудь. Богу Яхве приписывались рога.

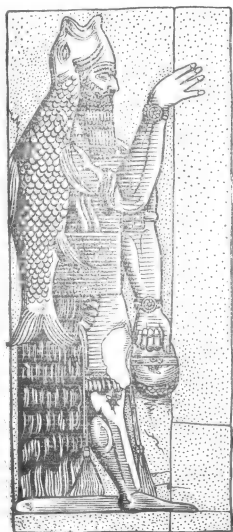
Постепенная утрата черт животных и птиц характерна

Профили египетских богов:

а — богиня Баст, б — бог Ану-
бис, в — бог Тот, г — бог Осирис

г

Бог Эа в виде
человека-рыбы

Бог лесов Пан

для развития образов и древних мексиканских божеств. Так, мексиканский бог Солнца, повелитель мира Тецкатлипока («дымящееся зеркало»), отождествляемый с медведем, изображался с туловищем человека и головой медведя; Кецалькоатль, «пернатая змея», впоследствии обожествленный культурный герой, представлялся позднее уже в образе человека с птичьим лицом, красным клювом и гребнем на голове; бог войны Уитцилопочтли, происходящий от колибри, изображался в виде человека с зелеными перьями на голове. Мексиканские и индусские божества изображались со змеями на месте головы.

С чертами животных изображали своих богов и древние греки. В Аркадии божество Эвриномэ, прототип Артемиды, изображалась полуженщиной-полурыбой. Изображение Деметры (из Фигалии) с лошадиной головой подчеркивает ее связь с мифом о преследовании ее богом Посейдоном в образе коня. А козлоногий Пан! Сначала он представлялся козлом, затем верхняя часть его тела стала изображаться человеческой (с рогами на голове), хотя нижняя оставалась еще козлиной, наконец этот животный прежде образ исчез и о его зверином происхождении напоминали лишь маленькие рожки на голове. В «Разговорах богов» Лукиана Гермес обращается к своему сыну Пану: «Клянусь Зевсом, ты скорее похож на сына блудливого козла и козы. Какой же

ты мой сын, если у тебя рога, и такой нос, и лохматая борода и, ноги, как у козла, с раздвоенными копытами, и хвост сзади?» Пан отвечает ему словами своей матери: «Сын мой, твоя мать — я, спартанка Пенелопа, что же касается твоего отца, то знай, что он бог Гермес, сын Майи и Зевса. А что у тебя рога и козлиные ноги, этим ты не смущайся: когда твой отец сошелся со мной, он был в образе козла, не желая, чтобы его узнали; оттого ты и вышел похожим на козла» ⁶.

О Дионисе говорили: «с лицом быка», «рогатый», «двурогий» и т. п. Его рисовали с рогами на голове. Восприняв некоторое влияние египетской религии и их животнoобразных богов, греки нередко и своим богам приписывали животные черты. Это тоже послужило предметом насмешек Лукиана: «А ты, Зевс, как ты терпишь — тебе же приладили бараньи рога?!» «Но что это с Гермесом? Он изменяется и вместо юноши делается похожим с лица на собаку» ⁷.

К этому же периоду, очевидно, относится и возникновение таких мифических фантастических существ, как египетские сфинксы (львицы с женской грудью и головой), вавилонские химеры, серафимы и херувимы — крылатые человеко-быки, человеко-львы, существа с крыльями, чертами змей, фантастических животных; греческие сирены (полуженщины-полуптицы), тритоны (полулюди-полурыбы), сатиры (человеческие существа с козьими рождками и хвостами) и т. п.

С крыльями изображались древнегреческие богиня радуги Ириса, богиня юности Геба, богиня рассвета Аврора, боги ветров, Амур, наконец, богиня победы Nike.

Черты животных прослеживаются даже в образах некоторых христианских святых, бывших в прошлом местными божествами. На древних, старинных иконах они иногда изображались с птичьими или звериными головами. Так, евангелисты Лука, Марк и Иоанн представлялись как телец, лев и орел. В миниатюрах VIII в. Иоанн изображен с птичьей головой, Лука — с коровьей. Известны также иконы Николая-чудотворца с медвежьей головой, св. Христофора — с собачьей головой. В Пермской губернии встречались иконы святых с головами собаки, осла, лошади. Такие же иконы бытовали в Якутии и других местах.

По верованиям мусульман-таджиков, нечистые духи царя имели ноги коровы, а тело человека.

Химера с хеттского рельефа

Следы почитания животных в христианстве:

а — евангелист Лука, б — евангелист Иоанн

а

б

Временное воплощение бога в животном

Зевс, владыка Олимпа, являлся своим возлюбленным земным женщинам в образах быка, лебедя, превращался в голубя, орла. Лукиан так описывает похождения влюбчивого бога: «Благородный этот бог становился то золотом, то быком, или лебедем, или орлом и вообще был более многоликим, чем сам Протей». «Европа прогуливалась по берегу моря, играя со своими сверстницами; Зевс, приняв вид быка, подошел к ним, будто для того, чтобы поиграть с ними. Бык был прекрасен, безукоризненно бел, рога красиво изгибались, и взор был кроток! Он прыгал по берегу и так сладко мычал, что Европа решилась сесть к нему на спину. Как только она это сделала, Зевс бегом устремился с ней к морю, бросился в воду и поплыл. Европа, испуганная таким оборотом дела, хватается левой рукой за рог быка, чтобы не упасть, а правой сдерживает раздуваемую ветром одежду... В таком порядке шествие двигалось от Финикии до самого Крита. Когда вступили на остров, бык внезапно исчез, и Зевс взял Европу за руку, ввел ее, краснеющую и опускающую глаза, в диктейскую пещеру...»⁸

Сначала в культе животного дух животного не отделялся от его плоти. Когда произошло это отделение, поклонение стало относиться уже не к самому животному, а к божеству, воплотившемуся в его теле, а с постепенной утратой животных черт богами, стилизацией их образов меняется и манера их изображения. Боги изображаются уже в человеческом облике. Дальнейшее развитие зоолатрических представлений выражается в том, что божества в облике людей уже полностью освобождаются от привычных черт, их бывшая связь с животными прослеживается в их временном превращении или воплощении в животном.

Известны временные воплощения и других богов в животных и птиц. Например, бог Амон иногда превращался в голубя, бог древних германцев Один — в орла («Потом он превратился в орла и поспешно улетел»⁹). Но более всего подобные представления были характерны для древних греков и народов Индии. Животный облик древнегреческих богов — чаще всего их временное воплощение. В мифе, объясняющем животный облик Диониса, рассказывалось, что он был побочным сыном Зевса. Зевс, желая

Похищение Европы Зевсом
в образе быка

спасти Диониса от ревности Геры, превратил его в быка или козленка. В критском мифе повествовалось, что Дионис, превращенный в быка, был убит титанами по указанию Геры. В мифе о тирренских морских разбойниках Дионис становился львом и пожирал своих оскорбителей.

Аналогичное явление встречается и в других мифах древних греков. Например, жители Ликии своим родоначальником почитали Тельмиссоса, который родился от любовных походов Аполлона, превратившегося в собаку. На основании этого мифа некоторые исследователи считали возможным связывать генеалогию ликийцев с собакой. «Посейдон употребил однажды силу свою во зло против Деметры, пустившись преследовать ее. Чтоб спастись от могучего бога, Деметра приняла вид быстрого коня, но безуспешно: еще быстрее конем пустился за нею Посейдон великий. Плодом неутомимых и настойчивых стремлений его был сын от Деметры — конь Арион, создание чудное, наделенное непостижимой быстротой бега и человеческими разумом и словом. Но стыд и боль проникли в сердце Деметры, произведшей на свет существо, не имевшее себе подобных; и предание говорит, что богиня долгое время скрывалась в какой-то пещере до тех пор, пока, омывшись в водах светлой Ладоны-реки, не явилась очищенной снова в сонме бессмертных»¹⁰.

В одной из легенд рассказывалось, что возлюбленный Афродиты Адонис был убит на охоте злым божеством

Аресом, принявшим облик кабана. Согласно другой легенде, греческий чудотворец Аполлоний Тианский родился от связи его матери и морского бога Протея. Бог явился к ней во сне в образе лебедя. Помимо этого, бог мог превратиться в льва, пантеру, вепря, змею и пр.

Легендарные образы индийской мифологии — божества, которые почитаются и сейчас, фигурируют в облике животных. Но индуистские представления о временном воплощении богов в животных отличаются от подобных представлений греков и других народов: в индуизме существует учение о перевоплощении богов в животных. В результате слияния древних зоолатрических представлений с брахманизмом появилось учение о божествах-аватара («воплощенные в животных»). Бог Вишну, согласно этому учению, воплощался не только в богов и людей, но и в животных (черепаху, льва, ястреба, рыбу, вепря); Яма являлся в виде буйвола, Индра — в виде слона, Агни — в виде барана. Вишну часто принимает также облик сокола, ястреба, быка. В древнеиндийской мифологии приводится такой рассказ: «Король Винара приносил жертву. Голубка, преследуемая ястребом, спасаясь от своего неприятеля, прилетела к королю и села на его колени. Ястреб стал требовать голубку, но король не соглашался выдать ее и предлагал взамен быка, борова, оленя и буйвола. «Дай мне лучше, — сказал ястреб, — столько собственного мяса, сколько весит голубка». Винара отрезал кусок от своего тела, но голубка была тяжелее; он снова отрезал, но вес голубки увеличился еще более. Король стал, наконец, сам на весы. Тогда ястреб сказал: «Я — Индра, царь неба, а голубка — бог огня, мы испытали твою добродетель, и слава твоя наполнит весь свет!»¹¹ Этой легендой объяснялось превращение бога огня Агни в голубя, а бога громов и молний Индры — в ястреба.

Буддизм и его особая ветвь — ламаизм также впитали представления предшествовавших и соседствовавших форм религии. В частности, в них сильны образы индуизма, шаманизма, среди которых немало связанных с животными и птицами. Особенно часто фигурируют образы быка, лошади, змеи, орла, которые сопровождают богов или олицетворяют их. Бодисатва, прежде чем стать Буддой, проходит через сотни (более 500) различных существований — в образах льва, орла, слона, зайца и т. п.

В мусульманской религии тоже есть представления о святых, принимающих облик животных. Например, четвертый халиф Али, который у некоторых групп шиитов выступает чуть ли не в роли бога, имеет эпитет «божий лев», широко известный в мусульманском мире. В легендах, берущих начало в шиитской среде, Али принимает образ льва. Пророк Мухаммед, идущий куда-либо, встречает льва, который загораживает ему путь. Мухаммед вынужден откупиться от льва каким-нибудь подарком, а затем отданная льву вещь обнаруживается у Али. В легендах хорезмских узбеков святой Хубби превращается в голубя.

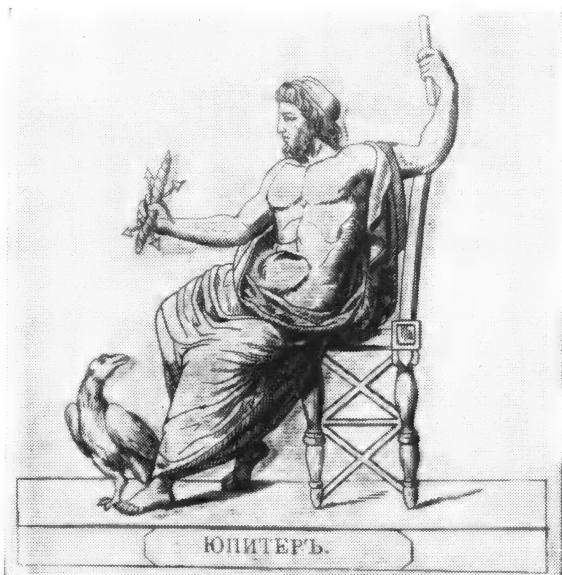
Духи мусульманского круга верований тоже превращаются в животных. Например, злые духи альмасти могут принимать вид собаки, козла, лошади; духа-пари — облик кошки, голубя, змеи. Этих животных нельзя убивать.

Боги с атрибутами животных

«...Когда животноеобразное (зооморфическое) представление о боге уступает место человекообразному (антропоморфическому) представлению о нем, тогда животное, бывшее прежде тотемом, становится так называемым атрибутом», — делает вывод Г. В. Плеханов¹².

Постепенно следы связи божеств с животными остаются лишь в обычае изображать их с атрибутами животных (шкура, перо, фигурки животных или птиц рядом с божеством).

Многие римские и греческие божества изображались вместе с животными, с которыми раньше отождествлялись: Юпитер — с орлом у ног как символом его царственности, Гера — с павлином, коровой или козой — символами ее величавости и плодовитости, с кукушкой на скипетре — вестницей весны; Аполлон — с волком или мышью у ног; Артемида — с медведицей, голубкой или ланью; Афродита — с голубкой; Посейдон — с конем или быком. Изображение Артемиды в Эфесском храме подчеркивает ее связь с материнством и животным миром. На некоторых старинных памятниках она изображена как владычица зверей — в виде матери дикой природы, среди львов и пантер, одетой в их шкуры. Сова украшает шлем Афины-Паллады, эта священная птица — символ ее мудрости. Иногда созу помещали у ног богини. Атрибутами и символами Афины были также галка, змея, козья шкура и крылатый конь

Юпитер с орлом

Пегас, которого, как гласит миф, Афина укротила. Некоторые из них (змея, сова), вероятно, были связаны с прежними животными образами богини, другие (конь Пегас, например) были приданы ей позднее, в результате создания новых мифов. Козлиная шкура считалась чудодейственной — щитом, данным Зевсом своей божественной дочери. На шкуре изображалась голова Медузы Горгоны — женщины со змеями вместо волос, один взгляд которой обращал людей в камень. Афина помогла Персею умертвить ее. Змея, будучи первоначальным воплощением богини, впоследствии стала изображаться сзади ее щита; иногда змеиный скальп украшал ее шлем. Афродиту изображали нередко на колеснице, влекомой голубями, воробьями и лебедями. Бог Гермес, покровитель скотоводства, изображался с ягненком на плече. Когда бог Пан утратил черты козла, рядом с ним стали помещать козленка.

Диониса изображали одетым в шкуру быка с висящими сзади головой, рогами и копытами, на праздниках его сопровождали сатиры, одетые в козлиные шкуры. Во время вакханалий фракийские женщины надевали на себя

Богиня Диана с ланью

лись шкуры и назывались «бассараи» (лисица). Прозвище Диониса Бассарос или Бассареус означало «носящий лисью шкуру». Атрибутом бога врачевания Асклепия был жезл, сбвитый змеей. На этот счет существует любопытная легенда. Асклепий считался сыном Аполлона и дочери фессалийского царя, которая погибла от стрелы Артемиды. Ребенка воспитал искусный врач Хирон, он научил его тайнам врачевания. В этом искусстве юный Асклепий скоро превзошел своего наставника: он излечивал самые тяжелые недуги, исцелял чуть ли не от смерти. Уменьшая таким образом прежде густое население Аида, он возбудил непримиримый гнев владыки царства теней. По жалобе Плутона Зевс вошел в положение своего брата и за дерзость, с которой Асклепий отважно охранял людей от смерти, поразил знаменитого врача молнией. После смерти Асклепия в Греции стали воздавать ему божеские почести. Из воздвигнутых ему храмов самый знаменитый был Эпидаврский храм в Пелопоннесе. Сюда из отдаленного Рима, когда в нем свирепствовала чума, по велению оракула прибыли десять послов. Как только они вступили в храм Асклепия, из-под прекрасной, сделанной из золота

и слоновой кости статуи бога выползла змея и по улицам Эпидавра до самой пристани следовала за ними. Послы восприняли ее как символическое изображение самого бога. Они с радостью и благоговением приняли животное к себе на корабль и отплыли с ним в Италию. Змея, прибыв на место, помогла в борьбе с чумой. Это пример поздней трактовки обычая и создания соответствующего мифа. Первоначальным было, вероятно, представление о божестве-змее.

На примере религии народов Индии отчетливо видно, как развивался образ божества от животного к человеку. Появившиеся сначала образы богов, имевшие животные черты (бог-обязьяна Хануман и др.), затем стали представляться людьми, но вместе с животными или их атрибутами: бог Шива изображался с быком и коброй, бог Ганеша — с крысой, бог Вишну — с птицей; атрибут Кришны — павлинье перо, Брахма имел в свите гуся, в свите его жены Сарасвати — лебедь или павлин.

Много сюжетов в буддистских легендах связано со змеями нагами: Будда укрощает короля нагов, омовение поворожденного Гаутамы совершают наги, нага защищает Будду от дождя и т. п. Змея изображается в свите Будды Гаутамы у его ног, а на некоторых изображениях змеи кольцами обвивают тело Будды. Ламаистские божества имеют атрибуты быка и лошади.

Мексиканскому богу войны Уитцилопочтли сопутствовала колибри, ее помещали у него на ноге. С голубкой в руке изображалась богиня Иштар. С образом Иштар связаны также львы, тигры, бык. В шумерском сказании о Гильгамеше фигурирует небесный бык, которого богиня насылает на героя. Она изображалась также стоящей на льве. Древнейшее изображение переднеазиатской богини плодородия рисует ее стоящей на горе в окружении львов и тигров. Непременной принадлежностью жертвенника бога Яхве были рога.

В древнеегипетской религии эта особенность — наличие животных атрибутов — была выражена слабее, здесь в облике богов животные черты проступают явственнее. Но в некоторых случаях и здесь божества утратили животные черты и свидетельством их давней связи с животным миром стали атрибуты животных. Например, когда изображение бога Амона стали делать в виде человека, ежегодно во время праздника в его честь убивали барана,

в облике которого он прежде почитался, и в его шкуру заворачивали изображение божества. Анубиса, которого почитали прежде в образе шакала и собаки, а позднее — бога-животного с головой шакала или собаки, изображали также в шлеме, поверх которого наброшена собачья шкура. Миф гласит, что Анубис был сыном Осириса и сестры Исида. Мать, боясь преследований Исида, спрятала его на берегу моря. Но Исида с помощью собаки нашла его и воспитала. На собак египтяне смотрели с большим почтением, так как они оказывали им большую помощь во время наводнений. Анубис был одновременно гением Сириуса, предвестника разлива Нила, поэтому связь его образа с собакой была впоследствии закреплена в мифах и этим обстоятельством.

В мифах все больше проявляется опосредствованная связь богов с животными — они их воспитывают, боги превращают в животных людей. По преданию, Зевс вскормила своим молоком коза, свинья охраняла его, пока он рос, пчела кормила своим медом. Зевс обратил в волков семейство аркадского вельможи Ликаона, наказав его за жестокость; Гермес превратил в черепаху нимфу Эгелону за шутки над союзом Юпитера с Юноной; ревнивая Гера превратила Ио в корову, дочь Пана Инксу — в птицу, Галантиду, наперсницу Алкмены, — в ласточку.

И наконец, последний этап в развитии божества от бога-животного к богочеловеку — изображение божества в виде символа. Символом Афродиты в Элиде была черепаха. Символ Шивы — бычок Нанди, скульптурные изображения которого украшают храмы. Известно раннее изображение Христа — в виде агнца на фоне креста.

В христианской религии животные используются в качестве определенных символов: змея и козлице — символы сатаны, зла; агнец и пастырь, голубка и рыба — символы бога-спасителя; голубь — символ чистоты. Символом бога Яхве был телец. И это не случайно. Как мы уже знаем, эти образы в прошлом были связаны с определенными божествами. Интересно, что в ламаизме змея, петух и свинья есть символы человеческих грехов: змея — зло и гордыня, петух — похоть, а свинья — нечистоплотность.

На примере изложенных материалов мы видим, как меняются представления о животной сущности божеств, как постепенно они освобождаются от животных черт, облагораживаются за счет новых мифов и легенд.

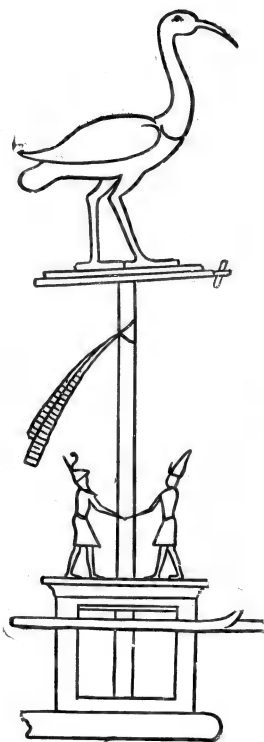
Священные животные

Животные, посвященные богам

...Звучат флейты и барабаны. Гирлянды цветов украшают террасу дома и гостей — родственников и соседей счастливого хозяина. Они пришли, чтобы порадоваться вместе с ним, — у него родился сын. Уже вознеслись молитвы богам и исполнен сложный ритуал индуистских обрядовых церемоний. Благодарность за радость рождения первенца и просьбы о покровительстве ему обращены к великому Шиве, созидателю жизни. Теперь осталось выполнить еще одну церемонию — подарить ему бычка. Бог Шива неразлучен со своим любимцем — бычком Нанди, это — символ его оплодотворяющей силы. Хозяин приготовил ему в дар молодого, сильного и красивого бычка, он стоит под деревом, на его упитанном теле лоснится кожа. Ритуальным шагом, с молитвой к нему подходит брахман. Это старый, уважаемый всеми жрец. Не одну церемонию провел он в этом доме, его молитвами сопровождались обряды в честь рождения самого хозяина дома. Торжественно звучит молитва. Два служителя держат бычка. В этот торжественный момент хозяева и гости затаили дыхание. Жрец прикладывает к ноге бычка какой-то предмет, находящийся у него в руке. Оказывается, это клеймо с изображением знака бога Шивы — трезубца. Восторженный шепот приветствует совершение церемонии. Бычка отпускают на волю. Теперь он принадлежит Шиве, каждый узнает его по клейму. Никто не посмеет обидеть его, причинить ему вред, использовать на работе. Напротив, каждый, кто встретит его, постарается его накормить, за это Шива вознаградит...

Обряд посвящения бычка богу Шиве свидетельствует о том, что представления о связи божества с животным на определенном этапе развития религиозных воззрений изменяются. Животное на этой стадии верований утрачивает значение божества, оно лишь посвящается духу или богу.

Культ священных животных был широко распространен у разных народов, пережитки его, как мы видели, дожили до наших дней. Ими чаще всего были самые сильные и красивые особи определенного цвета (культ белых оленей в Японии, черных быков в Египте, красных быков в странах Юго-Восточной Азии), нередко с какими-нибудь признаками (пятнами и т. п.). Но характер культа священных животных у некоторых народов отличался определенным своеобразием. У одних народов (например, египтян) это был культ обожествления животных, животных-богов. Таким был культ быка Аписа, священных крокодилов, кошек и др., о чем мы уже говорили ранее. Им воздавались почести как божествам. В некоторых случаях культ священных животных выражался

Священный ибис
бога Тота

Священная кошка
богини Баст

в том, что животное не использовали в работе, не ели его мяса и выращивали для жертвоприношений. Священными считались также животные, посвященные каким-либо богам.

Еще Плутарх отмечал разницу между религиозными верованиями древних египтян и греков: «Египтяне почитают настоящих животных, греки, наоборот, говорят более определенным образом, что голуби посвящены Афродите, ворон — Аполлону, собака — Артемиде и т. п.». Действительно, почти всем божествам греческого пантеона посвящены какие-либо животные. Чаще всего это именно те животные, в которых боги воплощались или изображались с их атрибутами. Аполлону были посвящены также олень, лебедь, дельфин; Афродите — лебеди, вороны, дельфины, бараны и зайцы; Афине — змея и петух, символ бодрствования; Гермесу как вестнику богов, покровителю торговли, государственных дел — петух и собака. Собаки посвящались также Гекате — богине мрака и волшебства, Помоне — богине садовых плодов. Асклепию посвящали змею и петуха.

Посвященные древнегреческим богам животные содержались при храмах. В храмах Аполлона держали и кормили мышей, так как на Аполлона в одних районах Греции смотрели как на покровителя мышей, в других — как на божество, охраняющее население от мышей; существовала даже легенда о том, как Аполлон избавил

страну от нашествия мышей. С культом Аполлона было связано еще и почитание мух. У храма Аполлона в Левкаде в жертву мухам приносили быка. Для объяснения этого обряда также была создана легенда-объяснение: жертвоприношение якобы соединяет всех мух вместе и тем самым очищает от них другие местности. Змея, олицетворявшая Асклепия, содержалась в его храме.

Римским божествам, по значению тождественным греческим (Зевс — Юпитер, Афродита — Венера, Гадес — Плутон, Арей — Марс и др.), тоже посвящались животные и птицы: Юноне — гуси, Марсу — волк, петух, дятел и т. д.

В Египте животные также посвящались некоторым божествам. Баран, как мы уже отмечали, был посвящен богу Амону. Баранов содержали при его храме. Смерть барана сопровождалась выражением печали. Крокодил был посвящен божеству Собеку. В Фивах и окрестностях Миридова озера почитали крокодила. Прирученное животное кормили, украшали кольцами и серьгами. Богу-крокодилу, почитавшемуся в храме Аль-Мохамид, были посвящены живые священные крокодилы, жившие в бассейне, находившемся во дворе храма. Им приносили жертвы, опуская их в отверстие, открывавшееся при повороте блоков, которыми было снабжено изваяние бога-крокодила.

Кошки были посвящены богине Баст, олицетворявшей полную Луну, так как обладали способностью видеть в темноте и бодрствовать ночью. Кошки пользовались в Египте большим почетом, их было запрещено убивать. Даже непреднамеренное убийство кошки каралось смертью.

В переднеазиатских странах, где были известны божества в образах рыбы или полурыбы-получеловека (Эа, Атаргатис), в специальных бассейнах разводили священных рыб. Например, сирийской богине Атаргатис, изображаемой с туловищем рыбы, было посвящено богатое рыбой озеро, на берегу которого стоял ее храм.

Содержание и выращивание священных животных при храмах — по всей видимости, позднее явление, развившееся в религиях классового общества, когда появились храмы и служители при них. Но сам обычай выращивания священных животных для жертвоприношения или посвящения духам, божествам, как мы уже видели, возник гораздо раньше.

Интересные случаи посвящения лошадей богам отмечены у якутов и бурят: одна, несколько или даже целые табуны лошадей отпускались на волю, они были неприкосновенны, их не использовали даже для жертвы («Юрюн Айыы Тойону только посвящают живых животных, которыми хозяин уже не пользуется: не работает на них, не доит их и не пользуется приплодом. В старину ему посвящали табуны кобыл с жеребцами и гнали эти табуны как можно далее на восток») ¹³. Буряты посвящали богам не только лошадей: «Различным богам посвящают различных животных, птиц и рыб, каждый раз делается строгий выбор относительно цвета животного и других признаков. Посвящаемое животное сначала омывают освященной шаманом водою при посредстве багульника и богородской травы, затем совершают жертву вином тому богу, которому посвящается животное; после этого избранное животное обвязывается лентами и отпускается на волю» ¹⁴. В этом обычае много сходства с описанным обрядом посвящения бычка богу Шиве в Индии. В то же время нельзя не вспомнить при этом кетский обычай выращивания и отпуска на волю медведя, которого никто не смел убивать. Все эти обряды, очевидно, имеют одни и те же корни.

Священные животные

На определенной стадии развития религиозных представлений животное теряет всякую связь с божеством, почитается уже само по себе и не всегда в сознании людей живут мотивы, оправдывающие это почитание. Так завершается цикл развития идей, связанных с поклонением животным. В пору своего заката культ животных вновь приобретает формы, близкие к начальным: почитается само животное, а не дух и божество. Развивается культ священных животных. Но сколь далеки по сути эти, казалось бы, внешне сходные явления! Если ранние формы культа животных были главным содержанием религии, то в поздних вариантах почитание животных является незначительным элементом религиозной практики, основанной на вере в могущественные и сверхъестественные силы.

Часто животных считали священными за то, что они приносили пользу людям. За убийство мангусты, например, которая уничтожала змей, в Индии карали как за убийство человека. В других случаях корни зоолатрии следует искать в древних культах животных.

Культ священных животных до сих пор развит в Индии. Здесь запрещено убивать не только безопасных животных, но и хищных, ядовитых змей, что наносит немалый вред населению. Культ священных животных связан с вероучением индуистов о переселении душ умерших в животных, змей, насекомых.

Русский путешественник Афанасий Никитин отметил культ коровы и вола, которых индийцы называли «отцом» и «матерью». Корова и сейчас пользуется в Индии большим почитанием. Говядину не употребляют в пищу все индуисты. Убийство коровы считается величайшим религиозным преступлением. Убивший корову строго осуждается общественным мнением, в некоторых местах за это карают по закону. Коровы пользуются полной свободой, нередко на улицах выстраиваются целые колонны автомашин из-за того, что корова разлеглась посреди шоссе и никто не смеет ее оттуда увести. В честь коров ежегодно устраиваются торжественные праздники.

Помимо Египта, Греции и Индии культ быка и коровы был развит в Европе, в Передней Азии, Иране, Китае, Бирме, Индонезии, Индокитае, на Филиппинах и т. д. В образе быка изображался скандинавский бог Тор. Скандинавский бог Один был сыном коровы. Один из шведских королей брал с собой на войну корову, чтобы устрашать ее мычанием врагов.

У народов, исповедующих мусульманство, существовало, с одной стороны, почтительное отношение к некоторым животным, а с другой — культ священных животных. Например, у народов Средней Азии (туркмен, узбеков) было широко распространено мнение, будто тигр понимает язык человека. Считалось, что, если тигру сказать нехорошее слово, он не стерпит оскорбления, а если похвалить его, назвать ласковым именем, он не тронет. Узбеки-локайцы считали тигра священным животным, которого нельзя убивать. При встрече с ним надо ему поклониться, приветствовать его, назвав «шер-худо» (лев)¹⁵. У некоторых групп узбеков рекомендовалось при встрече с тигром приветствовать его, как человека, по-мусульмански: «ас-салям-алейкум». Шкура тигра у каракалпаков считалась чудодейственной, обладающей сверхъестественными свойствами. В качестве амулетов, оберегающих от сглаза и злых духов, они использовали пучки шерсти, кусочки кожи и когти тигра. У таджиков, туркмен рога горного

барана или козла считались священными: ими обкладывались могилы святых, бросать их считалось большим грехом, их следовало укрепить на дереве, положить на высокий камень или на крышу дома. Шкура горного барана у туркмен-мусульман в горных районах использовалась в качестве молитвенного коврика (намазлык). У узбеков Хорезма отмечено особое отношение к быку, барану, верблюду, собаке, рыбам. Быка называли «избранный», его, как и верблюда, нельзя было бить. Шерсть верблюда, согласно их поверьям, отгоняла злых духов аджина. Собаку нельзя было убивать.

Культ священных животных и рыб тоже органически слился с исламом. Так, в Египте при одном из мусульманских святилищ почиталась змея. Еще в XVIII в. в селении Райене близ Гирге в мечети, сооруженной над могилой св. Хереди, под охраной содержалась священная змея, о которой думали, что она постоянно находится там «со времени Мухаммеда». Народ приносил ей жертвенные дары; сообщивший это путешественник видел перед дверью много крови и внутренностей жертвенных животных. Существовало поверье, что змея якобы имеет силу исцелять все болезни у тех, которые либо сами идут к ней, либо доставляют ее к себе¹⁶. В Каракалпакии при мусульманских святынях — могилах почитаемых святых — есть водоемы со священными рыбами. Один такой бассейн был, в частности, у гробницы святого Султан-Вейс-баба. Мертвых рыб здесь хоронили рядом с могилой святого, завернув их предварительно в саван. Верующие говорили: «Это не рыбы. У них только вид рыбы». Рассказывали, что один русский шофер, пытавшийся поймать и съесть рыбу, трагически погиб.

В Китае, где конфуцианство, даосизм и буддизм — господствующие формы религии, также сохранялось почитание различных животных — аиста, черепахи и т. д. Обезьяна, например, считалась покровительницей беременных женщин и игроков, ее называли «великим мудрецом неба», лисица наделялась способностью вызвать пожар, отравить пищу и т. д.

Священной птицей у многих народов был голубь. Во многих сказаниях он выступал как посредник между богом и людьми, приносящий весть о спасении. В ассирийско-вавилонском сказании о потопе рассказывалось, что на седьмой день после потопа Утнапиштим выпустил голубь-

ку, которая вернулась, не найдя себе суши для отдыха. После этого он выпустил ласточку, она тоже вернулась, и лишь ворон достиг земли и не вернулся. Этот миф послужил основой для создания библейского мифа о Ное и потопе. Здесь, наоборот, ворон вернулся, не найдя земли, а голубь, вернувшись в первый раз, выпущенный вторично через семь дней, вернулся со свежим масличным листом в клюве. В восточных религиях (сирийской, финикийской, а также в египетской) голубь играет роль птицы божьей.

В древнееврейской религии голубь считался символом чистоты. Христианская религия заимствовала этот образ: «Голубица в образе святого духа — это перенесенное из древнеязыческих религий обожествление птицы, которая возносится с Земли на небо, там общается с богами, передает им вести и просьбы людей, опускается с неба в виде «духа святого», мечется в пламени пожара, вызывая суеверный страх, тревожно летая перед бурей, олицетворяет сама бурю, ветер, наконец усаживается на крыше неба, над престолом бога, над головой бога, «почиет на нем», осеняет его крыльями»¹⁷.

Широкого развития в некоторых странах достигла офиолатрия — поклонение змеям. Хотя некоторые исследователи и выделяют офиолатрию в самостоятельный культ, она является не чем иным, как частью зоолатрии. Почитание змей известно у многих народов Европы, Азии (в Китае, Индии, Бирме, Тибете), Африки, Америки, островов Тихого океана. Культ змей был распространен у североамериканских и мексиканских индейцев. Змея почиталась в Египте, Риме, а также германцами, древними евреями, жителями Крита, айнами. Особенного развития культ змей достиг в Африке, Индии, Мексике, Перу.

Африканские народы сооружали змеям храмы, где за ними ухаживали специальные жрецы. Например, на Гвинейском побережье, в Вайда, путешественники XIX в. описали храм для змей 8 м высотой и 12 м шириной. Он был из глины, с крышей из веток и сухой травы. В храме было две двери, в которые выползали змеи (безвредных пород), жившие здесь. Всякий встретивший змею вне храма падал на колени, бережно брал змею на руки с извинениями: «Ты мой господин, мой отец, моя мать! Ты властен над моей головой! Будь милостив!» После этого он относил ее в храм. Причинивший вред змее карался смертью. В честь змей устраивали священные процессии,

ночные празднества, во время которых жители не должны были выходить из домов. Прикоснувшийся к змее ребенок отдавался на целый год в храм, где он участвовал в храмовых ритуальных обрядах и содержался за счет родителей. У жителей Сенегамбии, ведущих свое происхождение от змеи пифон, существовало поверье, что пифон посещает каждого вновь родившегося ребенка в один из первых восьми дней после его рождения. По свидетельству Плиния и Варрона, жители Древней Африки, псиллы из рода змей, выставляли своих новорожденных детей змеям, считая, что они не приносят вреда законнорожденным детям. Прародительницей негров Бенина считалась громадная змея, жившая в специально построенном для нее жилище около большого дерева. Ей приносили жертвы и оказывали почести¹⁸.

Жители Фернандо-По в Западной Африке ежегодно совершали ритуальное убийство священной змеи. Считалось, что змея может причинить зло и сделать добро, принести болезнь или смерть, сделать человека бедным или богатым. Снятую с убитой змеи кожу вешали хвостом вниз на самое высокое дерево, а всех детей, родившихся в этом году, подносили к хвосту змеи.

В Перу змей содержали в храмах, их кормили человеческим мясом. Некоторые из змей считались прорицательницами.

В Пенджабе известны племена, ведущие свое происхождение от змей. Они не убивали их и говорили, что укусы змей для них безвредны. Ежегодно в сентябре не только члены племен, но и все остальное население совершало жертвоприношения змеям. Жертвы приносили в богатых змеями местах или на могиле змей, специально сделанной из теста и раскрашенной в черный и красный цвета представителями племени Змей. Изготовленную таким образом змею клали в корзину и с ней обходили все дома в селении, произнося при входе ритуальные слова, долженствующие искоренить зло из дома. За это сопровождавшие змею лица получали разные дары — деньги, одежду или съестные припасы. После этого змею хоронили, делая над могилой небольшой холмик. В течение девяти дней женщины приносили в качестве жертвы немного пищи, кланяясь при этом могиле. Члены змеиного племени устраивали такие же жертвоприношения утром после каждого новолуния.

Во всех этих обрядах помимо связей с тотемическим культом (происхождение группы от змеи) видны зоолатрические особенности культа: содержание змей в храмах, жертвоприношения змее, почитание в змеях прорицательниц и т. п.

Возможно, что почитание змей в прошлом как священных животных повлияло на развитие особого отношения к змеям у народов Западной Европы. Для многих из них было характерно представление о том, что уж безвреден для человека не по своей природе, а потому что покровительствует человеку. И именно поэтому ему оказывали внимание, убить ужа считалось предосудительным, это могло навлечь несчастье. В связи с этим во многих странах домовые ужи пользовались уважением и вниманием со стороны хозяев. Ужи жили в доме или во дворе, их кормили, с ними играли дети, к ним относились с почтением (в Швейцарии, Австрии, Прибалтике и пр.).

В связи с вопросом о священных животных интересно происхождение понятия о «чистых» и «нечистых» животных. У многих народов животные делятся на эти две категории. Это деление своим происхождением связано с двумя явлениями — тотемизмом и приручением животных. Согласно тотемическим воззрениям, часть животных становится запретной для употребления в пищу. Как мы видели, подобные запреты существовали и в отношении священных животных (корова и бык в Индии и Египте, дятел в Риме и т. п.). Дело в том, что с отмиранием тотемизма инстинктивная, воспитанная веками привычка считать мясо этих животных несъедобным не пропадает, но интерпретируется иначе. Например, свинины не ели жители Крита, там свинья считалась священной. В Греции времен Гомера свиней содержали при храмах, не приносили в жертву и не употребляли в пищу, называя также иногда нечистыми. Интересный факт отмечен у некоторых народов: в пищу можно было употреблять лишь тех животных, которые по внешнему облику похожи на домашних. Например, у африканских масаев можно было убивать и есть только антилопу, так как она похожа на домашнее животное. Дж. Фрезер, сопоставляя запрет на свинину в Египте со свидетельствами некогда почтительного отношения к этому животному, считал, что и пренебрежение к свинье в исламе может иметь корни в давно угасшем в Аравии культе свиньи.

Животное как жертва

Жертвы умершим

...Туман стелется по реке. Прибрежные кусты утратили свой зеленый цвет и кажутся серебряными. Дым, выходящий из чумов, низко стелется по земле. Из одного чума доносится заунывная мелодия и глухая дробь бубна. Они вдруг обрываются, но только на какой-то миг, чтобы зазвучать с новой силой. Чум заполнен людьми. Они напряженно следят за шаманом, неистово колотящим в бубен и прыгающим вокруг костра. У всех на лицах печаль и горестное ожидание. Умер старший из мужчин, хозяин чума оленевод Ванхо. Даже погода нахмурилась, помрачнело небо. Ванхо всегда был хорошим оленеводом, всю свою жизнь он выпасал оленей в тундре. Он хорошо знал их привычки, всегда заботился о важенках, которые приносили ему много телят. Он оставил детям хорошее стадо — почти сто оленей. Теперь в дальний путь с ним тоже надо отправить оленей. Шаман должен узнать волю Ванхо — сколько оленей нужно убить на его могиле. У старого оленевода два сына, у обоих уже есть дети. Ванхо любил своих детей и внуков, вряд ли он оставит их без оленей, как это хотел сделать в прошлом году старый Ярла. У него было только 25 оленей, и всех он повелел заколоть. Тогда только председатель сельсовета помешал этому, уговорил шамана и детей Ярла не внимать его злой воле.

Шаман стремительно завертелся на месте. Он уже совсем старый, скоро и он умрет, и с ним уйдут в могилу все тайны шаманского искусства. Мало уже осталось хантов, верящих в силу и могущество шаманов, перевелись почти все шаманы. Трудно старому шаману, уж нет той силы, которая нужна, чтобы общаться с духами. Бубен глухо прогремел в последний раз и замер. Шаман как подкошенный упал у костра. Все наклонились к нему. Медленно раскрылись его глаза и губы прошептали: «Три оленя... хочет Ванхо...» Все облегченно вздохнули, зашевелились...

В лесу за рекой расположено кладбище хантов. На лодке старого Ванхо везут в последний путь. Над каждой могилой — сруб в виде домика. Вот и еще один сруб вырос над новой могилой. Наверки успокоился старый Ванхо. Вместе с ним в сруб положили папиросы, нож, кружку, рядом лежат разломанные нарты, на которых он ездил при жизни, хорей, которым погонял оленей. Оленей для Ванхо выбрали самых красивых, один из них белый, он был любимцем Ванхо. Умелыми и быстрыми движениями два молодых ханта арканом душат оленей... Шкуры и черепа оленей с рогами на могиле еще долго будут напоминать о совершенном обряде...

Отношение к животному как к жертве сложилось в очень далекие времена. Среди жертвоприношений можно различить несколько их типов. Один из них — жертвы умершим. Обычай этот распространен повсеместно и давно. Уже в погребениях палеолитической и неолитической эпох мы встречаемся с дарами умершему — различными

предметами, которые, по мнению первобытных людей, необходимы в загробной жизни. Жертвоприношения животных умершим делались с двойной целью: с одной стороны, покойник обеспечивался животными (оленьями, лошадьми, коровами и т. п.) как транспортом и средством пропитания в загробной жизни, с другой — жертва на могиле убивалась, особенно во время поминок, как пища для умершего или его души.

Олень — наиболее распространенная жертва на могиле умершего у народов Севера Сибири. Мясо оленя поедалось тут же у могилы, причем умершему ставили его долю, а шкуру и череп вешали около могилы на дерево. Поминальное пиршество у древних греков происходило перед головой лошади. На погребальной церемонии народа цзинпо, живущего в Лаосе, необходимо было принести в жертву до пяти буйволов и буйволиц, а также до восьми свиней. Части их туш клали около алтаря. После погребения покойника мясо ели, вешая черепа на дерево возле дома.

Западные индейцы племени черноногих приносили в жертву умершему и хоронили вместе с ним собак. Кочевые индейские степные племена хоронили лошадей вместе с покойниками. Жертвоприношение предназначенных для этой цели лошадей происходило на могиле, под платформой с трупом или у погребальной палатки. Лошадей перед убиением богато украшали перьями, надевали на них богатую упряжь. Подобные жертвоприношения и погребения коней вместе с покойником известны у многих племен и народов, особенно кочевых (скифов, сарматов, арийцев, монголов, тюркских народов и др.), у которых был развит культ коня.

В жертвоприношениях умершим, таким образом, заметны две тенденции: с одной стороны, забота об умершем родственнике, обеспечение его благополучия в загробном царстве, а с другой — умиловление души умершего, о чем мы уже говорили ранее, так как душа, если ее не умиловить, может причинить вред живым. С развитием имущественного неравенства, классовых отношений, появлением богатых вождей, царей жертвоприношения на их могилах стали особенно пышными: убивалось по нескольку сот лошадей и даже рабы или военнопленные.

Из обычаев жертвоприношений умершим развились обряды принесения жертв духам-предкам.

Обычай жертвоприношений предкам развивается в связи с почитанием и последующим обожествлением их. У народов Африки предкам приносились обильные жертвы. Например, у племени нгбанди бассейна Конго каждое утро старший в семье приносил в жертву предкам (обычно старейшинам, умершим последними) черепаху, какое-нибудь животное с полосатой шкурой или печень убитого на охоте зверя. Юго-западные банту (овагереро и овамбо) верили, что умершие предки живут под землей в могилах, могут помогать и вредить людям. Время от времени они посещали эти могилы и обращались к умершему: «Отец, вот мы здесь, здесь твои дети с быками, которых ты нам оставил и которые целы». После этого приносили в жертву быка. У бамбара Западного Судана с культом предков был связан столб у входа в жилище. Периодически его смазывали растительным маслом, «чтобы влить свежие силы в его душу». В Бирме ритуальное заклание буйвола или быка (либо курицы — это так называемая Малая жертва) связано с культом предков. Ритуальное убиение буйвола (Великая жертва) происходит во время национального праздника. Животное привязывают к столбу, затем вокруг него проходят все участники празднества. После этого буйвола опрокидывают на землю и заваливают землей и золой. Куски мяса от него предназначены для танцоров, выступающих на празднике. Вареные глаза буйвола съедают почетные гости. Здесь же убивают собаку, ей отрубают голову и кровью окропляют место жертвоприношения. Туловище собаки укрепляется на шесте, на который затем вешают череп буйвола. В Древнем Китае жертвоприношение быка существовало как обряд общения потомков с предками. Считалось, что предок (иногда обожествленный), удовлетворенный жертвой, выполнит все просьбы его почитателей. У народов Южного Вьетнама буйвол в жертвоприношении является как бы посланником семьи к духам, принимающим душу умершего. Он передает духам приношения. Ему отрубают голову, чтобы в нее мог вместиться дух. Мясо буйвола поедается всеми участниками обряда, а кровью все обмазывают голову, локти и колени. Саамы приносили жертвы предкам, чтобы они помогали им в промысле.

Богоядение

...Толпы народа окружают Афинский акрополь. Все веселы и возбуждены — предстоит интересное зрелище. Восторженные крики несутся над нарядной толпой: вдали показалось стадо быков. Перед сильными и красивыми животными расступается толпа. Быков гонят к бронзовому алтарю Зевса: на нем уже лежат пироги из ячменя, отборная пшеница. Все затаили дыхание: кто же из быков божественный? Взрыхляя землю могучими ногами, быки лениво кружат вокруг алтаря. И вдруг один из них — конечно, самый красивый и сильный — взбирается на алтарь и ест зерно. Крики ликования проносятся над площадью. Девушки-водоносицы приносят воду для омовения ритуального топора и ножа. Пока бык ест, точильщик натачивает топор и нож, и вот, наконец, орудия смерти передаются мяснику. Оглушив быка топором, он перерезает ему горло ножом и быстро убегает. Тем временем с быка сдирают шкуру, и все жадно набрасываются на еще теплое мясо. Считается кровь, хрустят кости — ритуальная трапеза превращается в первобытное пиршество. Все перемазаны кровью, но веселы, шутки и остроты сыплются одна за другой.

Но вот пир окончен. Шкуру быка набивают соломой, чучело ставят на ноги и запрягают в плуг, и под председательством самого царя начинается суд, чтобы найти виновника убийства. Допрашивают девушек-водоносиц, но они отвечают: «Мы тут ни при чем, виноват точильщик, который передал это орудие мяснику». Точильщик тоже отрицает свою вину, говоря, что виноваты мясники. Мясники в свою очередь отвечают: «Не мы виноваты, не мы убили, а убили топор и нож». Наконец-то виновные найдены. Над ними произносят приговор, вся толпа устремляется к морю: в наказание топор и нож бросают в море...

Этот древнегреческий обычай буфоний («убиение быка») совершался в честь Зевса по окончании молотьбы. Обряд символизировал ежегодное умирание и воскресение бога. Основной эпизод праздника сводился к церемонии принесения в жертву рабочего быка и его поедания.

Почти всегда жертвоприношение животного духу или божеству сопровождалось поеданием мяса жертвы. Одним из наиболее древних видов жертвоприношений было так называемое богоядение — жертвоприношение священного животного, в котором воплощалось божество, для ритуального поедания его мяса. Этот вид жертвоприношения, как мы видели, зародился в тотемических обрядах умножения зверя, прошел через ритуалы промыслового культа, попал в состав аграрных культов, а также в обряды в честь самых различных божеств классового общества. В этом случае мясо жертвенного животного — это мясо бога, которое поедается, чтобы закрепить единство с божеством.

Интересный обряд подобного рода совершался древними греками в честь Зевса Сосиполиса («Спасителя го-

рода»). Главную роль в обряде играет бык, которого ежегодно покупали представители общественной власти города. В начале сева жрецы выбирали самого красивого быка и в новолуние торжественно «посвящали» его. В молитвах содержалась просьба о хорошем урожае и приплоде скота. В течение зимы быка кормили на общественный счет, отдавая его кому-нибудь на содержание, но с условием, что содержатель выводил его на рынок и собирал на его пропитание средства от торговцев. В месяц жатвы быка выводили на рыночную площадь во главе торжественной процессии, в которой шли жрецы, победители на играх, они несли изображения божеств, шествие сопровождалось пением и музыкой. Затем быка убивали и съедали. Таким образом, быку отводилась ответственная роль — повлиять на плодородие и урожай. В то же время бык, мы помним, связывался с образом Зевса. Здесь древний обряд почитания бога с животными чертами слился с земледельческим культом.

В посвящаемых Дионису культе и мистериях главным моментом было также ритуальное убийство и поедание быка или козла. Кульминацией обряда считалась церемония причастия, приобщения к телу бога, которого символически заменял козленок или бык. Жрецы вели в храм выбранного быка, зывали к нему с молитвами и разрывали на части живого быка, причащаясь крови и телу бога. Во время вакханалий в честь Диониса женщины раздирали жертвенных быков. Вакханалии ежегодно устраивались на полях за городом, где паслись стада, после того как кончалась уборка винограда и было готово молодое вино. Участники вакханалий приходили в состояние экстаза: «В божественном безумии бежали женщины ночью через леса и горы, размахивая фирсами (палками, воткнутыми в сосновые шишки), в платьях, опоясанных змеями. Быстро переживались различные моменты божественной жизни. Вот бог пробудился, он родился, за ним ухаживают, его носят в колыбели... Он вырастает и становится юношей; его, исполненного производительной силой, роem окружают женщины. Но затем его разрывают на куски. Женщины разрывают и рассекают представляющее бога жертвенное животное, а порою, вероятно, и человека, случайно попавшегося им на пути. В диком, бешеном танце носят они вокруг, потрясая кусками мяса жертвенного животного, откусывая время от времени куски сырого мяса»¹⁹.

Похожий по происхождению и значению обряд проводился в честь богини земледелия Деметры, отождествлявшейся со свиньей. В жертву ей приносили свиней, которых поедали. Позднейшие осмысления жертвоприношений свиньи Деметре и козла Дионису сводились к тому, что свинья портит посевы, а козел — виноградники.

Как священное животное почитался буйвол у африканских скотоводов тоддов. Тодды пользовались, как и индусы, их молоком, но не ели его мяса, особенно избегая мяса самок. Жрецами при буйволах состояли специальные доильщики, которые соблюдали многочисленные табу и ритуалы и, как весталки, давали обет безбрачия. Ежегодно жрецы убивали бычка ритуальной, сделанной из священного дерева палицей, а огонь разводили при помощи трения. Мясо жарили в золе, подбирая для костра особые породы деревьев. В церемонии убиения буйвола и поедания мяса участвовали только мужчины.

Интересный обычай сохранялся у богатых калмыков. Они выбирали из своего стада одного барана, которого не стригли и не продавали, называя его «небесным», «бараном духа». На специальном празднике его убивали, а на его место выбирали нового священного барана. Праздник приурочивался к осени, когда мясо барана становилось жирным. Приглашали соседей и колдуна-шамана, который, предварительно обрызгав барана молоком, закалывал его. Мясо барана съедали, кости и часть жира сжигали на жертвеннике, устроенном из дерна, а шкуру с головой и ногами вешали над жертвенником.

Центральноафриканские мади занимались и земледелием, но основу их хозяйства составлял скот. Раз в год у них происходило торжественное жертвоприношение ягненка. Перед началом церемонии все выражали свое горе по поводу заклания жертвы. Около дороги, вокруг круга, сложенного из камней, собирался народ. Один из мальчиков ловил обреченного ягненка и четыре раза обводил его вокруг присутствующих. Каждый вырывал из животного клочок шерсти и клал себе на голову. Жрец убивал ягненка и его кровью четыре раза обрызгивал присутствующих. Затем он чертил знаки кровью: мальчикам — кольцо на левой стороне груди, мужчинам — на каждом плече, женщинам и девочкам — выше груди. После этого мясо ягненка съедали бедняки, а шкуру его вешали на дереве

недалеко от камней. По окончании жертвоприношения все присутствующие выражали свою радость. В этом обряде ясно видно стремление приобщиться к священному животному, к его крови и мясу.

Пережитки подобных церемоний встречаются в некоторых старинных обычаях народов Европы. В Уэльсе было известно особое отношение к гусю, который в ряде других местностей считался вещью птицей. Еще Цезарь указывал, что жители Британии не употребляли в пищу гуся, курицу и зайца. В то же время там существовал обычай торжественно есть гуся раз в году.

Обряды аграрных култов в Древнем Китае также были связаны с жертвоприношениями быков или буйволов, основных тягловых животных. К ним относятся обряд «Встреча весны», или «Весенняя корова», праздник «Первой борозды», ритуально-спортивное состязание «Бой двух быков». Праздник «Встреча весны» посвящен культу земли и земледелия. Во время его необходимо было прогнать духов холодов при помощи раздирания быка. Праздничные процессии вели быка и несли его бумажные и глиняные изображения. Около храма быка убивали, а мясо его делили между чиновниками. Изображения быка разбивались и расхватывались присутствующими. Интересна еще одна деталь праздника: быка приносили в жертву «божественному пахарю», которого изображало чучело человека с бычьей головой. Один из жертвуемых быков также был представлен чучелом быка, набитым зерном пяти сортов. Рядом клали земледельческие орудия. Мандарины медленно шествовали вокруг быка и на каждом шагу били его палками. Зерно высыпалось из чучела быка. В огонь бросали кусочки бумаги, и все стремились получить пылающий кусочек, ибо, по поверью, тот, кому удастся получить такой клочок, мог быть уверен во всяческом благополучии и счастье на текущий год. Затем убивали живого буйвола, и мандарины делили его мясо между собой. Этот обряд, по всей видимости, имеет очень древние корни и связан, очевидно, с обрядами богоявления. В нем отсутствует божество-бык, хотя и присутствует заместитель — «божественный пахарь» с бычьей головой, и появились новые элементы, связанные с земледелием. Но главное в нем — ритуальное раздирание и поедание быка-жертвы. Раньше, вероятно, быка раздирали живым все присутствующие и поедали, позднее эта честь стала

предоставляться только мандаринам, а для остальных мясо быка было заменено его бумажными и глиняными изображениями. Наличие другого обряда — праздника «Отрезания хвостов» — у народов Бирмы и Китая, по существу являющегося обрядом раздирания жертвенного быка, подтверждает правильность такого предположения. Этот обряд проводился в марте или начале апреля. На празднике убивали и съедали нескольких буйволов, пожертвованных богатыми жителями деревни, деля мясо их поровну между всеми присутствующими на празднике. После этого приводили желтую корову, обводили ее вокруг каждого дома, привязывали к столбу, и один из жертвователей отрубал ей мечом хвост. Затем вооруженные короткими мечами мужчины набрасывались на жертву, стараясь отсечь самый большой кусок мяса, причем в этой свалке происходили несчастные и даже смертельные случаи. Считалось, что, чем удачнее кусок удалось отсечь, тем лучше будет урожай в этом году. Хвост жертвы забрасывали на крышу дома и хранили.

Обряды раздирания быков и козлов известны и у ряда народов Средней Азии. Например, во время свадебной церемонии совершали обряд «козлодрания»: невеста скакала верхом с козленком или ягненком в руках, а жених с товарищами догоняли ее и раздирали животное. У узбеков в Хивинском ханстве был другой обряд. Ежегодно весной, когда кончалась очистка каналов и подготавливался пуск новой воды, проводился праздник, на который съезжались из разных селений. Когда пускали воду, в нее бросали жертвенного быка, которому предварительно подрезали шею. Молодые люди бросались в воду, стремясь завладеть быком. Завладевшие им устраивали пир для присутствующих. Жертвоприношение должно было обеспечить обилие воды в каналах и хороший урожай.

Связь этих обрядов с обрядами богоядения очевидна, мы видим их большое сходство с праздниками в честь Диониса, Деметры и т. п., хотя здесь и утрачена связь обряда с богом-животным. По-видимому, в том же ряду стоят и обрядовые бои священных быков, игрища-состязания с быками, известные у народов Средиземноморья, Кавказа и Юго-Восточной Азии. Например, еще в XIX в. в Сванетии проводились праздники в честь быка, состоявшие из таких боев и игр, а также из жертвоприношения свя-

щенного, специально выращенного быка «висхв». Для этой цели хозяин, имевший несколько коров, выбирал одну как мать будущего священного быка «висхв». Новорожденного «висхва» окружали заботой: не заставляли работать, кормили отборной пищей, не били, а, напротив, чтили его, провожали на водопой, клялись им. Весной под пасху его резали. Воспитание священных быков для жертвоприношений было известно в Индокитае, Индонезии, на Филиппинах, Кавказе.

Обряды, сочетающие ритуальное убийство и поедание быка с разнообразными играми и состязаниями, а также боями быков, мы встречаем в Испании. Здесь быка как священное животное включали в религиозные процессии на местных праздниках. Основные моменты в разнообразных играх и боях с быками, а также в обычаях ритуального убийства быков, а их здесь немало (коррида — бой торреадора с быком, энсиерро — пробег быков по улицам из корраля в загон арены, торо либре — бег быка на свободе, капеа — народная игра с быком, торо энсогадо — убийство связанного быка, торо дель фуего — убийство быка с огнем на голове и спине в ночной процессии), — одни и те же: религиозные процессии с быками, убийство и поедание быка (последнее нередко уже утрачено). Сейчас эти игры носят в основном развлекательный характер. Вот как, например, проходит торо дель фуего: «Представьте себе ночную процессию, в центре которой бык. Его сопровождают жители с поднятыми копьями, на концах которых нолыхают факелы... Или центральную площадь города, на которой горят пять громадных костров, а между ними мечется, как фантастический дракон, бык с огнем на голове и спине. Зрителем овладевает мистический страх перед зверем, и когда его, наконец, закалывают кинжалом, все вздыхают с облегчением». Игра торо либре («бык на свободе») описана так: «Быка на страх и радость всей деревне пускают носиться галопом по улицам и производить всякие разрушения. Все прячутся, закрывают окна, захлопывают двери. Те, кого бык застанет на улице, залезают на заборы, цепляются за балконы. И только немногие смельчаки высовываются за порог и перебегают быку дорогу. Ужас и радостное возбуждение попеременно сменяются в настроении жителей»²⁰.

Почему убивали и съедали священное животное? Вероятно, по двум причинам: во-первых, чтобы животное

к старости не потеряло силу, и, во-вторых, чтобы, съев мяса и испив крови, приобщиться к его силе. Вероятно, из обрядов тотемоядения возникли обычаи поедать мясо того или иного животного, чтобы унаследовать его качества, и, напротив, избегать принятия в пищу некоторых животных, унаследовать качества которых нежелательно. Чтобы сделаться храбрее, малайцы Сингапура ели мясо тигра, индейцы Северной Америки — мясо собаки. Мясо оленя делало североамериканских индейцев быстрыми, в то же время они не употребляли в пищу мяса крота, так как оно якобы делало лицо некрасивым. Карибы избегали есть мясо свиньи, жаб, опасаясь, что глаза их будут такими же маленькими, как у них. Змеиное мясо, по представлениям древних славян и германцев, открывало человеку тайны языка животных. В Нибелунгах, древнегерманском эпосе, встречаются аналогичные воззрения: будущему убийце Зигфрида дают мясо волка, чтобы он был храбрым, мясо змеи — чтобы стал хитрым, ловким, мясо коршуна — для верности глаза. Даже в более поздние времена у некоторых народов существовал запрет для юношей есть мясо зайца, чтобы не стать трусливым.

«Таинство причащения (вкушение тела и крови господней в виде вина и хлеба) также восходит своими корнями к тотемистическим обрядам, когда древние люди «вкушали» почитаемое животное и «приобщались» к сверхъестественным свойствам своего мифологического родоначальника и покровителя»²¹. Христианское причащение генетически связано с богоядением — съедением первобытным человеком тела своего бога с целью приобщения к его благодати.

Богоядение возникло в религиях, связанных с культом животных, и развилось в дальнейшем в религиозных обрядах земледельческих культов. Дж. Фрезер так сформулировал смысл богоядения: «Вкушая тело бога, он приобретает часть атрибутов и способностей бога. Когда богом является дух хлеба, то его подлинным телом является хлеб. Когда это бог винограда, то виноградный сок является его кровью. Таким образом, едя хлеб и вкушая вино, верующий реально ест тело и пьет кровь своего бога»²².

Один из нивхов, слушая объяснение значения христианского причащения, простодушно заметил: «Что же! Каждый человек своего бога кушает», имея в виду, ко-

печно, сходство причастия с трапезой во время медвежьего праздника.

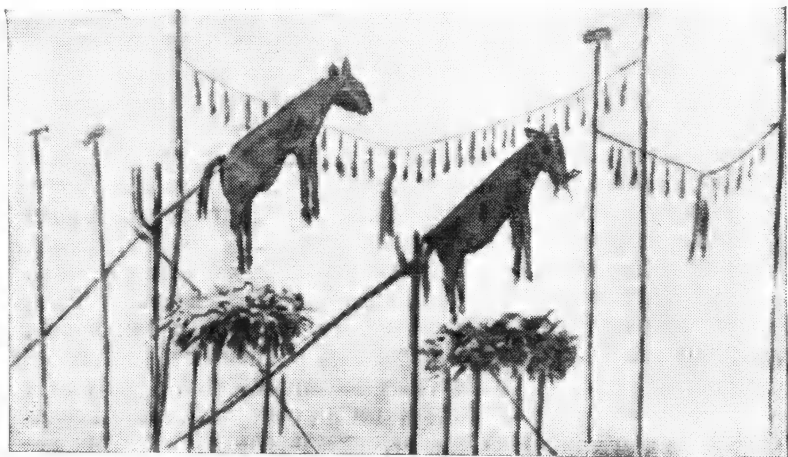
Христианское вероучение вкладывает слова о значении причастия в уста самого Христа: «Сие есть тело мое», «Сие есть кровь моя».

Если на ранних этапах обряд богоядения означал приобщение к богу, то позднее обряд причастия был дополнен представлением о получении бессмертия хотя бы после смерти, на том свете.

Жертва — пища бога

На более поздней стадии развития религии жертва божеству — это его пища. Сначала считалось, что духи и боги могут вкушать пищу, позднее развились представления о том, что боги лишь вдыхают запах от нее. Для богов готовилась самая вкусная пища — мясная. В Ветхом завете жертва понималась как «пища» бога. В Иерусалимском храме два раза в день готовили трапезу для бога: ягненка, смесь муки с маслом и вино. В субботу убивали двух ягнят, а на новолуние — двух быков, барана и семь ягнят.

В Китае существовали ежегодные традиционные жертвоприношения — Великое и Малое заклания, когда жертвы приносили предкам и главным силам природы. Главными жертвенными животными при Великом заклании были бык или буйвол. Они должны были быть «чистыми», т. е. одноцветными, без единого пятнышка. Предпочитались три цвета: белый (солнечная масть), черный (цвет севера), рыжий или темно-красный (цвет юга). В Древней Греции богине Гере приносили в жертву преимущественно молодых белых коров, а богине Персефоне — черных коров, Гадесу — черных быков и козлов, богине-покровительнице домашних стад и огней Гестии — нетелившихся коров. У негров баганда доброму богу Мукасе каждый новый царь, восшедший на престол, в числе даров посылал по девять белых коров, белых козлов и петухов. У алтайцев божеству огня приносили в жертву совершенно белую двух- или трехлетнюю овцу; у обских угров самой ценной жертвой считались белый олень или белая лошадь; у черкесов (для божества изобилия Тхаго-легга) — белая телка; у мариюцев — черный жеребенок; у удмуртов (для Кереметя) — бык или лошадь черной масти. На земледельческом празднике мордвы «Букань-

Жертвоприношение лошадей горному духу у алтайцев

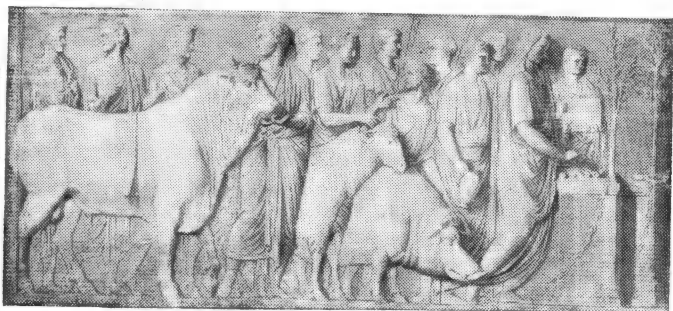
озкс» (бычье моление) сначала резали бурого быка, потом — красного быка и, наконец, — нестрога быка.

Эти традиционно установившиеся цвета масти жертв чаще всего соответствовали характеру того или иного божества или духа. Животные приносились в жертву разным богам тоже разные: одним коровы или быки, другим козлы, бараны, свиньи, собаки. Чаще всего это были те животные, в образах которых почитались раньше божества. Так, например, Зевсу, отождествлявшемуся с быком, приносили быков, Деметре — свиней, Дионису — козлов и быков и т. д. Так как жертва являлась пищей божества или духа, то люди старались использовать для нее самых ценных, иногда редких животных. Например, эвенки во время шаманских камланий в жертву забивали домашнее животное, отсутствовавшее в хозяйстве, — петуха, барана, свинью или курицу, хотя в обычных случаях лучшей жертвой считался белый или с белыми пятнами на голове олень. Но чаще все-таки в жертву приносили животных, которых разводили или наиболее почитаемых: оленеводы — оленей, кочевники степей — лошадей, народы северо-востока и юго-востока Сибири — собак, народы Юго-Восточной Азии — быков, свиней и кур и т. д.

Жертвы нередко были очень щедрыми. В Китае во время Больших жертв духам неба, семейного очага и божеству богатства убивали до десяти и более коров и свиней. В жертву злым духам калау коряки приносили много собак: «Кульг приморских коряков требует значительных издержек. С осени до весны они убивают столько щенков и взрослых собак, что не могут пополнить своих упряжек из естественного прироста... Следующий случай может дать представление о количестве собак, приносимых ежегодно в жертву приморскими коряками. В марте месяце я нанял в Парене 20 саней для перевозки моей коллекции... Месяц спустя я опять проезжал через Парен и был поражен количеством собачьих жертв, которые я там нашел висящими. Вдоль всего берега р. Парена стояли колья, воткнутые в снег, на которых висели собаки, с мордами, обращенными кверху и животом на восток. В свете весеннего солнца этот длинный ряд принесенных в жертву собак производил странное и печальное впечатление... Я выяснил, что большая часть этих собак была убита погонщиками нанятых мною саней в благодарность за благополучное возвращение... и для охраны своей деревни от духа кори», — так писал исследователь коряков В. Иохельсон²³. Громадные жертвоприношения совершались в Греции и Риме — так называемые гекатомбы — государственные приношения официальным богам, когда количество жертв доходило до нескольких сотен.

Мы уже видели, что в пищу богам или самые лакомые куски жертвенного животного, в том числе внутренности. Мексиканский жрец рассекал грудь жертвенного животного и вынимал еще бьющееся сердце, предназначенное богам. Шумерским богам приносили в жертву быка и козленка, особенно лакомыми считались жир и кровь: жир разбрасывали, а кровь выливали в ров.

Во всех жертвоприношениях особое значение имело пролитие крови священного животного. Идея жизненности и священности крови характерна для мировоззрения многих народов. У поклонников Митры было убеждение в том, что все живые существа происходят из крови священного быка. Самым тяжелым преступлением считалось пролитие крови сородича, так как это означало пролитие крови всех членов рода: ведь в них течет кровь одного родоначальника. Из представлений о единокровном родстве членов тотемической группы, рода, племени происходят

Римское государственное жертвоприношение

обычаи установления родства путем смешения крови, известные у всех, в том числе и у высокоразвитых народов. Принятие в состав рода, усыновление, побратимство становятся возможными, если кровь вступающего в род или родство смешивается с кровью членов рода.

С этими представлениями связаны, очевидно, и некоторые кровавые жертвоприношения, когда единство людей с божеством устанавливалось пролитием или вкушением крови жертвенного животного. В культовых элевсинских мистериях, посвященных богине Деметре, причащение кровью выражалось в том, что кровь заколотого жертвенного быка выпускали на посвящаемого, которого помещали для этого в специальную яму, прикрытую пологом, предназначенным для убийства быка. Во время священных трапез в честь Кибелы и Аттиса их поклонники пили кровь жертвенных животных, веря, что таким образом они причащаются крови и тела богов. Обряд причащения у древних арабов заключался в убийстве жертвенного животного, олицетворяющего бога и посвященного ему, в поедании его мяса и питье горячей еще крови. Верующие считали, что благодаря этому обряду они обновляются.

Кровь, по воззрению многих народов, есть источник жизни. Примером представлений о жизненной силе крови является обращение жреца, приносящего кровавую жертву божеству плодородия, у одного из племен Индии — кондов: «Знай, что тратится кровь для того, чтобы мог жить весь мир, и не только весь мир, но и все боги; знай, что кровь нужна для поддержания жизни всего

народа и для продолжения потомства. Если бы не была пролита кровь жертвы, ни народы, ни царства не смогли бы сохраниться. К жертвенному животному он обращался со следующими словами: «Твоя пролитая кровь утолит жажду земли, которая оживится новой силой». После жертвоприношения конды делили между собой мясо, обрызгивая кровью поля, чтобы сделать их более плодородными, а также свои очаги.

Греки во время жертвоприношений душам умерших выливали кровь жертвенных животных на землю; евреи выливали кровь к подножию жертвенного очага.

У ряда народов некоторым богам вместо животных в жертву приносили людей, впоследствии снова замененных животными. Богам «не отказывали в самой драгоценной пище, в человеческом мясе, а, может быть, даже предпочтительно приносили ее в дар»²⁴. При этом нередко человек заменял животное, олицетворявшее божество. Такие примеры известны из религии древних греков. Во время таинств Диониса на островах Хиос и Тенедос разрывали

живым человека, в Беотии в жертву приносили ребенка. В Орхомене жертвой для мистерий Диониса выбирали женщину, во время праздника жрец гнался за ней с мечом и, настигнув, мог убить. На празднике в честь Аполлона в жертву приносили двух человек, их сбрасывали со скалы. Впоследствии этот жестокий обычай был смягчен: сначала для этой цели использовали осужденных на смерть преступников, потом их стали сбрасывать символически, подхватывая внизу и изгоняя затем из страны, наконец позднее на костре стали сжигать куклу.

Человеческое жертвоприношение в Древней Мексике

Особенно типичны в этом отношении обряды, известные у древних мексиканцев в пору их завоевания испанцами (XVI г.). У них был обычай посвящать божееству пленника, в котором на определенный период (на год или менее) якобы воплощалось божество. Пленника называли

именем божества, наряжали в одежды бога, приносили ему жертвы, оказывали знаки поклонения. В день праздника его убивали, а тело съедали.

Великому богу Тецкатлипока тоже посвящали юношу, который в течение года считался живым воплощением бога. Он был окружен роскошью, ему прислуживали восемь юношей, служителей короля. Они составляли его почетную стражу, сопровождая его повсюду, украшенного цветами и играющего на флейте. Все, кто встречал его, падали ниц. За двадцать дней до праздника ему в наложницы давали четырех красивых девушек, каждая из которых называлась именем какой-нибудь богини. За пять дней до жертвоприношения внимание к нему усиливалось. Даже король отходил на второй план, весь его двор переселялся к молодому богу, наступала пора празднеств и пиров. В день жертвоприношения юношу, изображавшего бога Тецкатлипока, и его восемь прислужников в закрытой лодке перевозили на другой берег озера, где находился храм, построенный в виде ступенчатой пирамиды. Поднимаясь на каждую новую ступеньку храма, юноша ломал свою флейту. На вершине храма его клали на камень, жрец разрезал ему грудь каменным ножом и вынимал сердце, которое приносил в жертву Солнцу. Голову жертвы вешали, а руки и ноги варили. Их ели избранные лица, участвовавшие в жертвоприношении. Вместо принесенного в жертву тут же выбирали другого юношу, в котором снова будто бы воскресал бог.

Примеров человеческих жертвоприношений богам у разных народов много. Вероятно, отголоском такого обычая является древнегреческая легенда о Минотавре — страшном чудовище, получеловеке-полубыке. Согласно мифу, Минотавр был внебрачным сыном жены Миноса, критского царя. Минос специально для него выстроил Лабиринт — большое здание со сложными переходами. Сюда и заключили Минотавра. Афинский царь Эгей предательски убил сына Миноса за то, что тот победил в спортивных играх. Минос завоевал Афины и обложил их страшной данью: каждые восемь лет в жертву Минотавру присылать семь девушек и семь юношей. Только храбрый Тезей, сын Эгея, с помощью дочери Миноса Ариадны, полюбившей его, победил чудовище и освободил родной город от ужасного налога. Эта тема не раз служила сюжетом для многих поэтов.

Из жертвоприношений развился обычай гадания на костях и внутренностях животного. У древних италиков, народов Африки известны гадания по полету птиц. У марийцев и чувашей во время праздника «овечьей ноги» гадали следующим образом: ночью выхватывали из овчарни овцу и по цвету ее шерсти определяли будущий урожай.

Во всех этих обрядах жертвоприношений мы видим, во-первых, стремление вкусить мясо жертвы, во-вторых, желание умиловить духа-покровителя или бога. К умиловительным жертвам близки искупительные жертвы, направленные на то, чтобы предотвратить какое-либо несчастье. Собственно говоря, их трудно отделить друг от друга. Нередки были и очистительные жертвы, совершавшиеся в случае нарушения какого-либо религиозного запрета, для искупления греха. Например, если жрец у ингушей во время религиозной процессии прикасался древком хоругви «бейрах» к земле или терял с нее колокольчик, то он должен был во искупление вины жертвовать трех баранов или трехгодовалого быка.

Своеобразным обрядом очистительного жертвоприношения является древнееврейский обычай, давший основание для общепринятого выражения «козел отпущения». Он произошел от вавилонского обряда, во время которого грехи всего народа перекладывали на козла или барана, отправляя его на смерть в удаленное место. Древнееврейская религия заимствовала этот обычай. Раз в год, в день Кипур, в храм приводили двух козлов, взятых из стада. Священник становился перед ними и вынимал из специального ящика две записки. На одной из них было написано: «для бога», на другой — «для Азазела». Того козла, для которого вынимали первую записку, приносили в жертву богу «за грехи». На второго козла священник символически, положив ему руку на голову, «нагружал» грехи всех присутствующих на богослужении, и его отправляли в пустыню, где сталкивали со скалы. Тем самым люди избавлялись от наказания за грехи. Если проанализировать характер и происхождение злого духа, царя демонов Азазела (правильное его имя Азаел означает «козел-бог», изображался он с рогами на лбу), то оказывается, что почитание его восходит к культу козлообразного духа пустыни, а еще раньше, вероятно, козла. Но, оказывается, обряды подобного рода были известны и другим народам. В некоторых районах Средней Азии во время об-

ряда Сафар-чакты грехи людей перекладывались на собаку. Много аналогичных примеров приведено в книге Дж. Фрезера «Золотая ветвь»²⁵ Очевидно, отсюда происходит и христианское представление об «агнце божьем», который принимает на себя все людские грехи: «Се агнец божий, что принял на себя грехи человеческие».

Во всех случаях, принося жертвы духам или богам, человек надеялся получить от них за это что-то определенное взамен — помощь или прощение. Например, в Индии каждый, кто принес в дар служителю бога, жрецу, корову, мог рассчитывать получить в загробной жизни «небесную корову», из которой будет «доить все, что пожелает». Жертвоприношения поэтому совершались у разных народов по самым разным поводам: по случаю свадьбы, похорон, начала и окончания промысла, перед посевом и после уборки урожая, по окончании военных действий и т. д. и т. п. Иногда приносили жертву по случаю окончания какого-либо предприятия, причем жертвовали животное, которое благодетельствовало в этом деле людям. Надпись в каменоломнях Уади-Гаммамата, где разрабатывали камень для строительства храмов в Египте, гласит: «...Когда рабочие спускались с горы, явилась чудесная газель: она шла впереди и вела наших людей, которые шли, устремив глаза на нее. Она ни разу не обернулась, пока не дошла до этого камня на величественной горе... Тогда она родила на этом камне, на глазах у всего войска; ее зарезали, сожгли на камне вместе с ладаном, и глыба благополучно прибыла в Египет...»²⁶

Заключение

Как мы убедились, следы почитания животных в том или ином виде пронизывают религии всех времен и народов. Универсальной была древнейшая форма почитания животных — тотемизм, в этом одна из причин широкого бытования культа животных. Следы тотемизма в виде пережитков прослеживаются в религиозных представлениях почти всех народов. Происхождение тотемизма связано, очевидно, с тем, что на ранних этапах развития человек еще не выделял себя из природы, из мира животных, для него животные, птицы, растения были такими же существами, как он сам: «Вначале человек не отличает себя от животных, которых он видит вокруг себя и с которыми ему приходится иметь дело. Это вытекает, во-первых, из того, что он вообще не выделяет себя из природы. С другой стороны, нельзя не признать, что у него были и реальные основания к тому, чтобы ставить себя на одну доску с животными: он действительно мало чем отличался от них»¹. Некоторые представления и обряды, зародившиеся еще в тотемических обществах первобытной эпохи, перешли в религии последующих эпох.

На дальнейшее развитие почитания животных оказали влияние развитие промыслового культа, а также наличие такого фактора, как суеверный страх перед опасными животными (хищниками, змеями). Следы тотемизма, промыслового культа и страха перед животным настолько переплетены, что нередко трудно отделить их друг от друга. Именно эти корни объясняют такое яркое развитие культа медведя у народов Сибири. Поскольку все человечество в начале своей истории прошло через

охотничий быт, постольку в той или иной степени почти у всех народов сохранились пережитки особого отношения человека к животным. Пережитки тотемизма и промыслового культа особенно живучи у народов с охотничьим хозяйством. Яркий пример тому — народы Сибири.

Если на первых этапах развития человеческого общества силы природы господствовали над человеком и определяли его мировоззрение и религиозные представления, то позднее в религиях в гораздо большей степени стали отражаться отношения между людьми в обществе. Ф. Энгельс писал: «...Но ведь всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения»².

У большинства народов, перешедших к земледелию и скотоводству, с развитием классового общества пережитки тотемизма и промыслового культа стерлись или исчезли, а следы бывшего почитания животных сохранились лишь в мифологии, искусстве и некоторых суевериях. Примером таких суеверий может служить вера в оборотничество. У других народов, напротив, благодаря особым условиям, нередко связанным с разведением домашних животных (особенно это имеет значение для развития культа священных животных), почитание животных, имевшее корни в тотемическом и промысловом культах, а иногда основанное на боязни того или иного зверя, змеи, развилось в зоолатрический культ. Зоолатрические культы известны у народов с высокой культурой (Египет, Индия). Это более развитая форма почитания животных. Она включает в себя поклонение животному как божеству и может распространяться как на весь вид животных, так и на отдельные их особи. В отличие от тотемизма животное почитает не одна группа людей, а весь народ. Зоолатрии свойственны представления о почитаемых священных животных, нередко посвящаемых божествам. Характерно также, что зоолатрия всегда переплетается с другими формами религии, в том числе и классовыми.

Религия развивается вследствие развития общества. В. И. Ленин писал: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»³ На основе древних форм религии развиваются религии классовых обществ. Устанавливается, как мы заметили, историческая преемственность религиозных идей и ритуалов от первобытных форм религии к таким развитым формам, как египетская, вавилонская, греческая, иудаизм и др. На примере разных народов можно проследить, как почитаемое животное превращается в божество, а затем его образ постепенно приобретает человеческие черты, утрачивая животные. На определенном этапе дух-покровитель с человеческими и животными чертами становится культурным героем. Постепенное очеловечивание образа почитаемого предка-покровителя развивается параллельно с развитием других форм религии — культа предков, тайных союзов, культов племенных богов. У разных народов в большей степени развивались какие-то определенные из этих представлений, а на более поздних этапах развития они нередко переплетались. Например, Ворон у североамериканских индейцев квакиютль фигурирует и в роли мироустроителя, культурного героя, подарившего людям Солнце, научившего их разным полезным вещам, и в образе птицы мертвых, переносящей души мертвых в загробный мир, и в образе хитрого, жадного злодея, и в образе неуклюжего комического персонажа, хотя его первичная основа — тотемическая. С развитием цивилизации расстояние между человеком и животным в его представлениях все более увеличивается. Растет и число отличительных черт почитаемого духа или предка, отделяющих его от животного и приближающих к человеку. Его родословная обрастает все большим числом легенд и мифов, объясняющих, почему так почитаем данный герой или бог. Постепенно божество полностью освобождается от животных черт и приобретает облик человека. Отголоски о былой связи с животными остаются лишь в легендах о воплощениях этого божества в образы животных. Таков Зевс древних греков. Он представляется

в облике человека, но людям является в образе животного или птицы. Даже образ Иисуса Христа, как мы видели, связан с агнцем, голубем и рыбой.

Религии классовых обществ, в том числе и мировые религии, унаследовали некоторые представления и обусловленные ими обряды предшествовавших, в том числе и древних, форм религии, видоизменив и развив их в новых условиях. Христианство, например, сформировалось в особых исторических условиях, сложившихся в Римской империи, где процветали культы всех богов средиземноморских и переднеазиатских стран, и восприняло от них почти все догматы и культы. Пережитки культов животных в этих религиях встречаются в разных формах: в представлении о временном воплощении божества в животное, в животных чертах богов и святых, почитании священных животных, животных, посвященных этим богам и святым, в принесении животного в жертву богу и т. п. Более того, такие, казалось бы поздние, представления и церемонии классовых и мировых религий, как идеи смерти и воскресения бога, «непорочного зачатия», таинство причащения «тела и крови бога», имеют корни в культах животных, являясь «отдаленными отголосками тотемизма» (С. А. Токарев).

Развитие воззрений на смерть и воскресение шло от обрядов умножения зверя к обрядам массового воскресения животных, от представлений об инкарнации — к идее смерти и воскресения одного животного, в прошлом покровителя-предка, затем культурного героя, божества в образе животного и, наконец, бога-человека. Дж. Фрезер, изучив по фольклорным и этнографическим данным верования всех народов мира, в раннеисторической мифологии выделил один из древнейших мифов — об умирающем и воскресающем божестве. Он считал его земледельческим по своему происхождению, так как наиболее яркие его формы отмечены у земледельческих народов. В действительности, как показал В. Г. Богораз, ему предшествовал миф об умирающем и воскресающем звере. Миф и праздник умирающего и воскресающего зверя связаны с древними религиозными представлениями, в частности с тотемическими представлениями и церемониями. Таким образом, это не что иное, как соединительное звено между тотемическими представлениями и церемониями и мифом об умирающем и воскресающем божестве.

Хотя обряды-мистерии умирающего и воскресающего божества относятся к земледельческим культам и с культом животных непосредственно не связаны, в них прослеживаются основные элементы обрядов в честь умирающего и воскресающего зверя: смерть бога, умилоствление его, приобщение к его телу, воскресение божества.

Идея умирающего и воскресающего божества развилась у многих народов древнего мира — народов Индии, иранцев, сирийцев, ассиро-вавилонян, египтян, евреев, от которых уже в переработанном виде была введена в христианство. Как полагают ученые, прообразом Иисуса Христа послужили многие дохристианские умирающие и воскресающие боги: Аттис фригийцев и римлян, Адонис сирийцев и греков, Таммуз ассиро-вавилонян, Мелькарт финикийцев, Митра индийцев. Культ бога света Митры был популярен даже в Риме. Из него христианство заимствовало много обрядов и представлений: идею богочеловека и бога-спасителя, крещение, миропомазание, отпевание, причащение хлебом и вином, празднование рождения бога 25 декабря и воскресения его весной, почитание мощей и веру в воскресение мертвых, веру в чудеса, изложенные в мифах, создание особых общин (митраистов), хотя целый ряд этих представлений и церемоний в зачаточных формах был известен и в других религиях. Культ умирающего и воскресающего бога вошел в состав и других мировых религий — ислама и буддизма.

Идеи сверхъестественного зачатия также коренятся в культе животных. Их происхождение связано с представлениями о возможности связи женщины с животным или духом. С ростом культуры народа, когда связь женщины с животным признается противоестественной, на месте животного оказывается дух, а затем — бог. Идея священного брака с божеством свойственна многим религиям. Легенды о таких браках возникли задолго до возникновения мировых религий, и их тождество можно объяснить как взаимовлиянием культур, так и наличием одних и тех же древних корней. Характерна общая черта этих легенд о непорочном зачатии или чудесном рождении героев или богов: женщины рождали их, оставаясь «непорочными девами», девственницами. В этом был смысл чуда. Можно привести великое множество подобных легенд (рождение Гора Исидой, Аттиса Наной, Персея Данаей и т. д.).

Эти легенды и мифы, своим происхождением связанные с древнейшим мифом о рождении звериного сына, подготовили возникновение христианского мифа о чудесном рождении Иисуса Христа девой Марией. Аналогична легенда о рождении Будды, возникшая еще до рождества Христова. До своего рождения он жил на небе. Чтобы спасти людей от страданий и смерти, он решил воплотиться в образе богочеловека через непорочную деву Майю. Во сне она увидела, как с неба сошел «слон, белый, как снег и серебро», и вошел в ее тело в виде пятицветного лучика.

Таким образом, нельзя не видеть связи всех этих верований и культов с зоолатрическими культами и представлениями тотемизма: «Там также девы рождали не вследствие брачных связей с мужчинами, а вследствие вхождения предка в тело женщины... Даже более: дева Мария зачала от духа святого, явившегося в виде голубя, а девы австралийские могут зачать вследствие вхождения в них тотемического животного» ⁴.

Развитие религиозных верований шло одновременно с развитием общества. Так как религия в форме идеологии отражает общественное бытие, она в своем развитии отражает и изменения в общественной жизни. И подобно тому, как человеческое общество, развиваясь от более низких ступеней к более высоким, не отбрасывало многих прежних достижений человеческой культуры, а наследовало все результаты развития производства и культуры, так и в религиях разных народов и эпох мы находим историческую преемственность. Разумеется, мы не можем проследить непрерывную линию развития религиозных верований у каждого народа. Развитие народов проходило неравномерно и своеобразно, в памятниках письменности, искусства, фольклора и пережиточных явлениях отразились разные стороны религиозных представлений. Однако на основе изучения всех фактов — исторических, этнографических, фольклорных и пр. — можно ретроспективно восстановить основные этапы развития религиозных верований и культов в виде общей схемы, показывающей и развитие культа животных в религиях народов мира. Мы попытались составить такую схему, отнюдь не претендуя на ее полноту и бесспорность. Деление культов животных в пределах различных форм религии в ряде случаев и условно, так как формы почитания животных на-

столько многообразны, что их не всегда можно втиснуть в рамки какой-либо классификации. Не все вопросы еще достаточно ясны, особенно происхождение некоторых форм религии, например тотемизма, промыслового культа, некоторых видов зоолатрии. Но в книге, задуманной прежде всего для того, чтобы познакомить читателя с одной из интереснейших черт религий разных народов, невозможно было рассмотреть все тонкости научных дискуссий. Наша задача заключалась в том, чтобы дать общее представление о культах животных в разных религиях.

Изучение истории религиозных верований различных народов имеет не только познавательное, но и большое практическое значение. История религий дает один из самых сильных аргументов против религиозной идеологии. Рассматривая эволюцию религиозных взглядов от древности до наших дней, мы видим, как мировые религии вырастали из примитивных верований. Это опровергает утверждения богословов об изначальности религии на Земле, об извечности христианства и других вероисповеданий. «Божественные откровения» оказываются не чем иным, как обыкновенными мифами, которые создавались на протяжении истории неоднократно и разными народами.

Примечания

Введение

- ¹ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 15—16.

Глава первая

- ¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953; А. Ф. Анисимов. Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. I. Л., 1939.
- ² В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала.— «Свод археологических источников», ч. I (B4-12). М., 1964; ч. II. М., 1971.
- ³ С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 16.
- ⁴ А. Ф. Анисимов. Указ. соч., стр. 38—41.
- ⁵ «Вокруг света», 1971, № 2.
- ⁶ B. Spenser and F. Gillen. The Native Tribes of Central Australia. London, 1899; *idem*. The Northern Tribes of Central Australia. London, 1904.
- ⁷ J. Frazer. Les origines de la famille et du clan. Paris, 1922, p. 7—8.
- ⁸ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 131.
- ⁹ B. Spenser and F. Gillen. The Northern Tribes of Central Australia, p. 146—147; Д. Е. Хайтун. Тотемизм и его сущность. Душанбе, 1958.
- ¹⁰ B. Spenser and F. Gillen. The Native Tribes of Central Australia, p. 169.
- ¹¹ С. А. Токарев. Ранние формы религии, стр. 45.
- ¹² А. М. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 4.
- ¹³ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966.
- ¹⁴ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 429.
- ¹⁵ Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 58.
- ¹⁶ Г. Н. Прокофьев. Остяко-самоеды Туруханского края.— «Этнография», 1928, 11, стр. 16.
- ¹⁷ К. М. Рычков. Енисейские тунгусы.— «Землеведение», 1922, кн. 1—2 (приложение), стр. 95.
- ¹⁸ Д. Ливингстон. Путешествие по Южной Африке. М., 1937, стр. 20.
- ¹⁹ L. Frobenius. Dämonen des Sudan. Jena, 1924, p. 233.
- ²⁰ Е. А. Алексеенко. Культ медведя у кетов.— «Советская этнография», 1960, 4, стр. 92.
- ²¹ М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, стр. 135.
- ²² J. G. Frazer. Totemism. Edinburg, 1887, p. 1.
- ²³ Л. Я. Штернберг. Указ. соч., стр. 271.

- ²⁴ К. М. Рычков. Указ. соч., стр. 89.
- ²⁵ Л. Я. Штернберг. Указ. соч., стр. 23.
- ²⁶ Н. Харузин. Русские лопари, стр. 159, 169—170.
- ²⁷ Н. Харузин. Этнография, т. IV, СПб., 1905, стр. 362.
- ²⁸ В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере.— «Художественный фольклор», № 1, М., 1926, стр. 71.
- ²⁹ G. Catlin. Die Indianer Nord-Amerikas... Herausg. von H. Berg-haus. Brussel und Leipzig, 1948, S. 175.
- ³⁰ В. В. Чарнолуцкий. Легенда об Олене-человеке. М., 1965, стр. 55—56.
- ³¹ Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 93—94.
- ³² С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 195.
- ³³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина первая. СПб., 1788, стр. 85—86.
- ³⁴ Н. Гондатти. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.— «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 48, вып. 2. М., 1888.

Глава вторая

- ¹ Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, стр. 147—148.
- ² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 169.
- ³ Н. Харузин. Этнография, т. IV. СПб., 1905, стр. 395.
- ⁴ С. М. Абрамзон. К характеристике шаманства в старом быту киргизов.— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1958, XXX, стр. 148.
- ⁵ В. Л. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 639—644.
- ⁶ Сказки и мифы Океании. М., 1970, стр. 93.
- ⁷ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.— Л., 1957, стр. 45.
- ⁸ В. Н. Чернецов. Вогульские сказки. Л., 1935, стр. 108.
- ⁹ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 150, 322—324.
- ¹⁰ В. В. Чарнолуцкий. Легенда об Олене-человеке. М., 1965, стр. 55.
- ¹¹ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, т. III. СПб., 1902, стр. 253.
- ¹² Там же.
- ¹³ В. В. Чарнолуцкий. Указ. соч., стр. 25.
- ¹⁴ А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, стр. 14.
- ¹⁵ F. Boas. Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas. Berlin, 1895, S. 111.
- ¹⁶ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров.— «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований».— Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. LI. М., 1959, стр. 135.
- ¹⁷ По данным этнографа из Томского университета Н. В. Лукиной.
- ¹⁸ Д. Ганстон. Морское поверье — «Курьер ЮНЕСКО», март 1961 г.
- ¹⁹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 429.

- ²⁰ Н. Брыкин. Медвежья свадьба.— «Ленинградская правда», 1925, № 190.
- ²¹ Л. Я. Штернберг. Указ. соч., стр. 354.
- ²² По данным сотрудника Института этнографии АН СССР Н. П. Лобачевой.
- ²³ Н. Харузин. Этнография, т. IV, стр. 292—293.
- ²⁴ Там же, стр. 359—361.
- ²⁵ С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 224.
- ²⁶ Н. Schurtz. Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902, S. 354.
- ²⁷ Сказки и мифы Океании, стр. 118—119.
- ²⁸ С. А. Токарев. Ранние формы религии, стр. 234.
- ²⁹ В. Spencer and F. Gillen. The Native Tribes of Central Australia, London, 1899, p. 389.
- ³⁰ А. Howitt. The Native Tribes of South-East Australia. London, 1904, p. 780—781.
- ³¹ Н. Харузин. Этнография, т. IV, стр. 292—293.
- ³² W. Bang und G. R. Rachmats. Die Legende von Oghuz Cahan. Berlin. 1932, S. 7.

Глава третья

- ¹ А. Дениза. Поклонение кобре.— «Наука и жизнь», 1970, № 6, стр. 121.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 315.
- ³ Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955, стр. 224.
- ⁴ Там же, стр. 66.
- ⁵ Там же, стр. 224.
- ⁶ И. Г. Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период. М., 1918, стр. 30.
- ⁷ Лукиан. Указ. соч., стр. 88, 113.
- ⁸ Там же, стр. 96, 222.
- ⁹ Младшая Эдда. Л., 1970, стр. 105.
- ¹⁰ А. Г. Петискус. Олимп или греческая и римская мифология в связи с египетской, германской и индийской. СПб.— М., 1873, стр. 98.
- ¹¹ Е. Ярославский. Как рождаются, живут и умирают боги и богини. М., 1959, стр. 63—64.
- ¹² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XVII, М., 1923—1927, стр. 220.
- ¹³ В. Троцанский. Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902, стр. 103.
- ¹⁴ Н. Агапитов и М. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии.— «Известия Восточно-Сибирского отд. РГО», т. 14, № 1—2. Иркутск, 1833, стр. 38—39.
- ¹⁵ По данным сотрудника Института этнографии АН СССР Б. Х. Кармышевой.
- ¹⁶ И. Гольдциер. Культ святых в исламе. М., 1938, стр. 75.
- ¹⁷ Е. Ярославский. Указ. соч., стр. 66.
- ¹⁸ Н. Харузин. Этнография, т. IV. СПб., 1905, стр. 150—151.
- ¹⁹ П. Д. Шантепи де ла Соссей. История религий, т. II. СПб., 1902, стр. 229—230.

- ²⁰ *Н. Н. Садомская.* У порога корриды.— «Советская этнография», 1969, 6, стр. 116—118.
- ²¹ *В. Е. Титов.* Православие. М., 1967, стр. 184.
- ²² *Дж. Фрезер.* Золотая ветвь, вып. IV. М., 1928, стр. 94—119.
- ²³ *W. Jochelson.* The Koryak. Jesup North Pacific Expedition, v. 6. Leiden — N. Y., 1905—1908, p. 96—97.
- ²⁴ *Г. Шуры.* История первобытной культуры. М., 1923, стр. 654.
- ²⁵ *Дж. Фрезер.* Указ. соч., стр. 29.
- ²⁶ *А. Морэ.* Во времена фараонов. М., 1913, стр. 57—58.

Заключение

- ¹ *И. А. Крывелев.* Происхождение религии. М., 1968, стр. 23.
- ² *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1957, стр. 299.
- ³ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 65.
- ⁴ *Н. Токин.* Очерк происхождения религиозных верований. М.—Л., 1929, стр. 38.

Дополнительная литература

- Авдеев А. Д. Происхождение театра. Л.— М., 1959.
- Аверкиева Ю. П. К вопросу о тотемизме у индейцев Северной Америки.— «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Труды института этнографии, новая серия, т. LI, М., 1959.
- Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— Труды института этнографии, новая серия, т. 70, М., 1961.
- Анисимов А. Ф. Культ медведя у эвенков в проблеме эволюции тотемистических верований.— Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1960.
- Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник.— «Советская этнография», 1948, 4.
- Грин Л. Последние тайны старой Африки. М., 1966.
- Гусева Н. Р. Индия: тысячелетия и современность. М., 1970.
- Донини А. Люди, идолы и боги. М., 1966.
- Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929.
- Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.
- Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.— «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Труды института этнографии, новая серия, т. LI, М., 1959.
- Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков.— «Краткие сообщения Института этнографии», 1958, XXX.
- Религия наименее изученных племен. Сб. этнографических материалов. М., 1931.
- Религиозные верования народов СССР. Сб. этнографических материалов, т. I, II. М., 1931.
- Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы.— «Советская этнография», 1948, 3.
- Смоляк А. В. Некоторые вопросы происхождения народов Нижнего Амура (о так называемом айнском компоненте в медвежьем празднике амурского типа).— «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Стратанович Г. Г. Ритуальное убийство быка (по материалам обрядности народов Восточной и Юго-восточной Азии).— Сб. «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», М., 1970.
- Чернецов В. Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем.— Congressus Secundus Internationalis Fenno — Ugristarum. Helsinki. Pars II, 23—28. VIII 1965.
- Шаревская Б. И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964.

Оглавление

Введение	5
<i>Глава первая. Древнейшие формы почитания животных</i>	<i>9</i>
Тотемизм: животные — предки и родичи	9
Промысловый культ	43
Культ медведя	63
<i>Глава вторая. Почитание животных в эпоху разложения первобытнообщинных отношений</i>	<i>86</i>
Животные — духи-покровители	91
Культ предков в облике животных	98
Животное в мифах и религиозной практике тайных союзов	120
Культурный герой и племенной бог с чертами животного	135
<i>Глава третья. Зоолатрические культуры и представления в религиях классовых обществ</i>	<i>146</i>
Боги и животные	146
Священные животные	175
Животное как жертва	184
Заключение	202
Примечания	209
Дополнительная литература	213

Зоя Петровна Соколова

Культ животных в религии

*Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР*

Редактор *Л. В. Лукашевич*

Художественный редактор *В. Н. Тикунов*

Художник *И. А. Огурцов*

Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 13/X-1971 г. Подписано к печати 26/I-1972 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,34

Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 30 000 экз. Т-03604. Тип. зак. 2930.

Цена 36 коп.

Издательство «Наука».

Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	18 св.	материнский	матрилинейный
190	17 св.	культур	культу
215	8 сн.	культуры	культы

36 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
КНИГА:**

ШАХНОВИЧ М. И.

Первобытная мифология и философия. 10 л. 65 к.

На основе этнографического, исторического и философского материала автор анализирует сложный и противоречивый процесс развития общественного сознания. На формирование философии оказывали воздействие наивно-идеалистические представления первобытности, связанные с зачатками научных знаний, первобытно-религиозные, в частности анимистические представления, а также мифология.

Книга рассчитана на пропагандистов атеизма и широкий круг читателей.

Адреса магазинов «Академ-книга»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13; **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24; **Душанбе**, проспект Ленина, 95; **Иркутск**, 33, ул. Лермонтова, 303; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Кишинев**, ул. Пушкина, 31; **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; **Ленинград**, Д-120, Литейный проспект, 57; **Ленинград**, 9-я линия, 16; **Ленинград**, Менделеевская линия, 1; **Москва**, ул. Горького, 8; **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; **Новосибирск**, 91, Красный проспект, 51; **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73; **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43; **Уфа**, Коммунистическая ул., 49; **Уфа**, проспект Октября, 129; **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.

